

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994-9065

1(5)
2010

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ им. М. В. Ломоносова

Выходит 2 раза в год

Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф.,
Калиниченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В.,
Мозговой С. А., Попков В. В., Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. К. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай),
Бондаренко Д. М. (Россия), Вебер А. Б. (Россия), Гэй У. (США), Гусейнов А. А.
(Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т. (Великобритания),
Добровольский Г. В. (Россия), Ечимович Т. (Словения), Израэль Ю. А.
(Россия), Иноземцев В. Л. (Россия), Камуселла Т. (Польша), Капица С. П. (Россия),
Киш Э. (Венгрия), Колбаси Х. (Иран), Коротаев А. В. (Россия), Кучуради И.
(Турция), Лисеев И. К. (Россия), Мазур И. И. (Россия), Назаретян А. П. (Россия),
Степин В. С. (Россия), Трубецков Д. И. (Россия), Урсул А. Д. (Россия), Чилингаров
А. Н. (Россия), Юдин Б. Г. (Россия).

Адрес редакции:

119992, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, к. 102, Президиум РФО.

Тел.: (495) 203-92-98. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.uchitel-izd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

- Ильин И. В., Урсул А. Д. Эволюционный подход к глобальным исследованиям и образованию: теоретико-методологические проблемы 3
- Василеску Г. Методологические аспекты глобалистики 18

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

- Робертсон Р. «Возвращение» религии и конфликтная ситуация мироустройства..... 30
- Интеллектуальный капитал как важнейший фактор экономического развития (*Интервью с М. А. Эскиндаровым*) 39
- Будущее непредсказуемо, но предвидимо (*Интервью с И. В. Бестужевым-Ладой*) 45

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Рокмор Т. Социальные противоречия, глобализация и события 9/11 53
- Таран П. Глобализация и трудовая миграция: необходимость политики, основанной на правах человека..... 66
- Тынянова О. Н. Национальный суверенитет и государственные границы в эпоху глобализации 89

МИРОВОЙ КРИЗИС

- Гаджиева В. Глобальный кризис: причины, направления, пути решения 106

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

- Карякин Ю. Ф. Не опоздать! (Одна посылка – бесконечность следствий) 111
- Грубец М. Предпосылки межкультурного диалога о правах человека 126

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

- Смитиенко Б. М. Россия и идеи объединенной Европы..... 145
- Марков С. А. Новый этап стратегии России на Кавказе в ответ на теракты 157
- Кальной И. И. От какого наследия мы отказываемся в результате потери исторической памяти 163
- Денисов С. А. Отступление «третьей волны» демократизации в мире 173

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

- Андреев А. И. Международная научная конференция «Актуальные проблемы глобальных исследований» 187
- Наши авторы* 190
- Contents* 191

ТЕОРИЯ

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД К ГЛОБАЛЬНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ И ОБРАЗОВАНИЮ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

И. В. Ильин, А. Д. Урсул

Предлагается эволюционный подход к глобалистике, которая будет исследовать глобальные процессы и системы, прежде всего глобализацию и глобальные проблемы в контексте их развития и отношения к человеку и обществу. Глобальное развитие как эволюция глобальных процессов и систем – основной предмет эволюционной глобалистики. Концепция эволюционной глобалистики рассматривается в ракурсе универсального (глобального) эволюционизма и перспектив перехода к устойчивому развитию, а также становления различных этапов ноосферы.

В образовании ожидаются трансформации, связанные с эволюционными изменениями всего цивилизационного процесса и взаимодействия общества и природы. Появится эволюционный ряд глобальных моделей образовательных процессов и систем, начиная от ныне существующих экспериментальных вариантов глобального образования, затем образования для такого глобального процесса, как устойчивое развитие, а также предполагается становление как ноосферного образования, так и «глобально-эволюционных» форм образования.

Ключевые слова: *глобализация, глобалистика, глобальная безопасность, глобальное образование, глобальные процессы, глобальный эволюционизм, ноосфера, устойчивое развитие, эволюционная глобалистика.*

В последние годы основное внимание глобальных исследований было сосредоточено в основном на глобализации и глобальных проблемах, причем «центр тяжести» в настоящее время сильно сместился в сторону исследования проблем глобализации. Это свидетельствует в пользу того, что с течением времени предметное поле этих исследований и особенно глобалистики изменяется и, как мы считаем, далее будет интенсивно развиваться. Становится очевидным, что среди глобальных феноменов кроме упомянутых существуют и другие, которые будут изучаться глобалистикой, если ее мыслить более широко и глубоко в смысле познания природы и генезиса этих явлений, чем сейчас принято. В этом широком понимании глобалистика, на взгляд авторов, должна изучать глобальные процессы и системы, выявлять закономерности и тенденции их существования и развития.

В эволюционной глобалистике в единое целое соединяются два мировоззренческих и методологических подхода – эволюционизм и глобализм. Глобализм представляет миропонимание, базирующееся на видении мира как единого целого, а человечества – как взаимосвязанного мирового сообщества, в котором общепланетарные характеристики превалируют и осознается сопричастность к общечеловеческим проблемам и глобальным процессам. Эволюционизм здесь рассматривается в широком смысле как мировоззренческая установка, рассматривающая мир с точки зрения наиболее общего представления о развитии, то есть как о направленных изменениях содержания процессов и систем (прогресса, регресса и других форм и направлений развития). Существуют и другие, более узкие, интерпретации понятия эволюционизма¹.

Использование глобально-эволюционного подхода позволит более адекватно и эффективно ориентировать процесс становления различных сфер и направлений глобальной практической деятельности. Ведь понимание места и роли тех или иных глобальных феноменов в эволюционных процессах на планете и в целом в мироздании позволит принимать более эффективные меры в практической деятельности, направленной на выживание цивилизации и сохранение естественного фундамента ее существования – биосферы. Эволюционный подход в глобалистике имеет особое значение для глобального образования, способного сформировать планетарное и опережающее сознание, правильно ориентирующее на реализацию этих гуманистических целей.

Различные формы глобального образования и систем обучения и воспитания в области глобальных процессов, которые уже появились и разворачиваются в нашей стране и за рубежом, важно направить по траектории, в наибольшей степени содействующей выходу из глобального кризиса и выживанию мирового сообщества. Если глобалистика и глобальное знание в целом претендуют на роль одного из лидеров науки XXI в., то и формирующееся глобальное образование может оказаться тем локомотивом, который выведет образовательный процесс на новый качественный уровень, соответствующий наиболее оптимистичному видению будущего человечества.

Эволюционная глобалистика как новое направление глобальных исследований

Под глобалистикой понимается «междисциплинарная область научных исследований, направленных на выявление сущности, тенденций и причин процессов глобализации, порождаемых ею глобальных проблем и поиск путей утверждения позитивных и преодоления негативных для человека и биосферы последствий этих процессов» (Мазур, Чумаков 2003: 199).

В указанном определении в качестве предметного поля глобалистики как интегративно-общенаучной области научного поиска указываются глобализация и глобальные проблемы как процессы (глобальные процессы). Однако можно счи-

---

¹ Эволюция также рассматривается как: 1) постепенные поступательные и количественные и качественные направленные трансформации материальных объектов; 2) как плавные, в том числе и обратимые, количественные изменения объектов без качественных скачков, то есть как противоположность революционным изменениям.

тать, что процессы глобализации и глобальные проблемы являются лишь наиболее видимой частью «айсберга» на предметном поле глобалистики, поскольку будут выявляться и другие глобальные процессы (подводная часть этого «айсберга»), между которыми существуют более сложные причинно-следственные и иные – нелинейные – связи, чем те, которые сейчас представлены в современной литературе.

Глобалистика как интенсивно формирующаяся область научно-интегративного поиска переживает и, видимо, завершает свой «накопительно-описательный» и «инвентаризационный» период. Глобальные исследования подошли к фазе бифуркации или даже полифуркации, которая предвещает появление принципиально новых направлений творческой активности, на одном из которых мы далее остановимся.

В теоретико-познавательном аспекте глобалистика, как и любая область научного поиска, предстает как эволюционирующий логико-гносеологический феномен. Однако, констатируя наличие этого эволюционно-эпистемологического аспекта глобальных исследований, мы все же сосредоточим основное внимание на эволюционно-онтологическом ракурсе тех объектов, которые уже вошли в предметное поле глобалистики и которые еще предстоит исследовать этой междисциплинарной области научного поиска в предлагаемой более широкой интерпретации.

Если принять в качестве исходного положение, что глобалистика изучает глобальные процессы и системы, то можно несколько по-иному увидеть предметное поле глобалистики и всего глобального знания, а на этой основе – и становления новых направлений глобальной деятельности, особенно глобального образования. Пока глобалистика лишь формирует свое предметное поле как в исследовательском, так и в образовательном аспектах. С признанием того, что предметом глобалистики являются глобальные процессы и системы в их эволюции (а также коэволюции), ситуация кардинальным образом меняется. На смену стихийно-накопительному и описательному периоду развития глобалистики приходит новый этап развертывания глобального знания по предлагаемой далее концептуально-логической модели эволюционной глобалистики (подробнее см.: Ильин, Урсул 2009).

Хотя в глобалистике не отрицалась проблема развития и так или иначе эволюционный аспект присутствовал даже в определениях этого научного направления, тем не менее «процессуально-эволюционный» фактор пока не занял должного места в глобальных исследованиях. Глобалистика не могла сразу появиться в своей полноценной «эволюционной версии», так как в начальный период формирования научного направления происходит процесс выделения предмета исследования, его описание, а затем систематизация. Только на какой-то более поздней стадии начинается осознание и выделение адекватных предмету исследования методов и подходов. Так происходило формирование практически всех наук и научных направлений, и глобалистика – не исключение. В качестве примера этому можно назвать экономику, теория которой развивается уже не одно столетие, и только в последние три десятилетия эволюционная экономика заявила о себе как сложившееся научное направление, то есть фактически в то же время, когда стала формироваться глобалистика.

И хотя в глобальных исследованиях присутствовала историческая динамика (иногда зарождение и развитие глобального знания рассматривают как историческую глобалистику), тем не менее сознательное использование эволюционных представлений для исследования глобальных процессов не носило целенаправленного системного характера. Отчасти это было связано с тем, что предметное поле глобалистики ограничивалось происходящим, то есть в основном современными социально-историческими процессами (и акцентом на глобализации), в которых не просматривалось долговременных трендов и эволюционных горизонтов ни в прошлое, ни в будущее. Однако расширение предметного поля глобалистики потребовало эволюционного видения как уже изучаемых глобальных процессов, так и новых претендентов на ту же «роль».

В результате мы ожидаем формирования эволюционной глобалистики как междисциплинарного концептуального подхода к исследованию глобальных процессов и систем в эволюционном ракурсе и прежде всего с позиций глобального (универсального) эволюционизма. Эволюционные идеи в глобалистику проникают различными путями, но одним из главных мы считаем магистраль глобального эволюционизма, мощный интегративный поток которого захватывает все растущее число научных направлений и особенно глобальных исследований, формируя в них все большую «плотность» эволюционных представлений. Глобальный эволюционизм представляет интегративно-общенаучную концепцию глобальной (универсальной) эволюции, в которой самоорганизация материальных систем предстает в качестве единого и основного перманентного процесса прогрессивного развития в видимой Вселенной (см.: Урсул А., Урсул Т. 2007; Урсул 2009а). Глобальная эволюция – это непрерывная самоорганизация материальных систем в неживой природе, живом веществе и обществе, продолжающаяся далее в социоприродной форме и охватывающая материальные системы вещественного фрагмента Вселенной. В принципе, эволюционный подход в глобальных исследованиях может формироваться и без глобального эволюционизма, однако это происходит гораздо медленнее и не столь целенаправленно, как при сознательном использовании этой общенаучной концепции.

Глобальная эволюция имеет место как в космосе, так и на планете, причем в первую очередь нас интересуют именно общепланетарные процессы эволюции, которые, с нашей точки зрения, оказываются предметом исследования не только соответствующих наук (например, наук о Земле), но и в определенном аспекте – глобалистики. Если глобалистика в широком ее понимании изучает глобальные процессы и системы, то эволюционная глобалистика исследует их уже как процессы глобального развития. Так, глобализация видится как эволюционный процесс не только интеграции ранее автономно развивающихся фрагментов социума и обретения целостности человечества, но также и созидания единой общепланетарной социоприродной системы «человек – общество – природа» на принципах коэволюции (см.: Лейбин 2003). Глобальное развитие как эволюция и коэволюция глобальных процессов и систем – основной предмет эволюционной глобалистики.

Глобализация и глобальные проблемы не рассматривались только в статике, как некоторое «застывшее в современности» состояние человечества. Однако рас-

смотрение динамики глобальных процессов, признание изменчивости «планетарных характеристик» обсуждаемых здесь процессов не означает еще, что внимание акцентируется на их эволюционном видении, которого «заслуживают» глобальные феномены. Ведь они уже заняли то пространство, которое дает им право именоваться глобальными процессами. А это значит, что эволюционные изменения во времени также должны выйти за пределы происходящего в последнее время. Глобальные процессы могут и должны рассматриваться в более широком эволюционно-временном интервале, продлевая его в сторону как прошлого, так и будущего. Но дело не только в рассмотрении длительности глобальных процессов, но и в том или ином способе фиксации результатов их эволюции, которые выходят за рамки очевидного и линейного их видения, захватывая весьма отдаленные и косвенные последствия, включая и пока не осуществившиеся прогнозируемые эффекты.

Здесь предлагается не только процессуально-системный, но вместе с тем и процессуально-эволюционный подход в глобалистике, или точнее – глобально-эволюционный подход, который позволяет более адекватно определить место глобалистики и изучаемых ею глобальных процессов и систем в современной науке и эволюционной картине мира начала XXI в. Широкое использование процессуально-эволюционных представлений открывает новые горизонты развития глобального знания, дает возможность более органично включить глобалистику в процессы усиливающегося междисциплинарного синтеза и формирования интегративно-общенаучного знания в его глобальной и даже космической перспективе.

Понятие «глобальные процессы» в научной литературе чаще всего употребляется в двух основных значениях: 1) глобальные процессы как относящиеся к земному шару, то есть общепланетарные процессы; 2) глобальные процессы как охватывающие все мироздание, по крайней мере ту его часть, которая относится к видимой Вселенной. Хотя мы исходим из широкого понимания этих процессов в духе универсального эволюционизма, тем не менее особый интерес для глобалистики имеет, конечно, общепланетарное значение этого понятия. Применение эволюционных представлений к глобалистике, которое должно ее трансформировать в эволюционную глобалистику, связано прежде всего с общепланетарным смыслом понятия «глобальный эволюционизм». Предметом эволюционной глобалистики становится эволюция и системная коэволюция глобальных процессов и систем в их антропо- и социоцентрическом ракурсе. Глобалистика в этом эволюционном ключе изучает общепланетарные процессы и системы, прежде всего глобальные проблемы и глобализацию в их развитии и отношении к человеку и человечеству.

Под глобальными процессами понимаются природные, социальные и социоприродные процессы, развертывающиеся на планете Земля и постепенно охватывающие все ее пространство. В числе таких процессов – глобализация, глобальные проблемы, глобальные кризисы и катастрофы (включая и предполагаемые), другие общепланетарные деградационные явления, а также будущие позитивные, постепенно обретающие планетарный масштаб процессы, например такие, как устойчивое развитие, ноосферогенез и ряд других.

Мы относим к негативным глобальным процессам разного рода общепланетарные кризисы и катастрофы, которые ведут к деградации общества и природы, то есть к регрессивной эволюции. Например, глобальный социально-экологический кризис антропогенного происхождения, который уже имеет планетарный масштаб и угрожает существованию человечества и жизни на Земле. Негативно для человека характеризуются и ряд природных процессов, например извержение вулканов (а тем более супервулканов), землетрясения и т. д., причем особое значение в настоящее время имеют глобальные климатические изменения, включая и потепление.

Глобальный кризис представляет собой опасное снижение устойчивости планетарного процесса или самосохранения системы под влиянием внешних и внутренних негативных факторов и условий, которое может привести к их разрушению, планетарной катастрофе. В настоящее время «кризисная проблематика» уже обсуждается как в связи с глобальным экономическим кризисом, так и в более широком – универсально-эволюционном – контексте (см.: Гринин, Коротаев 2010; Назаретян 2004).

Как правило, в ходе развертывания глобальных процессов те или иные глобальные системы и структуры формируются либо эволюционируют в качестве таковых, если они уже существовали. В случае действия негативных глобальных тенденций и обострения глобальных противоречий, кризисов и катастроф существующие структуры и системы могут медленно либо быстро деградировать и разрушаться.

Не ограничиваясь происходящим в последнее время, выходя в более широкие пространственно-временные диапазоны и сферы, можно по-иному рассматривать глобальные процессы и формирующиеся на их основе глобальные системы (структуры). При этом эволюционном видении можно обнаружить определенные направленные изменения глобальных процессов и даже появление новых, в основном в результате глобальной деятельности и развертывания социоприродного этапа эволюции. Вся совокупность взаимосвязанных и эволюционирующих глобальных процессов и систем представляет собой глобальное развитие.

Глобальные процессы в эволюционно-темпоральном ракурсе можно разделить на начавшиеся и завершившиеся в прошлом (их исследует палеоглобалистика), происходящие в современную историческую эпоху и те глобальные процессы, которые появятся или развернутся в будущем (эти последние окажутся в предметном поле футуроглобалистики). К наиболее важным будущим социоприродным глобальным процессам, которые уже сейчас может начать исследовать футуроглобалистика, следует отнести общепланетарный переход к устойчивому развитию (УР) и, как его естественное продолжение, ноосферогенез как становление сферы разума.

Что касается палеоглобалистики, то в ее предметном поле может оказаться переход от присваивающего к производящему хозяйству, начавшийся 10–12 тыс. лет назад и разворачивавшийся несколько тысячелетий по всему миру, являя собой один из наиболее изученных социоприродных процессов древней истории, которые, однако, не исследовались в ракурсе эволюционной глобалистики. А также,

например, процессы прошлых глобальных катастроф, вымираний биоты и другие кризисно-циклические процессы эволюции биосферы.

С точки зрения эволюционного подхода в глобалистике все глобальные процессы и системы участвуют в процессах развития, имеющих прогрессивную, регрессивную либо иную направленность. Эта направленность эволюции глобальных процессов дает возможность их исследования, моделирования и оценки, в том числе и в количественном плане, а также с помощью информационного критерия развития. С позиции здравого смысла можно связать позитивные, с нашей точки зрения, сдвиги в глобальных процессах с их прогрессивным развитием, а негативные – с регрессивными изменениями и тем самым оценить их место в общепланетарной эволюции. Подобное ценностное ранжирование имеет смысл не только для дальнейшей исследовательской, но особенно для практической глобальной деятельности как совокупной деятельности мирового сообщества, направленной на решение глобальных проблем и позитивную ориентацию других глобальных процессов, от которых в конечном счете зависит судьба цивилизации и биосферы.

Эволюция глобальных процессов уже сейчас реализуется и в стратегической перспективе станет осуществляться через планетарный переход к УР, что в принципе будет содействовать утверждению позитивных и преодолению негативных тенденций глобального развития. УР представляет собой будущий общепланетарный эволюционный процесс, направленный на сохранение цивилизации и биосферы. Переход к этому типу планетарной эволюции существенно изменяет характер любой антропогенной активности, поскольку необходимо действовать таким образом, чтобы как выполнялись глобально-биосферные цели УР, так и не ухудшались возможности удовлетворения жизненно важных потребностей нынешних и будущих поколений людей.

Здесь требование «вписывания» совокупной глобальной деятельности людей в несущую емкость экосистем как расширяется в пространственном аспекте – на всю планету в целом (то есть от локального до глобального масштабов), – так и продлевается во временном измерении, то есть не только на ныне живущие поколения людей, но и на будущие поколения, поскольку речь идет о выживании человеческого рода и о его способности к неопределенно долгому прогрессивному развитию. Но это дает возможность социоприродному развитию вписаться не только в эволюцию биосферы, но и в универсальную эволюцию, стать органической частью вселенского процесса перманентной самоорганизации.

Если глобализация обычно воспринимается как системное объединение человечества в процессе пространственного расширения по земному шару, то переход к УР – как глобальный процесс темпорального продолжения существования цивилизации. Тем самым глобальное развитие через УР предстает как единый пространственно-временной процесс дальнейшего безопасного существования человеческого рода. Приоритетным выступает обеспечение безопасности развертывания глобальных цивилизационных процессов в прогрессивном направлении, что гарантирует возможность и способность человечества к самосохранению и дальнейшей эволюционной самоорганизации при угрозах, опасностях, кризисах и прочих негативных воздействиях планетарного и космического масштабов.

Для будущей глобально-целостной цивилизации необходимо обеспечить устойчивый способ ее бытия, сохранение ее природы в условиях внутренних и внешних негативных воздействий и изменений. Глобальную безопасность следует видеть как безопасность мирового сообщества, реализующуюся в условиях коэволюции систем «человек – общество» и «человек – общество – природа» (см.: Стратегия... 2009; Урсул 2001; 2004).

Глобальная эволюция моделей образования XXI в.

Появление, развертывание и осмысление глобальных процессов не может не сказаться на мировом образовательном процессе. В нем так или иначе отражается вся современная эпоха, пронизанная глобальными мотивами, процессами и тенденциями, и прежде всего отчетливо просматривается тенденция глобализации образования, обретение этим массовым социально-информационным процессом универсальных черт. Примером этого являются Болонский процесс или начавшаяся реализация странами ЕЭК ООН Стратегии образования в интересах устойчивого развития, которые уже начинают объединяться в единый регионально-глобальный образовательный процесс. Реализуя идею глобализации в образовательной сфере, идет процесс взаимодействия национальных систем образования, универсализации ряда образовательных требований, характеристик и параметров и формирования глобальной системы образования.

Глобализация образовательного пространства, обретение им планетарной целостности и единства не может не быть сопряжено с содержательно-качественными изменениями, отображающими глобальный характер эволюции современного человечества и осознание им своего места в мироздании. Формирование контуров глобально-целостного мира так или иначе проявляется и в образовательной сфере, которая «копирует» упомянутые глобально-цивилизационные устремления, становясь не просто очередной тенденцией единого глобализационного процесса, а его особенно важным «катализатором».

Основная идея предлагаемого эволюционного подхода к исследованию перспектив мирового образования заключается в том, что в образовании будут происходить трансформации, которые тесно сопряжены с эволюционными изменениями всего цивилизационного процесса и взаимодействия общества и природы. Это будет не какая-то одна – «конечная» модель образования XXI в., а эволюционный ряд моделей и стратегий образовательных процессов и систем, способствующих становлению новой цивилизации, обеспечивающей выживание человечества и сохранение биосферы.

Нами различаются понятия «глобализация образования» и «глобальное образование». Глобализация образования относится больше к процессу обретения им целостности, взаимодействия и объединения различных национально-государственных систем образования в будущую единую мировую систему образования. А термин «глобальное образование» используется для характеристики качественно-содержательных трансформаций в образовательном процессе, предметное поле которого «наполняется» глобальным знанием и мировоззрением, формируемыми в результате глобальных исследований.

Сам термин «глобальное образование» и первые концепции этого нового типа образования возникли еще в 70-е гг. в США как «образовательный ответ» на первые осознанные глобальные вызовы и перспективу жизни во взаимосвязанном мире на планете. В 1970 г. был создан Американский форум для глобального образования, представляющий собой негосударственную организацию, курирующую развертывание глобального образования в США и за их пределами. По инициативе этого форума в 1995 г. в Нью-Йорке ЮНЕСКО провела международную конференцию «Мосты в будущее», которая определила основные направления развития глобального образования в XXI в., целью которого является подготовка к жизни в опасном, динамичном и взаимосвязанном мире человека, готового к решению обостряющихся глобальных проблем.

О глобальном образовании в педагогической литературе речь идет как о воспитательных системах, причем обычно упоминаются системы американских ученых Р. Хенви и М. Боткина (см., например: Сластенин и др. 2002). Модели глобального образования, возникшие в США в 70-е гг. прошлого века, исходят из представления мира как единого целого, а человечества – как огромной взаимосвязанной глобальной общины, где жизнедеятельность и благополучие каждого человека зависят от всех других людей. Эти модели, базирующиеся на принципах глобализма, холизма, гуманизма и междисциплинарного подхода, в определенной степени представляются как одно из направлений интеграции единого мирового образовательного пространства, открывающее новые глобальные перспективы (см.: Хенви 1994; Лиферов 1997; Алексашина 2002). Р. Хенви свою модель глобального образования базирует на ряде принципов (планетарных измерений): формирование объективного миропонимания, изучение состояния планеты, кросс-культурная грамотность, понимание динамики мировых процессов, осознание возможностей выбора.

М. Боткин в предлагаемой им модели глобально-ориентированного образования полагает, что традиционное образование направлено на бессознательное приспособление к действительности. Между тем важно перейти к сознательному предвидению на основе инновационного подхода. В инновационном подходе должны быть соединены сопричастность и предвосхищение. Это последнее означает способность предвидеть события и их последствия, принимать решения, разделяя за них ответственность, связывая прошлое с настоящим и будущим, предлагать новые возможности и альтернативы. Сопричастность предполагает возможность и способность к диалогу, взаимопониманию, сотрудничеству, сопереживанию, совершенствованию коммуникативных навыков и умений.

Следует отметить, что в нашей стране идея глобального образования до недавнего времени разрабатывалась в рамках в основном исследовательской деятельности (концепция глобальной перспективы в Рязанском Центре по проблемам глобального образования, созданном в 1992 г. и функционирующем сейчас в Рязанском государственном педагогическом университете под эгидой Российской академии образования). Практическая деятельность в других направлениях глобального образования реализовалась в экспериментальных образовательных про-

ектах по развитию глобального мышления активно действующих «граждан мира» (в основном в рамках ассоциированных школ и ряда кафедр ЮНЕСКО).

Рассмотрение проблем глобального образования привело специалистов в области педагогики к мнению о том, что оно предусматривает воспитание у учащихся интереса и уважения к культурам народов мира, достижение понимания общемирового начала в этих культурах и внимания к глобальным событиям, осознание их характера и предвидения последствий, использование системного подхода к изучению мировых процессов.

После образования в 1945 г. ООН ускорился процесс возникновения и других международных, всемирных и глобально-ориентированных организаций и прежде всего научных и общественных движений и организаций, которые в середине 60-х и начале 70-х гг. XX в. обратили внимание на проблемы, позже получившие наименование глобальных проблем. Их осознание создавало серьезные опасения за судьбу человечества и поставило на повестку дня вопрос о его выживании и дальнейшем существовании. Осмыслением этих проблем прежде всего занялись движения мондиалистов и сообщества бахаи, а в дальнейшем и другие международные организации и структуры и т. д. И все же, по мнению многих ученых, глобальные и общечеловеческие проблемы стали главными в докладах Римского клуба (организованного в 1968 г.), получивших широкую мировую известность и ответную позитивную реакцию общества (см.: Чумаков 2008: 12).

В эти годы лишь начали появляться элементы глобального знания, еще формировались основные подходы в пока широко не «объявленной» глобалистике. И, скорее всего, это было время становления еще синкретического глобального мировоззрения – глобализма, нежели конкретного глобального знания, которое потом, в процессе глобальных исследований, получит наименование глобальных проблем, глобализации, а теперь и глобальных процессов и систем. Поэтому глобальное образование появилось на той же «глобальной волне», что и другие интеллектуально-духовные феномены. Это еще относительно не дифференцированное глобальное мировоззрение и знание проявилось и в педагогических науках в виде первых концепций глобального образования.

Здесь не так отчетливо выражена эволюционная последовательность – вначале глобальное знание, а затем на его базе – становление глобального образования. На первый взгляд даже создается впечатление, что появление глобального образования предшествовало появлению глобального знания. Однако это не так, в той или иной степени создатели первых педагогических концепций глобального образования уже исходили из накопленного к моменту создания их систем знания о глобальных феноменах, что явствует даже из краткого описания их концепций. А сейчас концепции глобального образования продолжают эволюционировать, принимая совершенно новые формы, о метаморфозах которых создатели первоначальных концепций не задумывались.

И все же хотелось бы обратить внимание на проблему глобального знания, которому было посвящено предыдущее изложение и которое является результатом уже проведенных глобальных исследований. Ведь любые концепции глобального образования должны основываться на глобальном знании, на тех его формах, ко-

торые уже получены в науке. И хотя нельзя отрицать, что и в ходе образовательного процесса также может генерироваться новое, в том числе и глобальное знание, тем не менее преобладающая часть этого знания появляется в результате научного поиска. Глобальное знание отображает реальные глобальные процессы и вместе с тем должно их предвидеть и прогнозировать, направляя глобальное мышление и глобальную деятельность в желаемое для человека и человечества русло.

Как отмечают авторы вводной статьи к альманаху «Эволюция», «...глобальный мир (каковым он становится сейчас) нуждается в глобальном знании» (Гринин и др. 2009: 7). На наш взгляд, глобальное знание – это интегративно-общенаучное знание, получаемое в результате исследования глобальных процессов и глобальной эволюции, которое в перспективе станет фундаментальной платформой развития всей науки и образования XXI в. Такая новая форма знания необходима не только для науки, но и для многих других сфер практической деятельности, наполняющихся глобальным содержанием. И прежде всего для образования, которое постепенно становится, используя уже полученное глобальное знание (и отчасти создавая новое, особенно в плане педагогики), принципиально новым типом современного и будущего образования – глобальным образованием.

То весьма аморфное представление глобального знания, которое использовалось в первых концепциях глобального образования, существенно отличается от его современного представления, о чем речь шла выше. Однако необходимо исходить из первичности глобального знания для глобального образования. Но сейчас и глобальное образование видится в новом виде по сравнению с 70-ми гг. прошлого века. В последнее время проблемы становления глобального образования связывались с перспективами развития открытого и дистанционного образования, прежде всего с использованием сети Интернет. Но наряду с формально-организационными и технологическими аспектами, относящимися больше к проблеме глобализации образования, развивалась и концептуально-содержательная сторона глобального образования. И прежде всего речь идет о преподавании глобалистики и концепции устойчивого развития как глобального процесса (главным образом в высшей школе) (см.: Урсул 1996; Урсул, Демидов 2004; Касимов 2004; Костина 2006; Глобалистика... 2001; Абылгазиев, Ильин 2009).

Развитие глобального образования – это уже устойчивая тенденция и перспектива трансформации предметного поля образовательного процесса, который не только обретает свою планетарную общность и целостность, но и обнаруживает реальную и потенциальную возможность глобально-содержательной эволюции. Эта последняя возможность реализуется вначале на пути превращения современного образования (в том числе ныне существующих экспериментальных вариантов глобального образования) в образование для такого принятого мировым сообществом глобального процесса, как устойчивое развитие (УР), затем эволюционирует в ноосферное образование в процессе последующего становления сферы разума через УР. Это по меньшей мере следующие два этапа наиболее крупных и предвидимых глобально-эволюционных трансформаций мирового образования в рассматриваемом здесь направлении развития.

Эффективно управлять процессами глобализации и решать глобальные и другие проблемы с помощью современного, но «отстающего» образования невозможно. Оно «отторгается» от активного участия в поиске эффективных решений в формирующейся антикризисной глобальной деятельности и не способствует выживанию человечества. Начавшийся общемировой переход к УР цивилизации и ее коэволюционному взаимодействию с природой ставит вопрос о кардинальных преобразованиях всех форм и направлений социальной деятельности, в том числе и образования. Модели УР цивилизации должны соответствовать и новая модель мирового образования, которая будет способствовать инновационному переходу к глобальному устойчивому будущему (см.: Урсул 2008; 2009б).

Образование для УР как инновационный процесс должно будет не только модернизироваться, но и футуризироваться, в определенных аспектах становиться опережающим образованием, не только не отстающим от современной жизни, но и эффективно прокладывающим путь в глобальное будущее. В результате станет формироваться принципиально новый тип глобального образовательного процесса – инновационно-опережающее образование. Появление инновационно-опережающих процессов в глобальном образовании приведет к существенной его футуризации и становлению опережающего образования. Опережающее образование будет не только быстрее развиваться относительно практической деятельности, но и акцентировать внимание на будущем в самом содержании обучения и воспитания, исходить из принципа темпоральной целостности. В этом смысле в ходе эволюции глобального образования произойдет сдвиг акцентов от модернизации образования к его футуризации, а также становление глобального ноосферного образования через образование для УР.

Из двух основных в какой-то степени конкурирующих форм образования человека (неформального, естественного образования-обучения жизнью и образования в специальных учебных заведениях) теперь наиболее важным становится специально организованное образование. Поэтому необходимо эффективно развернуть его в сторону глобального будущего, ориентировать современное «инновационно-образовательное движение» на модель УР. Естественное образование здесь станет играть в этом смысле подчиненную роль, поскольку акцентирует внимание на настоящем. Но это происходит в современной модели неустойчивого развития (в которой имеются весьма незначительные ростки и тенденции устойчивого будущего). Новая цивилизационная модель может и должна создаваться только опережающим глобальным сознанием. А его можно сформировать лишь с помощью опережающего глобального образования для УР, на которое необходимо постепенно переориентировать все образовательные учреждения на планете. По мере становления общества с УР трансформируемая реальность также начнет участвовать в формировании опережающего глобального сознания, поскольку оно будет ориентировано не только на прошлое и происходящее, но уже и на будущее, причем со все большим нормативным «горизонтом прогноза».

Лежащая в основании образования будущая наука предстает как принципиально новый этап развития единой мировой науки, соответствующий эпохе становления сферы разума (ноосфере) через УР с отчетливо выраженным акцентом

на исследовании глобального развития и будущего человечества и всего мироздания. Ноосферная наука вместе с образованием составят единый научно-образовательный глобальный процесс, формирующий общепланетарное и целостное ноосферное сознание как отдельной личности, так и всего человечества, опережающее практическую деятельность и способствующее ее оптимальному развертыванию в коэволюции с природой.

И, пожалуй, одна из наиболее определяющих особенностей эволюционирующих моделей глобального образования XXI в. – их нацеленность не просто на удовлетворение жизненных потребностей ныне живущих и будущих поколений, а на их возвышение, когда духовно-интеллектуальные потребности и интересы постепенно станут доминирующими. По сути, именно эта тенденция интеллектуализации как общества, так и соответствующего ему глобального образования свидетельствует о становлении в планетарном масштабе новой геосферы – уже не с вещественно-энергетическим основным содержанием (как у других геосфер), а сферы с приоритетом информационно-интеллектуального начала – геоноосферы, претендующей на свое космическое расширение и дальнейшее, уже внеземное, продолжение Большого социального взрыва (см.: Урсул А., Урсул Т. 2007).

Движение к этой уже осознаваемой цели эволюции цивилизации будет эффективно развертываться лишь в случае кардинального изменения ценностных ориентаций и формирования новой формы глобального сознания в виде ноосферного интеллекта. Приоритетным механизмом таких трансформаций будет становление ноосферной системы образования как новой модели глобального образования третьего тысячелетия, выполняющей не только социальную функцию передачи знаний, опыта и культуры от прошлых и нынешних поколений к будущим, но и свою новую и главную функцию. Эта функция уже относится к компетенции опережающего образования и связана с формированием будущих поколений цивилизации через кардинальное изменение сознания ныне существующих поколений.

Образование в интересах УР, начиная формироваться еще в рамках современного образования, должно стать своего рода «агентом влияния» (причем в позитивном значении этого слова), который будет содействовать более быстрому и масштабному переходу на новую цивилизационную стратегию выживания. Постепенно, по мере усвоения и успешного функционирования УР-компонентов новой системы глобального образования, оно будет становиться не просто образованием для УР, а ноосферным образованием, одним из главных механизмов становления сферы разума на планете и за ее пределами.

Выживанию человечества будут способствовать различные формы становящегося глобального образования, ориентированные на эффективное содействие выходу цивилизации из планетарного антропогенного кризиса. Глобальное образование уже сейчас выступает в качестве достижимой перспективы трансформации мирового образовательного процесса, обретающего свою планетарную общность и целостность, а также обнаруживающего потенциальную возможность глобально-содержательной эволюции. Эта последняя возможность в процессе становления глобального образования реализуется вначале на пути преобразования современного образования в образование в интересах УР как основного глобального обра-

зовательного процесса XXI в., содержание и развертывание которого направлено на реализацию целей и принципов УР мирового сообщества.

В дальнейшем образование для УР в ходе ноосферогенеза трансформируется в ноосферное образование, а также в перспективе – в «глобально-эволюционное» образование, ориентированное на существенно более развитый ноосферной наукой глобальный эволюционизм.

В этом плане необходимы принципиально новые концептуально-методологические представления и исследования образовательного процесса. Применительно к становлению глобального образования предлагается так называемый онтологический подход, когда образование рассматривается не только как индивидуально-общественная (в системе «человек – социум»), но и как всеобщая мироразвивающая форма развития, когда коэволюционирует весь сопряженный с человеком универсум – не только социокультурный, но и глобально-природный, а также вселенско-космический.

В этом, пожалуй, наиболее широком представлении образовательного процесса формирование человека видится сквозь призму глобального эволюционизма уже в более широкой – социоприродной – системе «человек – общество – природа». Это не просто один из процессов социализации человека, а его взаимодействие со всей остальной Вселенной в ее социальном и природном ракурсе. С позиций этого (назовем его глобально-эволюционным) подхода образование реализует функцию формирования (образовывания) человека всеми информационными процессами в системе «человек – общество – природа».

Благодаря становлению глобального образования вырисовывается перспектива эволюции образовательного процесса, который может обрести свою планетарную общность и целостность, а также обнаруживает потенциальную возможность глобально-содержательных трансформаций.

В результате перехода на эти перспективные модели глобального образования предполагается становление человека нового типа – ноосферной личности, подготовленной к реализации идеи глобального выживания человечества, его дальнейшей непрерывной эволюции в сохранившейся биосфере и за ее пределами.

Литература

Абылгазиев, И. И., Ильин, И. В. (общ. ред.) 2009. *Материалы Международного научного конгресса «Глобалистика-2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства». 20–23 мая 2009 г.*: в 2 т. М.: МГУ.

Алексашина, И. Ю. (авт.-сост.) 2002. *Глобальное образование: проблемы и решения*: дайджест. СПб.

Глобалистика как отрасль научного знания: материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 3. М.: Новый век, 2001.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2010. *Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Лукурга до Алана Гринспена*. М.: ЛИБРОКОМ.

Гринин, Л. Е., Марков, А. В., Коротаев, А. В., Панов, А. Д. 2009. Эволюционная метапарадигма: возможности, проблемы, перспективы. В: Гринин, Л. Е., Марков, А. В., Коротаев, А. В. (отв. ред.), *Эволюция: космическая, биологическая, социальная* (с. 5–43). М.: УРСС.

Ильин, И. В., Урсул, А. Д. 2009. *Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов)*. М.: МГУ.

Касимов, Н. С. (ред.) 2004. *Образование для устойчивого развития*. М.; Смоленск: Универсум.

Костина, Т. И. (общ. ред.) 2006. *Проблемы устойчивого развития: научно-педагогические аспекты*: сб. науч. тр. М.: Монограф.

Лейбин, В. М. 2003. Глобальная система. В: Мазур, И. И., Чумаков, А. Н. (гл. ред.), *Глобалистика. Энциклопедия* (с. 226–228). М.: Радуга.

Лиферов, А. П. 1997. *Глобальное образование – путь к интеграции мирового образовательного пространства*. М.: Пед. поиск.

Мазур, И. И., Чумаков, А. Н. 2003. Глобалистика. В: Мазур, И. И., Чумаков, А. Н. (гл. ред.), *Глобалистика. Энциклопедия*. М.: Радуга.

Назаретян, А. П. 2004. *Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (Синергетика – психология – прогнозирование)*: пособ. для вузов. 2-е изд. М.: Мир.

Сластенин, В. А., Исаев, И. Ф., Шиянов, Е. Н. 2002. *Педагогика*: учеб. пособ. М.: Академия.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. 2009. *Российская газета* 19 мая.

Урсул, А. Д.

1996 (ред.). *Экологическое образование и устойчивое развитие*. М.: РАГС.

2001. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие. *Безопасность Евразии* 1: 443–456.

2004. Глобализация через устойчивое развитие. *Безопасность Евразии* 1: 143–182.

2008. От модернизации к футуризации образования: инновационно-опережающие процессы в интересах устойчивого развития. *Безопасность Евразии* 3: 7–40.

2009а. Научная картина мира XXI века: темная материя и универсальная эволюция. *Безопасность Евразии* 1: 227–248.

2009б. Образовательная революция в перспективе устойчивого будущего. *Знание. Понимание. Умение* 1: 15–18; 2: 11–19.

Урсул, А. Д., Демидов, Ф. Д. 2004. *Образование для устойчивого развития: научные основы*. М.: РАГС.

Урсул, А. Д., Урсул, Т. А. 2007. *Универсальный эволюционизм (концепции, подходы, принципы, перспективы)*. М.: РАГС.

Хенви, Р. 1994. *Достижимая глобальная перспектива*. Рязань: Изд-во Рязанского гос. ун-та.

Чумаков, А. Н. 2008. О предмете и границах глобалистики. *Век глобализации* 1: 7–16.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИСТИКИ

Г. Василеску

В настоящей статье в дискуссионной форме рассматриваются некоторые общие вопросы, связанные с определением глобалистики, ее предметом, статусом, терминологией, основными направлениями и проблемами этой науки. Формулируется позиция автора по ряду принципиальных вопросов: что такое глобалистика; наука ли эта дисциплина; каков ее статус; какое место занимает глобалистика в системе современных наук; относится ли глобалистика к политическим наукам, наукам о международных отношениях либо к философским наукам.

Ключевые слова: глобалистика, глобализация, наука, глобальные процессы, политическая глобалистика, экономическая глобалистика, философская глобалистика, мировое развитие, междисциплинарный подход.

Введение

Что такое глобалистика? Наука ли эта дисциплина? Если да, то каков ее статус? Каково определение глобалистики? Какое место занимает глобалистика в системе современных наук? Относится ли глобалистика к политическим наукам, наукам о международных отношениях либо к философским наукам?¹ Эти и многие другие вопросы, касающиеся глобалистики, в последнее время достаточно часто затрагиваются в научных публикациях различного уровня, на разнообразных научных форумах, встречах, в ходе курсов, читаемых в вузах, и т. д. В настоящей статье в дискуссионной форме рассматриваются некоторые общие вопросы, связанные с определением глобалистики, ее предметом, статусом, терминологией, основными направлениями и проблемами этой науки.

Нынешнее положение глобалистики. Предварительные замечания

Понятие, сам термин *глобалистика* до недавнего времени отсутствовал в словарях или энциклопедиях, даже в относящихся к политическим наукам или политическому анализу, к международным отношениям. Это очевидно говорит о том, что внимание данной сфере начали уделять совсем недавно, хотя некоторые авторы и утверждают, что глобалистика уже накопила 40-летний опыт развития, срок по историческим меркам, прямо скажем, совсем юный. Тем не менее уже появился целый ряд публикаций, в которых обсуждаются предмет, статус, история глобалистики. В последнее время появились специальные труды в виде монографий (см., например: Федотов 2002; Чешков 2002; Лейбин 2007; Современные... 2001 и др.), научных статей (см., например: Чешков 2001; 1998; Шишков 2001; Костин 1997; Гладкий 1994; Чумаков 1991; Vasilescu 2002: 67–70 и др.), публицистических

---

¹ Такой вопрос возникает в связи с тем, что отдельные авторы поддерживают идею, по которой глобалистика – отрасль философии, область философии или непосредственно философия сегодняшнего мира, переживающего процесс глобализации, и в этом смысле говорится о философской глобалистике.

статей, интернет-статей (см.: Даниленко б. г.)² и т. д., в которых рассматриваются данные проблемы. Появились также и учебно-методические публикации, учебники³, в которых тоже можно найти упоминания о рассматриваемой проблеме. О дальнейшем развитии глобалистики, ее переходе к новому качественному этапу, который предполагает дифференциацию знаний и специализацию, свидетельствует и то, что наряду с общей глобалистикой в последнее время развиваются и определенные отдельные разделы, области, отдельные главы глобалистики, которые можно считать началом частных особых или отраслевых глобалистских наук. Речь идет о возникновении и развитии таких областей, отраслей глобалистики, как политическая, экономическая, философская глобалистика и др.⁴ В литературе можно также встретить упоминания о технократической, постиндустриальной, эколого-популистской, экзистенциально-культурной, эволюционно-детерминистской глобалистике, космоглобалистике и т. д.⁵ В настоящее время достигнут такой этап, когда в различных учебных заведениях открываются специализированные кафедры глобалистики⁶, защищаются докторские диссертации в этой области (см., например: Тимошевский 2004: 144 и др.), издаются специализированные журналы по глобалистике (например, междисциплинарный журнал по глобалистике «Век глобализации»), организуются группы по исследованию проблем глобалистики (в качестве примера можно назвать группу по исследованию проблем глобалистики в Институте философии Российской академии наук – руководитель А. Н. Чумаков), курсы глобалистики преподаются в большинстве учебных заведений. Российские ученые-политологи в сотрудничестве с многочисленными исследователями из различных стран опубликовали действительно уникальные в мировой практике издания – Международную энциклопедию «Глобалистика», а также Международный энциклопедический словарь «Глобалистика»⁷, тем самым внося существенный, можно даже сказать, решающий вклад в формирование фундаментальных основ данной науки.

Итак, науке глобалистике уделяется немалое внимание, особенно если говорить о российской науке и литературе. Мы говорим о российской литературе, поскольку в сравнении с западной здесь отмечается иное положение в плане глобалистики. Мы ссылаемся здесь на то, что утверждает в этой связи известный российский автор В. М. Лейбин, который много лет работает в области глобалистики. В «Предисловии» к своему труду (Лейбин 2007) он утверждает, что в зарубежной научной литературе, посвященной глобальным проблемам современности, используются такие понятия, как «глобализация», «антиглобализм» и ряд других, но нет такого термина, как «глобалистика». Судя по всему, отмечает

---

² В целом же в Интернете можно найти множество сайтов, на которых размещены различные материалы, освещающие разнообразные аспекты глобалистики (на русском, английском, румынском и других языках).

³ См. научно-методические труды, учебники, например: Сакович, Руснак 2006: 335; Абдулин 1999: 128.

⁴ См., например: Василенко 2000а; 2000б. Необходимо обратить внимание на то, что хотя эта часть указанного учебника называется «Политическая глобалистика» и в плане семинара, посвященного указанной теме, на обсуждение выносятся вопросы о предмете, структуре, категориях политической глобалистики, все же практически авторы данного учебника обращаются, по сути, к современным глобальным проблемам, их политическим аспектам и обсуждают их. И в этом случае можно наблюдать, что глобалистика сводится к современным глобальным проблемам...

⁵ Ссылки на эти и другие виды глобалистики отобраны в Интернете на различных сайтах.

⁶ Например, можно назвать кафедру культурологии и глобалистики, основанную в 1989 г. в Институте международного бизнеса и коммуникации Санкт-Петербургского технического университета.

⁷ См.: Мазур, Чумаков 2003 (в работе над этим весомым научным трудом участвовали 445 авторов из 28 стран мира); 2006 (в реализации этого проекта были задействованы 647 авторов из 58 стран мира).

автор, данный термин появился именно в отечественных исследованиях⁸. Автор прав, поскольку, знакомясь как с западными, так и с рядом восточноевропейских и русских публикаций, действительно можно заметить существенные различия и даже совершенно разные состояния разработки проблем глобалистики. В то время как на западе исследования в данной области велись в рамках так называемых Global Studies⁹ и относились преимущественно к проблематике глобализации, а также к различным глобальным процессам и проблемам, в России наметились более широкий подход и более высокий уровень исследований в этой области, который поднялся до обоснования самих основ глобалистики как особой научной дисциплины. В то же время хотелось бы высказать мнение, что не стоит противопоставлять западную и российскую глобалистику. Скорее всего, их необходимо рассматривать комплементарно, как взаимодополняющие друг друга.

Вместе с тем необходимо отметить, что многое в отношении глобалистики еще остается непроясненным. Приведем подтверждающий это пример. В одной из публикаций в российской литературе, посвященной вопросам глобалистики, можно найти утверждения о том, что хотя глобалистику и можно считать наукой, однако до настоящего времени она, будучи новой, актуальной, интересной, а также весьма необходимой областью, не смогла определить ни свой предмет, ни статус, ни круг интересов, ни основные компетенции, ни основные проблемы... Этой науке, судя по изложенному выше мнению, еще только предстоит найти и определить собственную идентичность. Так, российский исследователь Марат Чешков в статье, опубликованной в 2001 г. в престижном журнале «Мировая экономика и международные отношения», отмечал, что «глобалистика так и не определила достаточно четко за два десятилетия своего существования контуры своего предмета и разрывается между двумя противоположными тенденциями – фрагментацией знания (выработки дисциплинарно-различных образов глобализации) и безбрежным расширением (отождествлением с историей человечества)» (Чешков 2001: 52). Нерешенность этих и других вопросов, которые касаются в том числе процесса глобализации, обусловлена «теоретической незрелостью глобалистики», в том числе и наиболее продвинутых ее отраслей, например экономических. При этом российский автор вполне справедливо считает, что накопление материалов, фактов, знаний, становление междисциплинарных и наддисциплинарных форм знания, их тяготение к философии означают, что рождаются условия, необходимые для превращения глобалистики в особую отрасль социально-гуманитарного знания. Общие контуры предмета очерчены тем, что практически все дисциплины, входящие в глобалистику, оперируют представлением о мире как мироцелостности (world as a whole), а за «миром» по мере того, как предмет углубляется, все больше выступают человечество как целое, сам человек.

Цитируемый выше автор, возможно, прав, когда указывает на «теоретическую незрелость глобалистики»...

В то же время хотелось бы разделить оптимизм относительно перспектив глобалистики. Именно в этом смысле мы попытаемся доказать, что хотя область, которую мы рассматриваем, относительно новая, однако что касается глобалистики, уже можно говорить об определенной концепции, о существовании

⁸ См. сайт: urss.ru/cgi-bin/db.pl?cp=&page=Book&id=6504&lahg=en&blang=ru&list=130

⁹ Некоторые авторы определяют западную глобалистику как совокупность концепций глобализации, что не совсем точно, так как исследования велись и ведутся там не только в этом, но и в других направлениях, включая и глобальные проблемы, глобальные процессы и т. д.

определенных взглядов и т. д. Далее рассмотрим намеченные проблемы по очереди, исходя из их логики и последовательности, начиная с определения рассматриваемой области.

Определение глобалистики

Попытаемся вынести на обсуждение некоторые из наиболее распространенных на сегодняшний день определений глобалистики и сформулировать на этой основе ряд выводов.

1) *Глобалистика как наука о глобализации.* Это одно из наиболее распространенных определений. Оно встречается достаточно часто, в том числе в специальной литературе. Мы считаем подобные определения в целом приемлемыми, поскольку одна из основных задач и проблем глобалистики, как это будет показано ниже, состоит в изучении процесса глобализации, его сущности, основных характеристик, всех аспектов, проблем, связанных с этим определяющим процессом современности. Однако такие определения являются в то же время и самыми узкими, и в этом смысле недостаточными. Заметим, что глобализация и все, что с ней связано, – далеко не единственный предмет или единственная забота глобалистики. Вот почему ясно, что глобалистика не может быть сведена к изучению глобализации, особенно когда последняя нередко сводится к одному из своих аспектов, чаще всего экономическому. То есть глобалистика не равняется глобализации, которая в свою очередь не равняется экономической глобализации.

2) *Глобалистика как наука о глобальных проблемах современности.* Подобные определения, возможно, чаще всего встречаются и в литературе, и в учебниках, и в дидактических толкованиях. Такого рода интерпретации и толкования, конечно же, нельзя считать ошибочными, ведь глобалистика действительно занимается в том числе изучением современных глобальных проблем. Ошибочным в подобных случаях, на наш взгляд, является сведение данной научной дисциплины лишь к изучению глобальных проблем, при том что весьма часто, иногда без каких бы то ни было предварительных объяснений, вся глобалистика начинается и заканчивается, по сути, последовательным, а порой даже хаотичным, случайным анализом, безо всякой систематизации и классификации и т. д. глобальных проблем как данности, как чего-то существующего самого по себе. В таких случаях самое принципиальное то, что толкования, которые мы имеем в виду, усложняют вещи и в том, что касается анализа самих глобальных проблем. Последние, то есть глобальные проблемы, невозможно в таких случаях понять в полной мере, особенно сложно понять их появление, генезис. Как возникли глобальные проблемы? Откуда они взялись? Что их породило? Эти и другие вопросы при таких интерпретациях остаются без ответа. Из вышесказанного следует, что глобалистику невозможно и недостаточно истолковывать просто как науку о глобальных проблемах. То есть глобалистика не равняется глобальным проблемам.

3) *Глобалистика как наука о глобальных процессах и проблемах.* Учитывая вышесказанное о том, что глобалистику невозможно свести только к изучению глобальных проблем, область, о которой мы говорим, можно определить как науку о происходящих в мире глобальных процессах и глобальных проблемах, с которыми мы сталкиваемся, о взаимосвязи между глобальными процессами и проблемами, о путях и способах решения глобальных проблем в условиях глобализации, постоянного нарастания современных глобальных процессов.

Такую точку зрения, которая в определенной степени сочетает в себе приведенные выше, в пунктах 1 и 2, интерпретации, можно рассматривать таким образом, что глобалистика равняется глобальным процессам и глобальным проблемам.

Это определение и соответственно подобного рода интерпретации могут считаться наиболее близкими к определению предмета, занятий, интересов, проблем глобалистики. Однако можно заметить, что и такие толкования не охватывают всего спектра интересов глобалистики и, что самое главное, не выделяют и не передают суть, характер глобалистики как специфической и в некоторой степени уникальной науки. Вот почему, с нашей точки зрения, существующие и приведенные определения следовало бы дополнить еще одним типом определений – более обобщенных, но и существенных.

4) *Глобалистика как наука о сегодняшнем мире, философия современного мирового развития.* Учитывая особенности интересов глобалистики, которые мы рассмотрим ниже, в самом общем виде глобалистику можно определить как науку, которая основывается на глобальном подходе к сегодняшнему миру, как философию развития современного мира, в том числе философию актуальных проблем сегодняшнего человека и человечества. Такое определение является крайне важным. Из него вытекает, что в настоящее время именно глобалистика должна взять на себя *роль новой философии сегодняшнего мира*. В этом смысле одна из самых главных задач, стоящих перед глобалистикой, – разработка на основе современных наук, тех многочисленных открытий в различных областях, которые мы наблюдаем, *новой концепции о мире, в котором мы живем*, концепции, которая учитывала бы нынешнее положение в мире, произошедшие серьезные, кардинальные изменения в обществе, в мировой экономике, политике, науке, культуре и т. д. Речь идет, по сути, о разработке *новой научной картины сегодняшнего мира*, глобализированного мира, который качественно отличается от существовавшего прежде! Очевидно, что современную концепцию о мире, новую научную картину мира, в котором мы сегодня живем, невозможно разработать без существенного вклада глобалистики!

Мы считаем, что из всех существующих на сегодняшний день определений, данных глобалистике, последнее (приведенное выше в пункте 4) может претендовать на роль самого обобщенного, но и может считаться самым близким к истине. Ведь оно может охватить и предмет исследования (вся мироцелостность, человечество в целом и сегодняшний человек, без сведения этого предмета исследования к какому-либо антропологизму!), а значит, в общих чертах и проблематику, основные интересы, а по своей сущности – и сам характер, специфику этой, вероятно, самой общей на сегодняшний день науки – глобалистики!

О статусе и характере глобалистики

Данный вопрос столь же важен, как и тот, который относится к предмету исследования. В общих чертах характер и особенности глобалистики можно выразить в следующих тезисах:

- По сути своей, уже по своему определению глобалистика – *концептуальная наука*, выражающая *настоящий философский подход, именно философское рассмотрение окружающего глобального мира*. (В любом случае если глобалистика не соответствует в полной мере этой характеристике, то именно к такому подходу она должна стремиться, если хочет занять свое заслуженное место в системе современных наук и не оказаться сведенной к простому описанию только

некоторых, пусть и глобальных, проблем, с которыми сталкивается сегодняшний мир...) Изучая ряд фундаментальных, важнейших экзистенциалистских концепций, таких как глобализм, глобализация, глобальный порядок, глобальное сознание, глобальный менталитет и т. д. и т. п., глобалистика, разумеется, не может не быть связанной с самой концепцией человека о мире, в котором он живет, с концепцией о сегодняшнем и завтрашнем глобальном мире.

- Учитывая предмет исследования, интересы, концептуально-философский характер, глобалистика не может быть ничем иным, как *синтетической, интегрированной, междисциплинарной наукой, наукой с ярко выраженным междисциплинарным подходом*. Будучи пограничной наукой, глобалистика формируется на стыке целого ряда областей современного знания – социальных, социогуманитарных, исторических, экономических, политических наук, наук международных отношений и т. д. Очень важно обратить внимание на этот вывод, так как он позволяет обосновать тот факт, что в своих исследованиях глобалистика может и должна помимо всего прочего опираться и на материалы, данные, результаты других наук, а также на их методы и методологию исследования.

- Несомненно, глобалистика представляет собой и означает *многостороннее междисциплинарное исследование*. Для этого данная наука использует в своих целях разнообразные методы, способы, приемы, методологии, заимствованные из различных областей знаний. Но это отнюдь не означает, а, наоборот, предполагает, что глобалистика одновременно основывается и на *собственной методологии исследования*. Это, конечно, тема отдельного специального рассмотрения, связанного с вопросом о глобалистском этапе развития методологии познания. Сейчас же хотелось бы отметить, что речь идет прежде всего об исследовательских методах на уровне *гео-*, о так называемых *геометодах* (на общем уровне, затем обще-частном, в том числе на уровне геоистории, геостратегии, геоэкономики, геополитики, геозтики, геоэкологии, геокультуры, гецивилизации и т. д.). Во-вторых, глобалистике присущи методы международных сравнений, методы глобального политического анализа, в том числе системный, компаративный, факториальный анализ, как и методы глобального синтеза концептуального, философского характера и т. д. и т. п.

- Имея пока еще слишком короткую историю, глобалистика, определяя пройденные этапы глобального развития, исследует и изучает преимущественно настоящее, однако наряду с этим она очень серьезно ориентируется и нацелена и на будущее. Глобалистика – *наука, исследующая будущее* как ключевую, фундаментальную проблему для глобалистского рассмотрения! Очень важным для становления, консолидации и развития этой науки является то, что проблема будущего, которая, как известно, актуальна всегда (а сегодня она как никогда раньше актуальна для человечества), изучается глобалистикой с точки зрения перспектив человеческой цивилизации, что служит еще одним доказательством необходимости этой науки, а также и возрастающего интереса к ней.

Терминология и основные концепции глобалистики

Терминология, понятия, категории, основные, базовые концепции глобалистики могут и должны быть представлены только в соответствии с исходными интерпретациями, определением, которое было дано глобалистике, ее предмету. Понятийно-категориальный аппарат любой науки зависит прежде всего от интерпретации, определения соответствующей науки. Если, к примеру, глобалистика понимается и интерпретируется только как исследование современных глобальных проблем, то, разумеется, ее терминология (TOR) будет сведена строго

к терминологии и понятиям, связанным с глобальной проблематикой. Так же и при других определениях.

При представлении и рассмотрении TOR(a) науки глобалистики мы будем исходить из ее широкого, философского толкования, по сути, из всех четырех определений, которые были представлены нами выше. Это связано с тем, что глобалистика, очевидно, является одновременно и наукой о глобализации, и наукой о современных глобальных процессах и проблемах, а также наукой о сегодняшнем мире, философией современного мирового развития.

В соответствии с данной интерпретацией основные термины, понятия, категории, основные концепции глобалистики можно сгруппировать следующим образом:

I. Первоначальные (исходные) понятия: *глобализм* (в качестве идеи, термина, который после Второй мировой войны определяет новое измерение международной политики, ставшей по-настоящему мировой – на уровне всего земного шара); *глобализация* (в качестве реального, закономерного, необходимого и в целом прогрессивного с исторической точки зрения и одновременно необратимого процесса, хотя и глубоко противоречивого, имеющего как положительные, так и отрицательные стороны, последствия и т. д.); *глобалистика* (в качестве науки или научной отрасли, изучающей как возникновение и развитие глобалистских и мондиалистских идей и теорий, так и генезис, развитие глобализации в качестве глобального процесса и глобальной проблемы наряду с другими процессами и проблемами глобального масштаба)¹⁰.

II. *Глобализация* в качестве реального явления и соответствующего понятия по отношению к явлениям и понятиям «глобальные процессы» и «глобальные проблемы». Соответственно наряду с концепцией глобализации речь в данном случае будет идти и о концепции глобальных процессов и глобальных проблем человечества.

III. Понятие *глобализация* по отношению к смежным, параллельным понятиям, отражающее ряд современных очень важных процессов, явлений и новых тенденций мирового развития, таких как *модернизация* (в различных вариантах и моделях), *интеграция* (имеющая глобальный, повсеместный характер, сопровождаемая порой также и процессами дезинтеграции), интернационализация, мондиализация, регионализация, локализация и т. д. Соответственно разрабатываются понятия *глобальности*, *региональности*, *локальности* (уникальности) и т. д. Наряду с глобализацией некоторые авторы говорят также и о так называемой *глокализации* – единстве глобального и локального развития.

IV. *Глобализация* по отношению к своим основным формам и аспектам. Соответственно речь идет о таких понятиях, как *экономическая глобализация* (включая целый ряд близких, родственных или подчиненных, соподчиненных понятий, таких как *финансовая*, *валютно-финансовая*, *монетарная глобализация*, *техническая глобализация*, *глобализация трудовых ресурсов* и т. д.), *политическая глобализация*, *социальная*, *юридическая*, *гуманитарная*, *культурная*, *духовная*, *нравственная глобализация*, *экологическая глобализация* и т. д. Рассматриваются и различные модели, варианты, разновидности, альтернативы глобализации. Например, такие как корпоративная глобализация, либеральная глобализация, социальная

¹⁰ Помимо этих исходных понятий есть и другие точки зрения относительно центральных, или базовых, понятий глобалистики. Например, М. Чешков считает, что таковым является понятие глобальности.

или демократическая глобализация, альтернативизм или альтерглобализация, вестернизация, американизация, макдональдизация и т. д.

V. Ко всему этому добавляется еще ряд понятий и концепций, крайне важных не только для науки глобалистики как таковой, но и для человечества в целом, таких как *концепция решения современных глобальных проблем человечества; концепции современного глобального развития человечества, в том числе концепция глобального общества* (характеризуемого по-разному в литературе: как общество открытое, гражданское и т. д.), *концепция долгосрочного, так называемого устойчивого человеческого развития, концепция современного глобального информационного общества, концепция глобальной этики, концепция глобальных вызовов тысячелетия* и т. д.

Разумеется, все эти и другие понятия, термины, категории, концепции требуют дальнейшего обсуждения, разработки в том, что касается определения, интерпретации, анализа, как теоретического, так и практического, всестороннего объяснения, в особенности относительно прикладной применимости и т. д. Дальнейшая разработка терминологии – TOR(a) – понятийно-категориального аппарата глобалистики остается крайне важной и актуальной задачей этой развивающейся науки.

Основные разделы и направления глобалистики

Учитывая вышесказанное относительно предмета изучения глобалистики, ее статуса, особенностей, характера, терминологии, мы представим далее ее основные проблемы и интересы. (При этом мы будем следовать определенной логике предмета, логике проблематизации, исходя в том числе и из перспективы определенного университетского курса глобалистики.) Итак, основными проблемами, интересами, занятиями глобалистики, одновременно и ее основными главами, структурными направлениями являются следующие:

- **Введение в глобалистику.** *Человечество как мировое целое, социально-планетарная система. Единство истории, общая судьба, общность интересов, единство культурно-духовных ценностей человечества. Единство моральной ответственности. Земля – единый и общий дом человечества. Актуальность и необходимость изучения общих процессов и проблем человечества исходя из перспективы глобальной цивилизации.*

- **Глобалистика как научная дисциплина.** *Предпосылки становления глобалистики. Глобалистика в качестве междисциплинарной науки. Предмет и проблематика глобалистики. Структура глобалистики. Статус и специфика, особенности глобалистики как науки. Методология исследования глобалистики. Основные задачи глобалистики. Необходимость разработки общей теории глобализации, новой концепции о современном глобальном мире.*

- **История глобалистских идей и глобалистики.** *История возникновения и этапы эволюции глобалистских идей. Мондиалистские теории. Эволюция мондиалистских идей в XIX и XX вв. Теории Т. К. Хопкинса, А. Г. Франка, Б. Кохена, С. Амина, И. Валлерстайна, С. Зелетина. Теория конвергенции. Мондиалистские центры. Доктрина Фрэнсиса Фукуямы. Неомондиализм Жака Аттали. Глобалистские теории. Экспансия мировой системы. Глобализация мира. Диалектика глобализации и тенденции процесса глобализации. Б. Бади, О. Доллфус, С. Гофман, К. Пру и другие ученые о причинах и решениях глобализации. Новейшие теории глобализации. Возникновение глобалистики. Основные этапы разви-*

тия глобалистики. Современное состояние глобалистики. Западная и российская глобалистики: общее и особенное.

• **Основные термины, понятия и концепции глобалистики.** Терминология глобалистики. Основные понятия, термины, категории, используемые в глобалистике, их определение и соотношение. Развитие категориально-понятийного аппарата – одна из важнейших задач глобалистики как науки. Направления, по которым развивается данный аппарат. Основные концепции глобалистики. Дальнейшее развитие концептуально-философского содержания глобалистики в современных условиях.

• **Глобалистика и глобализация.** Глобализация – главное понятие глобалистики. Определение глобализации. Основные интерпретации, подходы и концепции. Основы глобализации. Предпосылки, причины возникновения, периодизация, основные аспекты, угрозы и последствия глобализации. Тенденции глобализации. Возможности, преимущества и недостатки глобализации. Отношения к глобализации. Антиглобализм. Антиглобалистские движения.

• **Глобалистика о глобализации и смежных явлениях.** Глобализация и феномены зависимости, независимости и взаимозависимости. Интернационализация. Мондиализация. Глобализация и процессы интеграции. Глобализация и регионализация. Аспекты, области и проблемы регионализации. Регионализация и федерализация. Их последствия для международных отношений. Локализация – новая ведущая тенденция XXI в. Диалектика глобализации и локализации. Формы, аспекты, проблемы, угрозы и возможности локализации. Соотношение и взаимосвязь современных процессов глобализации, регионализации и локализации. Перспективы глобального, регионального и локального развития в современном мире.

• **Экономическая глобалистика.** Экономические аспекты глобализации. Предмет и основные проблемы экономической глобалистики. Концепция глобализации экономической жизни. Определение и развитие мировой экономики. Предпосылки, этапы создания и кристаллизации мировой экономики. Факторы, которые привели к глобализации экономики. Основные аспекты, разновидности, формы проявления и проблемы глобализации экономической жизни. Глобализация торговли и повышение ее роли в глобальных экономических процессах. Глобализация производства и интернационализация инвестиций. Глобализация бизнеса. Глобализация и возрастающая интеграция финансовых рынков. Глобализация услуг. Роль межгосударственных, международных экономических организаций, организаций и специализированных учреждений ООН в глобализации экономической жизни. Транснациональные «глобальные» предприятия (корпорации) в качестве проводника и двигателя экономической глобализации. Последствия экономической глобализации. Необходимость реструктуризации международных экономических отношений в эпоху глобализации.

• **Политическая глобалистика.** Политические аспекты глобализации. Предмет и основные проблемы политической глобалистики. Политическая глобалистика как раздел глобалистики или как направление современной политической науки. Понятие политической глобализации. Основные аспекты. Особенности современных политических процессов с точки зрения соотношения внутренних и внешних аспектов. Концепция нового международного политического порядка. Национальное государство, транснациональное и международное общество. Глобальное общество, глобальное сознание, глобальный менталитет,

глобальное мышление. Межгосударственный порядок и международный порядок после преодоления двухполярности. Взаимоотношение независимости и взаимозависимости в эпоху глобализации. Возможности, преимущества взаимозависимости и ее последствия для международных отношений. Гражданское общество на глобальном уровне: горизонты, принципы, проблемы. Роль ООН в политической глобализации. Перспективы современных глобальных политических процессов.

• **Социогуманитарная и юридическая глобалистика. Социальные, гуманитарные и юридические аспекты глобализации.** Единство экономического, политического и социального в современном мире. Рост значения социальных аспектов в процессах глобализации. Масштабность мировых социальных форумов. Необходимость решения социальных проблем – требование глобализации. Медицинские и медико-санитарные аспекты глобализации. Юридические аспекты глобализации. Международное законодательство. Законодательство европейского сообщества. Права человека – основополагающий гуманитарный аспект современного глобального мира. Всеобщая декларация прав человека. Соблюдение прав и свобод человека – реалии и проблемы. Единство прав и обязанностей человека – перспективы будущего.

• **Культурная и духовно-нравственная глобалистика. Культурные, религиозные, духовно-нравственные и цивилизационные аспекты глобализации.** Глобалистика о месте, роли и значении культурных и духовно-нравственных аспектов в контексте глобализации. О глобализации культуры и культуре глобализации. Культурный словарь глобализации. Идентичность и культурное многообразие как принципы глобализации. Межкультурность. Культурная интеграция в эпоху глобализации. Взаимодействие и диалог культур. Религиозные аспекты глобализации. Глобалистские мировые религии и глобальное объединение человечества. Духовно-нравственные принципы и нормы глобализации. Глобальная этика. Необходимость нового менталитета: главенство человеческой личности, сознание ее уникальности и универсальности. Формирование глобального мышления. Глобальные образовательные и воспитательные аспекты и процессы. Глобальная цивилизация. Модели глобального мира. Концепции «столкновения цивилизаций», гуманистический глобализм и диалог цивилизаций.

• **Экологическая глобалистика. Экологические аспекты глобализации.** Отношение между политикой, экономикой и экологией в контексте современного глобализма. Определение экологизма. Три направления экологизма с точки зрения политических стратегий, экономических теорий и практик: ностальгический экологизм; экологизм «нулевого роста»; экологизм практического действия. Глобальный экологизм в перспективе отношений между человеком и окружающей средой. Устойчивое развитие. Глобализация процессов современного развития и мирового политического, экономического и экологического сотрудничества.

• **Современные глобальные процессы и проблемы.** Понятия «глобальные процессы» и «глобальные проблемы». Соотношение данных понятий, их различия. Методология анализа. Суть глобальных процессов. Периодизация глобальных процессов. Глобализация в качестве самого важного глобального процесса. Неравенство развития процессов в качестве закономерности. Систематизация и классификация глобальных процессов. Критерии рассмотрения.

• **Глобалистика и современные глобальные проблемы человечества.** Концепция глобальной проблемы человечества. Определение и суть современных глобальных проблем. Возникновение современных глобальных проблем. Причины

и условия обострения современных глобальных проблем. Глобальная проблематика в концепции Римского клуба. Основные глобальные проблемы. Доклады Римского клуба о мировых проблемах. Энергетическая проблема. Проблема природных материальных ресурсов. Продовольственная проблема. Проблема окружающей среды. Проблема климата. Демографическая проблема. Возникновение новых глобальных проблем.

• **Систематизация, классификация и иерархизация современных глобальных проблем.** *Комплексность и взаимообусловленность глобальных проблем человечества. Тенденции к обострению и умножению глобальных проблем. Возникновение новых глобальных проблем и вызовов. Необходимость систематизации существующих и возникающих глобальных проблем. Критерии классификации глобальных проблем. Иерархизация глобальных проблем современности. Методология исследования глобальных проблем.*

• **Решение современных глобальных проблем и перспективы человеческой цивилизации.** *Смягчение, преодоление, способы решения современных глобальных проблем и перспективы человеческой цивилизации. Законодательные и институциональные рамки. Роль ООН и специализированных международных организаций в решении глобальных проблем современности. Наука, техника и технологии, их переориентация на решение современных глобальных проблем. Осознание всем человечеством глобальных проблем, формирование нового глобального менталитета, роль образования, культурная идентичность и разнообразие в качестве факторов развития. Концепция долгосрочного человеческого развития и необходимость ее внедрения.*

• **Перспективы отдельных государств по интеграции в современные глобальные процессы и участию в решении существующих глобальных проблем.** *Отношение к глобализации в различных странах. Дискуссии, законодательные рамки и рамки, закрепляющие принятие решений. Преимущества, необходимость, возможности, конкретные способы интеграции отдельных государств в современные глобальные процессы. Регионализация и локализация в качестве способов интеграции отдельных государств в глобальные процессы. Местное развитие и развитие на уровне местных сообществ в качестве эффективных форм и способов участия населения в современных процессах. Практическое участие отдельных государств в решении существующих глобальных проблем.*

Таким образом, глобалистика представляется как широкомасштабная, комплексная наука с широким кругом интересов. Это – важнейшая наука, которой отводится значительная роль как в системе современных наук, так и в целом в сегодняшнем мире. Учитывая сложившееся сегодня положение в науках, в науке в целом, именно глобалистике отводится задача создать новую концепцию о мире, в котором мы живем, о мире, находящемся на перепутье, о мире, который сталкивается с серьезными проблемами, противоречиями, о мире, который находится в поиске решений будущего, завтрашнего общества. Речь идет о новых великих фундаментальных научных синтезах, подобно выдвинутому Аристотелем в античности, Фомой Святым в Средневековье или Кантом в Новое время. И таких синтезов мы ждем от глобалистики, как от ее общей части, общей глобалистики, так и от ее основных разделов, от современных глобалистских дисциплин.

Литература

- Абдулин, А. Р.** 1999. *Основы глобалистики: уч. пособ.* Уфа: РИО БАГСУ.
- Василенко, И. А.**
2000а. *Политическая глобалистика.* М.: Логос.
2000б. *Политическая глобалистика.* В: Василик, М. А. (ред.), *Практикум по политологии: уч. пособ. для вузов* (с. 244–254). М.: Гардарики.
- Даниленко, В. П.** [Б. г.] *Глобалистская картина мира.* Интернет-ресурс. Режим доступа: www.islu.ru
- Гладкий, Ю.** 1994. *Глобалистика: трудный путь становления. Мировая экономика и международные отношения* 10.
- Костин, А. Г.** 1997. *Глобалистика и политическая наука (Статья вторая).* *Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки* 4.
- Лейбин, В. М.** 2007. *Глобалистика, информатизация, системные исследования.* Т. 1. *Глобалистика.* М.: ЛКИ.
- Мазур, И. И., Чумаков, А. Н. (ред.)**
2003. *Глобалистика: энциклопедия.* М.: Радуга.
2006. *Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь.* М.; СПб.; Н.-Й.: ИЦ «Елима»; ИД «Питер».
- Сакович, В. А., Руснак, Г. Е.** 2006. *Глобалистика: Глобализация и интеграция, глобальные проблемы современности, антиглобализм: Материалы к лекционным курсам, спецкурсам и спецсеминарам по политологии и другим общественно-политическим дисциплинам.* Кишинев: CEP USM.
- Современные** глобальные проблемы и философия локального и регионального развития / отв. за выпуск Г. Василеску (на румынском языке). Кишинев, 2001.
- Тимошевский, С. Н.** 2004. *Генезис предмета глобалистики (Философский анализ): дис. ... канд. филос. наук.* Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.dissert.ru/contents/91431.html>
- Федотов, А. П.** 2002. *Глобалистика: Начала науки о современном мире.* М.: Аспект Пресс.
- Чешков, М. А.**
1998. *Глобалистика: предмет, проблемы и перспективы. Общественные науки и современность* 2.
2001. *Взгляд на глобализацию через призму глобалистики. Мировая экономика и международные отношения* 2: 52–56.
2002. *Глобалистика: поиски предмета.* М.: ИМЭМО РАН.
- Чумаков, А. Н.** 1991. *Проблемы глобалистики. Философские науки* 12.
- Шишков, Ю.** 2001. *О гетерогенности глобалистики и стадиях ее развития. Мировая экономика и международные отношения* 2: 57–60.
- Vasilescu, G.** 2002. *The World Bank Concept on Globalization and Localization. About the Role and Some Principles of World Bank Activity. Politici ale Băncii Mondiale în Republica Moldova / Coordonator G. Vasilescu.* Chişinău: ISPRI.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

«ВОЗВРАЩЕНИЕ» РЕЛИГИИ И КОНФЛИКТНАЯ СИТУАЦИЯ МИРОУСТРОЙСТВА

Р. Робертсон

Главным вопросом данной статьи является то, как религия за последние годы стала важнейшей темой в мировой политике и международных отношениях, не в последнюю очередь потому, что религия оказалась в центре некоторых наиболее опасных мировых глобальных конфликтов. Доказывается, что новая глобальная история, которая развивалась в контексте спорного обсуждения глобализации, дает нам возможность понять, с одной стороны, каким образом тема религии игнорировалась в исследованиях мировой политики, а с другой – как в изучении религии, в частности ее социологической формы, также пренебрегали международными отношениями ввиду ее постоянной и неуместной озабоченности секуляризацией. Итак, обе стороны уравнения во многом игнорируют друг друга. Это характерно для структуры академических дисциплин, в частности в западном мире.

Ключевые слова: религия, политика, мировая политика, международные отношения, глобализация, глобальные конфликты, цивилизация, дисциплинарность, междисциплинарность.

Введение

Несмотря на то, что данная статья в первую очередь касается условий, приведших к тому, что религия стала играть заметную роль в современной международной политике, вначале необходимо отметить, что в ней рассматривается недавняя полемика (особенно в Великобритании и США) по поводу мнимого зла религии. Это связано с тем, что в большинстве своем воинственные «крики», доносящиеся из атеистических (выступающих против Бога) лагерей, несомненно, во многом были вызваны чрезмерным переплетением религии с внутринациональной, транснациональной и международной политикой. В то же время воинственность, например, Ричарда Доукинса и Кристофера Хитченса в значительной мере обусловила присутствие религии в умах современных политиков, журналистов и ученых (Dawkins 2006; Hitchens 2007). Другое серьезное противоречие, сыгравшее некоторую роль в ослаблении значения религии в международных событиях, – это значение религии в американской политике по отношению к Израилю. В последние годы стало особенно очевидным, что многие избегают данной темы, боясь разбудить этнические чувства, которые могут фактически уничтожить их научную карьеру, по крайней мере в Великобритании и США.

Однако в настоящий момент в социологии, философии и родственных дисциплинах наблюдается сильное движение в сторону от традиций атеистического секуляризма. Этот сдвиг так же, как процветающая критика идей неистовой секуляризации, имеет важные последствия для общего понимания глобальных тенденций и ситуации (Robertson 2007; McLennan 2006; Robertson, Chirico 1985).

Текст ниже состоит из двух разделов. В первом идет речь о так называемом «дисциплинарном» мире, а во втором – о так называемом «реальном» мире. Разумеется, в этом разграничении присутствует чрезмерное упрощение уже потому, что то, что однажды было предметом дисциплинарности, затем стало важным для реальности. Иначе говоря, несмотря на то, что дисциплинарность является сконструированным, «искусственным» способом познания действительности, реальность частично включает в себя дисциплинарность. Здесь мы не имеем возможности охватить эту сложную проблему, и не только в силу ограничения объема статьи, но и потому, что во всех областях науки, как естественных, так и гуманитарных, это было и остается трудноразрешимой проблемой. Столетиями философы искали пути решения этой эпистемологической и/или онтологической проблемы в разных цивилизационных контекстах, и многие объявляли о найденном решении. Полностью признавая различные вклады в решение данной проблемы, в настоящей статье автор просто возьмет проблему как таковую и рассмотрит ее весьма простым способом.

Проблема дисциплинарности

По крайней мере с конца XVIII или начала XIX в. интерпретация и/или анализ мира по большей части проводились с точек зрения все более специализированных и относящихся к разным категориям. Очень много было написано о происхождении, истории и развитии различных дисциплин, а также их вариантов от общества к обществу, от региона к региону, от цивилизации к цивилизации. И тем не менее необходимо оговориться, что в настоящей статье автор делает акцент преимущественно на западной точке зрения и не пытается ограничиться цивилизационным структурированием конкретных научных дисциплин, а также их траекториями или конфигурациями в рамках различных обществ. Необходимо твердо установить, что каждая дисциплина в западной науке, также как и в системе начального и среднего образования, основывается на риторических конструкциях и научных вероятностях. Таким образом, идея о том, что дисциплины отражают естественное состояние жизни, не имеет никаких оснований. Необходимо особо отметить этот важный момент именно потому, что многие академики и интеллектуалы – и не в самую последнюю очередь их бюрократические управленцы, – кажутся, уверены, что дисциплины отражают или охватывают реальность, хотя некоторые из них могут также признавать, что так называемая реальность частично формируется дисциплинарностью.

Несмотря на эти размышления, необходимо отметить, что на протяжении последних полутора столетий многие ученые и научные школы пытались охватить или наметить предпосылки и поддерживающую инфраструктуру для дисциплин, основываясь на принципе универсальности. Например, Конт предпринял серьезную попытку систематически объединить все дисциплины, этот же подход использовал Маркс (но, конечно, с совершенно другой точки зрения), подобным образом поступал и Джон Стюарт Милль. То же можно сказать о Фрейте и, конечно, о развитии Общей теории систем в 1930-е гг., а также о работах Талкотта Парсонс-

са в середине XX в. Фуко довольно подробно исследовал основы и формы дисциплинарности в самом широком возможном смысле, что привело в его работах к распределению академических дисциплин подобно дисциплине в уголовном смысле.

В последние 20 лет все чаще происходили серьезные изменения в дисциплинах, особенно в связи с темой глобализации. Большая часть исследований по этой теме, несмотря на их огромную «модность», к сожалению, сконцентрировалась вокруг идеи междисциплинарности. Это чрезвычайно непродуктивно и скорее служит бюрократическим интересам управленцев от науки и тех, кто ищет в науке власть, а не способствует значительному интеллектуальному прогрессу. В особенности междисциплинарность скорее укрепила, а не преодолела междисциплинарные и профессиональные различия. Например, в междисциплинарное сотрудничество часто вовлекаются специалисты двух или более отраслей знаний, которые собираются вместе и смотрят, что каждый из них может привнести в конкретную тему с точки зрения своей науки. С другой стороны, в идеале должен получиться непосредственный интерес к значимой проблеме в противовес повторению особенностей отдельных дисциплин. Многие инициативы так называемого междисциплинарного характера охватывают несколько больше, чем высказывания представителей той или иной отрасли науки по поводу того, что его или ее дисциплина может/должна внести в обсуждаемую тему. Таким образом, нам следует обратиться к тому, что предпочтительнее можно было бы назвать либо кросскультурностью, либо трансдисциплинарностью (хотя обоснованные претензии могли быть и были выдвинуты со стороны «контрдисциплинарности» и «постдисциплинарности»).

В рассматриваемом случае, а именно в исследовании международных отношений (МО), или мировой политики, в связи с изучением религии, подобные рассуждения о границах дисциплинарных подходов в значительной степени способствовали относительному отсутствию внимания к взаимопроникновению религии и МО в рамках истории. Это означает, что чем пытаться рассматривать важность религии в мировой политике в настоящее время – словно религия внезапно ворвалась на мировую политическую сцену, – лучше попытаться объяснить, почему многие годы взаимоотношения религии и МО так серьезно игнорировались. В самом деле, международные отношения как дисциплина или субдисциплина профессионально сформировались совершенно безотносительно к значению религии. В то время как экономику часто называют скучной наукой, эту характеристику можно также отнести и к МО, по крайней мере до недавнего времени.

С точки зрения тех, кто занимается главным образом религией, одержимость тезисом о секуляризации помогла обособить субдисциплину «социология религии» от других дисциплин, а также ослабить ее влияние в обществе. В самом деле, десятилетиями социологи религии выражали, не без иронии, большое сожаление, что их субдисциплина периферийна по отношению к более общей науке социологии, и таким образом выражали недовольство, что открытия социологии религии не рассматриваются всерьез политическими элитами и более интеллектуальными элементами средств массовой информации. Таким образом, после 1960-х гг. специалистов в области социологии религии лишь недавно начали приглашать к участию в обсуждении политических событий, обстоятельств и тенденций. На протяжении большей части этого периода исследователи религии в основном увлека-

лись в общественные дискуссии по поводу противоречий, окружающих религиозные секты (иногда называемые культурами). Впрочем, с появлением религий, проповедующих жестокость, социологов стали все чаще приглашать к участию в публичных дебатах и в качестве советников при правительствах, особенно после событий 11 сентября. Подобное и даже еще большее игнорирование религии можно отметить в изучении мировой политики; впрочем, в этот же период там *наблюдалось* растущее внимание к отношениям между религией и социальной политикой. Таким образом, в изучении международных отношений игнорирование религии особенно очевидно.

Еще один важный фактор игнорирования участия религии в международных отношениях – это то, каким образом определяется дистанция между конкретными дисциплинами и субдисциплинами. Например, в начале XX в. для историков и социологов считалось возможным говорить, что странно соединять изучение религии с изучением экономики. Впрочем, через несколько лет взаимоотношения между религией и развитием капитализма получили статус очевидных. В основном это было следствием работы Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», которая впервые была опубликована в 1904 г. (Weber 1930). В этом частном случае многие специалисты по МО всего пару лет назад спросили бы: какое отношение имеет религия к их области анализа? Теперь, в начале XXI в., очень немногие осмелились бы задать этот – можно сказать, глупый – вопрос. Несомненно, в значительной степени это связано с современной так называемой войной с террором (по сути, исчезающий термин) и, более конкретно, с проблемным утверждением о столкновении цивилизаций (также уходящий термин). Точнее говоря, это центральное положение сторонников исламского джихада, или халифата, и его оппонентов, не говоря уже об их целях, которые стали ключевыми при рассмотрении предмета настоящей статьи. Теперь кажется трудным понять, почему очевидный прорыв ислама на мировую сцену, что символизируется и выражается событиями 11 сентября, стал неожиданностью для смежных дисциплин (Lindsay 2006). Кажется даже, что для многих из тех, кто изучает религию и сожалеет о ее периферийности в рамках и за пределами высших учебных заведений, события 11 сентября стали неожиданностью. Это в значительной мере может быть отнесено на счет изоляции международных отношений от изучения религии и наоборот. С другой стороны, необходимо отметить, что изучение связи политики и религии расширилось в последнюю четверть XX в.

Этот растущий интерес почти наверняка имеет много общего с возрастающей заметностью религии внутри и за пределами национальных государств в конце 1970-х гг. В то время такие события, как приход к власти сандинистов в Никарагуа, сложные взаимоотношения между теми, кто сопротивлялся им, Ираном и американским республиканским правительством (так называемое дело Иран-контрас); появление теократических идей на глобальной арене вследствие Иранской революции 1979 г.; подъем движения «Солидарность» в Польше, серьезно поддерживаемого католической церковью, так сказать, приподняли религию над параветом для последовательного обсуждения. Распространение и усиление напряжения между «церковью» и государством положило конец долгой эпохе, начавшейся после заключения Вестфальского мира 1648 г., который ознаменовал конец религиозных войн на Западе. До Вестфальского соглашения светские и церковные явления представлялись сосуществующими, хотя часто и не без проблем; Вест-

фальский договор ознаменовал конец подобного сосуществования, таким образом отделяя религию от политики.

Достижением этой тенденции стала Декларация независимости нарождающейся американской республики в 1776 г. с ее приверженностью конституционному отделению церкви и государства. Это быстро привело к масштабным последствиям, даже более значимым, чем для самих США (Armitage 2007). Более того, неслучайно, что именно в этот самый период Иеремия Бентам выразил в 1789 г. необходимость особого акцента на международных отношениях. Несколько ученых признали значимость этого. Но именно этот западный феномен, тем не менее, был навязан или скопирован в ряде азиатских обществ на протяжении XIX – первой половины XX в. В рамках настоящей статьи представляется невозможным изучить разнообразные политические направления, пытающиеся распутать отношения религии и политики, или церкви и государства. Достаточно упомянуть о Восточной Азии. Там, как можно заметить, в то время как в Китае угасание религии воспринималось как предпосылка формирования современного общества, в Японии была предпринята серьезная попытка сымитировать американское отделение «церкви» от государства. В японском государстве в период Мэйдзи религия синто была установлена через отрицание того, что она формирует религию в западном смысле слова. Напротив, китайская политическая элита и ведущие представители интеллигенции перехватили лидерство у таких западных философов, как Бертран Рассел, и настаивали, что в современном обществе для религии нет значимого места (Robertson 1992, особенно с. 115–128 и 146–163; см. также: Gong 1984).

Регионы мира, наиболее сильно сопротивлявшиеся обеим этим тенденциям, были в подавляющем большинстве случаев исламскими. Поэтому неудивительно, что «возвращение» религии на международную арену должно было произойти в форме конфликта между исламом и большей частью остального мира, в особенности тех его регионов, которые воспринимались как исключительно ответственные или за разделение религии и политики, церкви и государства, или за навязывание государственно организованного атеизма, как при коммунистических режимах.

Значительный интерес к теме глобализации, несомненно, привлек внимание и к значению религии в мировой политике и международных событиях. Утверждая это, я особенно настаиваю на *многомерности* глобализации. Не осмысливая последнюю в форме неolibерализма и в то же время давая ей отчетливо экономическое толкование, я рассматриваю ее как обладающую политическим, социальным и культурным измерениями. Эта основная концепция глобализации сформировала основы постоянно растущего интереса к глобальной, или мировой, истории. Это обновленное изучение мировой истории значительно отличается от того прозападного интереса к последней, который процветал в конце XIX и начале XX в. Новая глобальная история – по крайней мере, как это принято на Западе – отнюдь не так европоцентрична. На самом деле довольно часто она антиевропоцентрична. Это означает, что во многих обществах и мировых регионах существуют и поддерживаются другие, часто конкурирующие, парадигмы и представления о глобальной истории. Многие, если не большинство из них, заключаются в помещении отдельного общества или региона в центр мировой истории. Понятно, что это связано с современной всеобщей озабоченностью национальной идентичностью.

В рамках глобализации это происходит по двум основным причинам. С одной стороны, глобализация заключается в растущей связанности мира в целом, иногда выражающейся в «сжатии» всего мира, приводящем к ситуации, когда каждое общество, регион или цивилизация находятся под давлением идентификации и провозглашения своей собственной идентичности. С другой стороны, глобализация также включает растущее глобальное осознание – лучше сказать, самосознание – в том смысле, что с периодическим замедлением мир все больше становится «единым пространством». Эта часто игнорируемая черта глобализации усугубляет проблему восприятия человечества как единого целого. Не говоря уже о том, что в последнее время реальность пандемий, эпидемий, изменений климата – как и подъем религий, связанных с «концом света», – в значительной степени укрепили эту серьезно оспариваемую цельность. На самом деле большая часть современных всеобщих рассуждений о религиозных и цивилизационных конфликтах сконцентрирована на этой проблеме религиозно-культурной гегемонии.

Следствием этого подъема новой формы глобальной истории также является быстро растущий интерес к теме империализма и его большого значения для глобализации. Хорошим примером здесь является книга Джона Дарвина «После Тамерлана: Всемирная история империи». Дарвин утверждает, что «Тамерлан был последним в плееде “завоевателей мира” в традициях Атиллы и Чингисхана, которые боролись за объединение всей Евразии – “мирового острова” – под руководством одной огромной империи» (Darwin 2007; ср.: Bayly 2002). Вскоре после 1405 г. началось исследование морских путей, ставших, как Дарвин их называет, «нервами и артериями великих морских империй» (Darwin 2007: X; см. также: Fernandez-Armesto 2006). Европейское расширение после Тамерлана привело к «подъему Запада», но когда *Европейская империя* исчезла – в период с начала Второй мировой войны до середины XX в., – ход всемирной истории начали переписывать, особенно после подъема так называемого третьего мира. По словам Дарвина, это переписывание истории не может осуществляться без всецело глобальных взглядов на прошлое. Он убедительно цитирует Теггарта, который в своей книге «Рим и Китай» утверждал, что «изучение прошлого может стать эффективным, только когда полностью осознают, что у народов есть свои истории, и эти истории продолжают одновременно в одном и том же мире, и их сравнение есть начало знания» (Darwin 2007: XI; см. также: Teggart 1939; Robertson 1998). Это предположение о необходимости координировать внутриэлементные отношения со сравнительным анализом есть, вероятно, наиболее важный шаг вперед, который мы должны сделать в изучении международных отношений. Это было главное методологическое следствие повсеместно распространенного обсуждения глобализации. В последнее время было много написано о необходимости новых подходов к последней, но практически ни один из них не имеет дела ни с этим аналитическим недостающим звеном, ни с существенной важностью религии и культуры. Несомненно, «войны с террором», сценарий которых был в каком-то смысле «написан» Хантингтоном в его «Столкновении цивилизаций», вывели религию – через радикально политизированный ислам – на центральную, во многом главенствующую позицию в мировых отношениях. Но очень мало осознается необходимость аналитической реорганизации (Huntington 1996). Со стороны международных отношений это во многом связано с так называемым позитивизмом в этой науке, который по большей части избегает любого касательства к подобным делам, особенно в США. Концепция Найя о «мягкой силе» – весьма недостаточное признание подобных рассуждений (Nye 2004).

Несмотря на то, что с начала 1920-х гг. в МО наблюдаются постоянные дискуссии вокруг *Realpolitik*, тем не менее в основном они сконцентрированы на «реалистских» мотивах. Возможно, многие подвергнут этот серьезный аргумент сомнению, однако, и здесь я на этом настаиваю, по крайней мере до недавнего времени было именно так. Растущее внимание к *международному сообществу, глобальному гражданскому сообществу и глобальному сообществу* со стороны тех, кого Бузан называет «английской школой», противоречит упору на *Realpolitik*. Бузан пытается утвердить взгляд на мировое сообщество как на «понятие, фиксирующее негосударственную сторону международной системы», или, выражаясь более точно, пытается «создать синтез между структурными элементами идеи Булла – Винсента в рамках теории английской школы о международном и мировом сообществе и социальной теорией... Вендта о международной политике». Сделав это, Бузан пренебрежительно говорит об «аналитической пустоте мира “Г”» (Buzan 2004: 3; см. также: Wendt 1999. Вендт, конечно же, имеет в виду понятие глобализации). Однако несмотря на некоторые заслуживающие похвалы попытки вернуть социальное в международные отношения, Бузан опасно упрощает концепт глобализации. В основном это происходит из-за того, что он рассматривает этот концепт главным образом с политической точки зрения.

Односторонний характер многих исследований в области теории глобализации очень жестко ограничивал ее аналитическую и эмпирическую ценность, хотя сам Бузан демонстрирует серьезный интерес к некоторым социологическим концепциям мирового сообщества за пределами традиционных МО. Например, он уделяет внимание работе так называемой Стэнфордской школы (под руководством Джона Мэйера), которая выдвинула важную идею, выходящую за пределы МО, о мире как о едином целом. Однако при этом он абсолютно отрицает главные достижения Стэнфордской школы в области изучения религии. Несомненно, между ними нет согласия, так, он справедливо обвиняет ее членов в том, что они не знают или не хотят принимать во внимание работы таких ученых, как Мартин Уайт и Хедли Булл, принадлежащих к английской школе МО. Бузан справедливо отмечает, что одна из центральных тем (если ли не единственная) в работах Стэнфордской социологической школы – это глобальная культура. Однако он упускает из виду тесную связь Стэнфордской школы со школой, ранее известной как Питтсбургская, чьими главными представителями являлись автор этой статьи, Франк Лечнер, Питер Бейер и Виктор Роудометов. В работах этих социологов религия, безусловно, занимает центральное место. Другим слабым местом в подходе Бузана является пренебрежение тем фактом, что некоторые представители социологического подхода в исследованиях глобализации не признают сильную связь этого процесса с тем, что традиционно называют микросоциологическими аспектами *глобального поля*, как я это определяю (Robertson 1992: 25–31). Формулируя свою идею о глобальном поле, я типологически разделил мир на четыре главных элемента: отдельные государства (национальные или другие); системы государств (государства-нации); человечество; и, не в последнюю очередь, индивиды. Главной причиной, по которой в рамках глобализации учитывается последний элемент, является невозможность, если подойти к этому серьезно, исключить индивидов из мира! Тем не менее идея о том, что глобализация – это главным образом макроявление, продолжает существовать, хотя антропологи и социологи настаивают на том, что

глобализация происходит на межличностном уровне и что личное взаимодействие может иметь очень серьезные последствия, а также что глобализация свершается на улицах, в супермаркетах, в супружеских и других взаимоотношениях, и это всего лишь несколько примеров.

В последнее время очень много было написано в жанре «миллениум» в форме утопий и антиутопий. Важнее в *глобальной проблеме тысячелетия* – ее значение для миллениума и уже потом ее глобальный характер, по крайней мере в западном мире. С этой точки зрения изучение отношений между религией и МО особенно необходимо (Robertson 2007).

Апокалипсический взгляд рубежа тысячелетий на «террористические войны» является центральным в *религиокультурном*, если так можно назвать, *аспекте* мировой политики, а именно – в отношениях между радикально политизированным исламом и «современным Западом». На самом деле нельзя сознательно отрицать, насколько интенсивно используются религиозные термины обеими сторонами современного глобального конфликта между двумя главными актерами – Аль-Каидой и администрацией Буша в США*. Однако некоторые до сих пор держатся за идею, что этот конфликт «на самом деле» связан с нефтью, водой и другими материальными факторами. Но надо отметить, что настойчивое сведение всех явлений к одному фактору характерно исключительно для Запада. Отказ в ходе западной истории признать, что все человеческие явления и взаимодействия, выражаясь «западными» терминами, многоаспектны или многофункциональны, был очевидным упрощением. Если посмотреть на это с другой стороны, нас не должен вводить в заблуждение тот факт, что коммунистические режимы, например, заявляли, что они рассматривают международные отношения и мировую политику с атеистической точки зрения. Стоит ли говорить, что фактически все коммунистические или некоммунистические режимы заявляют, что имеют целью либо полное уничтожение религии, либо ее тоталитарный контроль. Но с позиций достаточного опыта можно с уверенностью сказать, что такие идеологические цели исторически ограничены древними религиозными традициями. В марксистском коммунизме (самый яркий пример) религиозный и теологический контексты прописаны очень хорошо. В любом случае в рамках разных форм ортодоксального марксизма эта включенность явно признается, например, Энгельсом в его работе о европейском крестьянском утопизме как предвестнике воинственности рабочего класса и Марксом в его утверждении о том, что теология обеспечивает базовыми категориями теоретическую борьбу (Burleigh 2006a; 2006b).

В то же время то, что главный оппонент коммунизма также имеет очень мощную тысячелетнюю культуру, признается не полностью (Gray 1998: 157; 2007; Hargington 1986; Reynolds 2002). По крайней мере, наступление американской культуры на рубеже тысячелетий (по меньшей мере, с конца XVIII в.) редко анализируется или представляется с позиции международных дел. В этом специфическом значении и МО, и социология религии развивались как формы ложного сознания. Необходимо повторить, что одержимость (уменьшающегося) большинства социологов религии тезисом о секуляризации так же ответственна за пренебрежение политикой и международными отношениями, как и пренебрежение религией другой стороной.

Перевод с английского Е. В. Емановой

* См., например, статью Т. Рокмора в этом номере (с. 53–65). – *Прим. ред.*

Литература

- Armitage, D.** 2007. *The Declaration of Independence: A Global History*. London: Harvard University Press.
- Bayly, C. A.** 2002. 'Archaic' and 'Modern' Globalization in the Eurasian and African Arena, c. 1750–1850. In Hopkins, A. G. (ed.), *Globalization in World History*. London: Pimlico.
- Burleigh, M.**
2006a. *Earthly Powers: Religion and Politics in Europe from the French Revolution to the Great War*. London: HarperCollins.
2006b. *Sacred Causes: Religion and Politics from the European Dictators to Al Qaeda*. London: HarperCollins.
- Buzan, B.** 2004. *From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalisation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Darwin, J.** 2007. *After Tamerlane: The Global History of Empire*. London: Allen Lane.
- Dawkins, R.** 2006. *The God Delusion*. London: Bantam.
- Fernandez-Armesto, F.** 2006. *Pathfinders: A Global History of Exploration*. Oxford: Oxford University Press.
- Gong, G.** 1984. *The Standard of 'Civilization' in International Society*. Oxford: Clarendon Press.
- Gray, J.**
1998. Global Utopias and Clashing Civilizations: Misunderstanding the Present. *International Affairs* 74: 157.
2007. *Black Mass: Apocalyptic Religion and the Death of Utopia*. London: Allen Lane.
- Harrington, M.** 1986. *The Dream of Deliverance in American Politics*. New York: Knopf.
- Hitchens, Ch.** 2007. *God is Not Great*. London: Allen and Unwin.
- Huntington, S. P.** 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon Schuster.
- Lincoln, B.** 2006. *Holy Terrors: Thinking About Religion after September 11*. Chicago: University of Chicago Press.
- McLennan, G.** 2006. Towards Postsecular Sociology? *Sociology* 41: 857–870.
- Nye, J. S. Jr.** 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.
- Reynolds, D.** 2002. American Globalism: Mass, Motion and the Multiplier Effect. In Hopkins, A. G. (ed.), *Globalization in World History* (pp. 243–260). London: Pimlico.
- Robertson, R.**
1992. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage.
1998. The New Global History: History in a Global Age. *Cultural Values* 2: 368–384.
2007. Global Millennialism: A Postmortem on Secularization. In Beyer, P., Beaman, L. (eds.), *Globalization, Culture and Religion*. Leiden: Brill.
- Robertson, R., Chirico, J.** 1985. Humanity, Globalization and Worldwide Religious Resurgence: A Theoretical Exploration. *Sociological Analysis* 46: 219–242.
- Teggart, F.** 1939. *Rome and China*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Weber, M.** 1930. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. London: Allen and Unwin.
- Wendt, A.** 1999. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Интервью с профессором М. А. Эскиндаровым.

В современном глобальном мире различные направления человеческой деятельности оказываются все более тесно связанными. Это хорошо показывает и последний мировой кризис, который, начавшись в сфере финансов и экономики, очень быстро перекинулся на социальную, политическую и другие сферы общественной жизни, затронув не только материальные, но и духовные основы общественной жизни: культуру, науку, образование. В попытках содействовать лучшему пониманию сложного комплекса проблем данной темы редколлегия журнала «Век глобализации» обратилась к авторитетным специалистам с просьбой высказать свое мнение на этот счет.

Сегодня на наши вопросы отвечает ректор Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор М. А. Эскиндаров.

– Уважаемый Михаил Абдурахманович, что Вы думаете о современном состоянии мировой экономики? Она уже выходит из кризиса или об этом еще рано говорить?

– Об окончании мирового финансово-экономического кризиса говорить еще рано. Мир нестабилен. Если мы наблюдаем рост производства в ряде стран, в первую очередь с развивающейся экономикой, то во многих странах наблюдается иная картина. Еще неизвестны возможные последствия для мировой экономики, обусловленные неблагоприятной ситуацией в ряде стран Европейского союза. Здесь речь идет не только о Греции, но и об Испании, Румынии, Венгрии. Отсюда и нестабильный курс европейской валюты. Есть проблемы также и в экономике США, которые усугубляются экологическими катастрофами, в частности той, что случилась в Мексиканском заливе. Государствам еще рано сворачивать антикризисные программы.

– В одной из Ваших работ интеллектуальный капитал рассматривается как важнейший фактор экономического развития современной России. Как бы Вы кратко пояснили актуальность этой темы в контексте задачи модернизации нашей страны?

– Одним из самодержцев было сказано, что у России два союзника – армия и флот. Ныне единственным союзником, по нашему мнению, остается интеллектуальный капитал. Уверен, что прорыв российской экономики не в количестве добываемых полезных ископаемых и их реализации, а именно в развитии интеллектуального капитала.

Исторический опыт показывает, что страна достигала успехов только в те периоды, когда наука и образование находились на пике развития. Модернизацию

экономики России можно провести исключительно на основе развития интеллектуального капитала. Требуется не только программа модернизации, но и стратегическая программа развития образования и науки. Единичные решения, подобные Сколково, не могут преодолеть проблемы.

– Как Вы в целом оцениваете Болонский процесс и его внедрение на российской почве? Какие, на Ваш взгляд, здесь плюсы и минусы для нашего образования, у которого есть свои традиции и достижения? От чего нам придется отказаться и что следовало бы сохранить?

– Современная система высшего образования в России претерпевает серьезные изменения, обусловленные в том числе и процессами глобализации. Так, например, Болонский процесс был запущен самим ходом исторического развития как ответ на необходимость в условиях глобализации сделать более эффективным рынок квалифицированного труда, образовательных услуг и привести в соответствие с новыми требованиями образовательные стандарты высших учебных заведений. Россия, являясь частью мирового сообщества и активно участвуя в глобальных процессах, не может оставаться в стороне и не проводить реформирования своего образования с учетом новых тенденций. Другое дело – как мы должны реализовать идеи, положенные в основу Болонских соглашений. Здесь немало проблем, но есть и много позитивного, позволяющего нашей системе высшего образования вписаться в общемировой процесс подготовки специалистов высшей квалификации, которые бы соответствовали требованиям как своей страны, так и глобального взаимозависимого мира.

– В последнее время активно обсуждается тема модернизации России, где вопросы высшего образования и подготовки высококвалифицированных специалистов становятся ключевыми. Как Вам видится в этой связи роль и место гуманитарного знания в инновационной и проектной деятельности в российских вузах?

– В современном мире глобальных отношений и острой конкуренции бесспорные преимущества получают те общества, которые оперативно и основательно становятся на путь инновационной и проектной деятельности в различных сферах общественной жизни. При этом если преобразования в экономике и политике способны оказывать заметное влияние уже на настоящее и ближайшее будущее, то в стратегическом плане принципиальное значение имеет идеология, где идет бескомпромиссная борьба за души людей, их симпатии, внимание и уmonoстроения. Выстоять в этом жестком конкурентном противостоянии, а тем более задавать тон, быть на первых позициях, впереди – значит уделить первостепенное внимание воспитанию и образованию подрастающего поколения. Без основательной гуманитарной подготовки такая задача не имеет решения.

Гуманитарное знание формирует не только мировоззрение молодых людей, но и их мотивации, связанные с развитием общества и государства. Если гуманитарное образование в школах и вузах страны поставлено правильно, то есть с учетом национально-государственных интересов, то оно сформирует гражданина, глубоко заинтересованного в устойчивом прогрессе страны на основе инноваций. Такого гражданина не надо будет убеждать в безусловной пользе инновационного развития общества и государства и в том, что своей повседневной деятельностью он должен этому способствовать.

– *Какое гуманитарное образование может этому подходу соответствовать?*

– С нашей точки зрения, это должно быть образование демократического содержания, то есть ориентированное на привитие подрастающему поколению демократических ценностей, развитие у молодых людей самостоятельного, критического мышления и формирование активной гражданской позиции. Но что это значит конкретно, с точки зрения содержания образования на различных его этапах? Это значит, что темы свободы и защиты прав человека, толерантности и плюрализма мнений, свободы совести, альтернативных выборов, наконец, ответственности за себя, свою семью, свое государство, то есть все то, что неотторжимо от демократического восприятия мира, должно шаг за шагом, через различные программы образования, начиная с начальной школы (подобно тому, как это делалось в советское время с привитием коммунистической идеологии) и заканчивая вузом, целенаправленно культивироваться в сознании подрастающего поколения и молодых людей. Весьма важно также, чтобы такая работа системно поддерживалась и сопровождалась средствами массовой пропаганды и агитации.

– *Как, на Ваш взгляд, должны соотноситься прикладное и теоретическое, естественно-научное и гуманитарное знания?*

– Ни одна система гуманитарного образования ни в одной стране не может быть достаточно успешной, если она не осуществляется в тесной взаимосвязи с доминирующей системой идейных ценностей, исповедуемых обществом и государством. Речь идет фактически о необходимости нахождения и внедрения доминирующей идеологии, которая была бы не догматичной, а несла позитивный заряд созидания, пробуждала чувство гордости за свою страну и способствовала культивированию, образно говоря, инновационного сознания у молодежи. Простых и быстрых решений здесь нет, но правильно определить направленность и последовательность наших действий – значит наполовину предопределить успех. Вне всякого сомнения, приоритет должен быть отдан школе и прежде всего высшей, на развитии и реформах которой хотелось бы остановиться особо. В первую очередь следует принять во внимание, что инновационное развитие и проектная деятельность в основе своей предполагают тесную связь и необходимый баланс естественно-научной и гуманитарной составляющих, что с необходимостью должно найти свое отражение в современном учебном процессе. На это, в частности, обратил внимание один из величайших новаторов мировой науки А. Эйнштейн, который еще в начале 40-х гг. XX в. подчеркивал, что теоретические проблемы физической мысли могут быть преодолены только на путях более глубокого и тесного соединения философского анализа с собственно физическим. В частности, он отмечал: «Затруднения, которые физик испытывает в своей области, заставляют его соприкоснуться с философскими проблемами в значительно большей степени, чем это приходилось делать физика прошлых поколений» (цит. по: Кузнецов 1980: 378).

– *Как объяснить тот факт, что многие профильные вузы в нашей стране стремятся изменить свои названия на «университет»? Вот и Финансовая академия при Правительстве Российской Федерации теперь будет называться университетом. Чем это вызвано и как все это связано с реформой образования?*

– Нашей высшей школе необходимо как можно скорее посредством перехода преимущественно к университетской системе обучения преодолеть малоприспо-

ное для инновационного развития наследие прежней системы образования, ориентированного преимущественно на подготовку узкопрофильных специалистов для отдельных областей народного хозяйства. Это обусловлено тем, что университет принципиально отличается от профильного вуза уже хотя бы потому, что он готовит не только специалистов, но и в значительной степени широко образованных, разносторонне развитых личностей, наконец, активных граждан своей страны. Дух толерантности и свободомыслия также присущ университетскому образованию в большей степени, чем учебному заведению того или иного профиля. Эту особенность университетского образования хорошо видел еще Д. И. Менделеев, который в своих «Заветных мыслях», опубликованных в 1905 г., выражал серьезную обеспокоенность данной проблемой. В частности, он обращал внимание на то, что хотя с момента появления первых университетов в Европе прошло более 600 лет, они и теперь в образовании народов продолжают играть первостепенную роль, выступая при этом образцом для всех прочих высших учебных заведений.

«В университетах, как вообще в школах, учащиеся находятся под влиянием не только профессоров, но и своих товарищей, – подчеркивал он, – а разнообразие специальностей, которыми занимаются эти товарищи, ведет к тому, что каждый получает большую широту просвещения, чем при следовании за отдельным, хотя бы и высоким учителем. Этому влиянию должно приписывать не только общераспространенное поныне и во многом справедливое мнение о том, что университеты дают общее высшее образование сверх специального, но также и то, что с возникновением университетов, совпавшим с эпохой Возрождения наук, школы в научном смысле стали расширяться, разнообразиться, умножаться и через своих адептов влиять на всю современную жизнь. Та мысль, которая лежит в основе университетов, сочетающих в себе разные специальности, в последней половине XIX в., когда живая надобность в специально образованных деятелях значительно усилилась, была во множестве случаев упущена учреждением узкоспециальных учебных заведений, и мы в России живем в настоящее время в эпоху господства этого упущения. Ему по преимуществу обязано наше время тем, что по весьма широко распространенному мнению о данного рода делах могут судить с достаточным основанием только ближайшие специалисты, а эти последние очень нередко чужды надлежащего общего образования» (Менделеев 1995: 258). При этом Д. И. Менделеев, будучи настоящим гражданином и патриотом своей страны, не без горечи отмечает: «Мне бы не хотелось развивать эту сторону дела, потому что она кажется мне печальною, и я думаю, что можно не развивать этого, потому что всякий сознательный человек найдет кругом себя много примеров, ее подтверждающих. Бывши первоначально профессором не только университета, но и различных узкоспециальных учебных заведений, подобных Инженерной академии, Институту путей сообщения и Технологическому институту, я из жизни извлек эту мысль и на основании этого утверждаю, что дело высшего образования, даже специального, много теряет в узкоспециальных заведениях потому именно, что товарищи других специальностей влияют на все развитие слушателей едва ли меньше, чем профессора» (Там же). И далее, вспоминая свои студенческие годы, он особо выделяет то, что жил рядом не только с математиками, с которыми вместе слушал общие науки на первых двух курсах, но и с филологами, историками, экономистами – студентами других факультетов. «И я никогда не забуду тех столкновений во

мнениях, которые у нас часто бывали и немало послужили к общей полировке всех нас, – подчеркивает он и заключает: – На основании сказанного и имея в виду необходимость множества специальностей и громадное их развитие, я полагаю, что наилучшие плоды от высших учебных заведений получатся лишь тогда, когда в каждом из них будет много разнородных специальностей, или факультетов» (Менделеев 1995: 258). Прошло уже более ста лет с тех пор, как были сказаны эти слова, но актуальность их в свете глобальных процессов и формулируемых сегодня задач не только возрастает, но и становится первостепенной.

– *Гуманитарная составляющая в университетском образовании не вызывает сомнения, но что могло бы способствовать ее развитию и усилению?*

– Гуманитарное образование по сути своей, равно как и гуманитарное знание в целом, не может быть ориентировано на получение непосредственной прибыли, как не может их польза оцениваться утилитарно, например в денежном выражении, измеряться материальной выгодой или иной конкретно фиксируемой отдачей. Гуманитарная сфера по сути своей дотационна и потому не в состоянии эффективно развиваться без должной поддержки со стороны государства, бизнес-структур и иных форм внешней поддержки. Это особенно важно подчеркнуть, так как сегодня ставится задача усиления инновационной и проектной деятельности нашего общества с участием гуманитарного знания, реальная значимость и несомненная польза которого в этом деле далеко не всегда и не для всех очевидна. Реальное же положение дел в нашей стране сегодня таково, что требуется кратное увеличение государственной поддержки в развитии материально-технической базы российских вузов, примером чему могут служить не только западные, но и китайские, японские, корейские университеты.

– *А как, на Ваш взгляд, обстоит дело с педагогическими кадрами в наших вузах?*

– Любой педагог, будь то учитель в школе или вузовский преподаватель, в том числе и даже в первую очередь гуманитарных дисциплин, должен быть поставлен на такой уровень достатка, престижа и уважения в обществе, чтобы он уже собственным примером, своим образом жизни служил эталоном духовности, высокой нравственности и благополучия. Мы должны изменить ситуацию так, чтобы на эту сферу деятельности уже со школьной скамьи ориентировались лучшие из лучших. Только так мы сможем тщательно отбирать и на высоком профессиональном уровне готовить педагогические кадры, которые должны иметь все условия для эффективной работы (достойное жилье, хорошо оснащенные аудитории, библиотеки и т. п.). Также следует значительно усилить возможности университетов поддерживать своих преподавателей в их творческом росте, поощряя новационные исследования и написание работ мирового уровня. Широкие творческие связи, участие во всероссийских и международных научных мероприятиях, зарубежные стажировки, чтение лекций в других университетах и т. п. должны стать нормой для значительного числа лучших преподавателей гуманитарного профиля. Следовало бы также особое внимание уделить и привлечению к преподавательской и научной работе ведущих зарубежных ученых-гуманитариев. Отмеченные направления деятельности должны обеспечиваться в первую очередь за счет средств университетов и различных форм грантовой поддержки.

– Вы считаете, что помимо вузов творческим ростом педагогических кадров должны заниматься и другие структуры?

– Конечно, и более того, должна быть создана разветвленная система государственной и негосударственной поддержки науки и образования. В этой связи необходимо отметить, что Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), являясь, по существу, единственной в стране организацией, созданной специально для поддержки гуманитарной науки и образования, явно не справляется и тем более не справится в будущем с такой масштабной и многоплановой задачей. Необходимо создать несколько подобных фондов, а также культивировать иные формы поддержки гуманитариев, причем различного масштаба и ведомственной принадлежности. На государственном, региональном и местном уровнях должны быть выработаны и как можно скорее проведены в жизнь такие решения, которые бы не только ориентировали государственные структуры, но и стимулировали бизнес оказывать поддержку университетам и различным фондам в их усилиях развивать гуманитарное образование.

– Видите ли Вы еще какие-то возможности для развития интеллектуального капитала и экономического роста?

– В целях стимулирования творческой активности следовало бы регулярно проводить всероссийские, региональные и университетские конкурсы в области гуманитарного знания, предусматривая при этом призы и премии за лучшие работы.

Представляется целесообразным ориентировать университеты на учреждение и публикацию высокопрофессиональных периодических изданий (журналов, ежегодников, газет), в том числе и гуманитарной направленности.

В решении поставленных задач следовало бы также всемерно способствовать развитию научных организаций, творческих союзов гуманитарного профиля, поощряя их научно-организационную, исследовательскую и просветительскую деятельность.

Это далеко не все, но достаточно важно с точки зрения приумножения интеллектуального капитала, без чего не только инновационное развитие, но и преодоление финансово-экономического кризиса невозможно.

Литература

- Кузнецов, Б. Г. 1980. *Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие*. 5-е изд. М.: Наука.
Менделеев, Д. И. 1995. *Заветные мысли*. М.: Мысль.

БУДУЩЕЕ НЕПРЕДСКАЗУЕМО, НО ПРЕДВИДИМО

Интервью с известным футурологом, доктором исторических наук, профессором И. В. Бестужевым-Ладой.

Профессор А. Н. Чумаков: *Вы, Игорь Васильевич, были и остаетесь главным футурологом нашей страны. Также Вы хорошо известны своими исследованиями по актуальным проблемам современного мира и нашей страны в частности. В этой связи хотелось бы поговорить с Вами как об общих вопросах мирового развития, так и о России, ее настоящем и будущем. Читателям нашего журнала будет интересно узнать и Ваше понимание современной глобализации, по поводу которой имеется много разногласий, споров, дискуссий. Действительно ли глобализация ведет к унификации человечества, к стиранию национальных границ и уничтожению культурного разнообразия, как это можно нередко слышать?*

Профессор И. В. Бестужев-Лада: Только очень наивный инопланетянин мог бы подумать о землянах как о единой цивилизации. На самом деле он обнаружил бы по меньшей мере девять цивилизаций, в которых есть своя структура. Какие это цивилизации?

1) Северная Америка (США и Канада, различия между ними минимальные). Сюда же можно приплюсовать Австралию и Новую Зеландию.

2) Западная Европа. Здесь уже больше различий между странами, но все же меньше, чем к востоку и западу от нее.

3) Восточная Европа (к востоку от Германии и до Евразии). Этот мир особенно разнообразен, но все же различий тут меньше, чем к востоку и западу от него.

4) Евразийская цивилизация (Россия, Украина, Белоруссия). Отличается своеобразием социальной психологии народов, образом жизни в труде, быте, досуге. Здесь сложилась особая алкогольная цивилизация с вековыми питейными традициями, невиданными ни на Западе, ни на Востоке. И особая, неслыханная нигде ругань. Невиданная нигде смесь самоотверженности и скандальности, западной культуры и восточного быта. Словом, Азия, но в европейском обличье.

5) Исламский мир – от Марокко до Индонезии.

6) Мир, где господствует дух конфуцианства (Китай, Япония, Корея и др.).

7) Индия и Индокитай.

8) Африка к югу от Сахары.

9) Латинская Америка.

Это членение, так сказать, по горизонтали. Наряду с ним существует еще членение каждого сообщества людей – от семьи или компании, а также любой банды до страны или государства – «по вертикали». Здесь выделяются целых пять страт или, по-другому, классов: высший, выше-средний, средний, низше-средний и низший. В семье это глава (не обязательно муж), его или ее супруг, любимый ребенок, нелюбимый ребенок, приживалка мужского или женского пола – сегодня

чаще всего впавший в нищету родитель жены или мужа. В компании (или в банде) это вожак (в банде – пахан), его дружки («шестерки»), уважаемые члены компании («мужики» обоих полов), менее или вовсе не уважаемые («козлы»), наконец, презируемые и гонимые («опущенные»). В любом учреждении, организации, на любом предприятии это шеф, его приближенные, уважаемые члены, неуважаемые члены, изгои. В любой стране это правящие круги, верхушка деятелей науки и культуры, а главное – мультимиллионеры и миллиардеры (у нас – «новые русские»), богатые, середняки, бедняки и нищие. Разница только в пропорциях.

Так, в Швеции высший класс составляет 1 % населения, высше-средний – 4 %, средний – 90 % (здесь самые богатые лишь в 2–3 раза богаче самых бедных – не сравнить с нашими разрывами на порядок и больше), низше-средний – 4 %, низший – 1 % (обычно это семьи иммигрантов, потерявшие кормильца, тяжелобольные без страховки, наркоманы и т. п.).

В России – 1,5 % населения сверхбогатых, из них «лишние» 0,5 % – за счет ограбления собственного народа. Около 10 % богатых с доходом намного выше среднего. Средний класс – более 10 %. В совокупности это примерно 20 %; в Москве, где «крутятся» более 80 % нефтегазовых долларов, – даже более 30 %. Это те, кто имеют хорошие квартиры, дачи, иномарки (в высшем классе бронированные, с шофером и охраной), ездят за границу, питаются в кафе-ресторанах или дома на том же уровне, одеваются в бутиках и т. д. На эти 20–30 % рассчитаны телереклама и многое другое. Почти 80 % населения России (две трети в Москве) – бедняки. У них жалкие квартиры или избы, скудная еда, дешевая одежда. Туризм – только за город на электричке, причем каждый пятый без билета. Хуже них живут только нищие, которых при Ельцине было до трети населения, а при Путине и Медведеве, говорят, эта пропорция сократилась чуть ли не вдвое. Нищие выживают только за счет своих «шести соток», разных домашних заготовок, случайных приработков и повального воровства. Кстати, не надо путать эту категорию с побирушками в метро и на улицах. Иных из них впрямую отнести к богачам.

Такова социальная структура России. В первые годы начавшегося века казалось, что Россия переживает второй нэп, вторую «передышку» в своей более чем тысячелетней истории, временами героической, но в общем и целом скорее трагической. Позднее выяснилось, что это не просто «передышка», а совершенно новая Россия, отличающаяся от ельцинской не менее серьезно, нежели та – от советской. Во-первых, на смену почти поголовно осрамившимся ельцинским политикам пришли всего двое («правлящий тандем»), которые почти десять лет успешно проводят внутреннюю и внешнюю политику. Остальные сделали просто служащими нашей госкорпорации. Во-вторых, изменилось информационное поле. Отошли на задний план газеты, журналы, книги, радио. По сути, средствами массовой информации (СМИ) остались только телевизор и Интернет. В-третьих, и это главное, началась стабилизация вконец разваленного Ельциным государства.

– Вы, насколько я понимаю, высоко оцениваете роль В. В. Путина и Д. А. Медведева в качестве современных лидеров России. В чем новизна и положительные стороны их политики?

– Новизна в том, что положен конец почти десятилетнему разгулу олигархов, разграбивших и разваливавших страну. Хотя почти все олигархи никуда не делись. Они прочно опираются на 20–30 % богатых и середняков. Поэтому Путин начал свое правление с заявления, что не допустит никакой «реприватизации».

Это грозило бы новым 1917-м и затем столь же неизбежно новым 1937-м г. Но ведь не секрет, что развитие СССР было однобоким. До девяноста копеек с каждого рубля уходило на гонку вооружений и на поддержание «мировой социалистической системы», включая все союзные республики, кроме РСФСР. В 1991 г. Третья мировая война («холодная») закончилась нашим поражением, и экономика оказалась подорванной. Ее начал восстанавливать только Путин.

Теперь о положительных чертах. Во внешней политике – это «замирение» с США, Польшей и Украиной, личные дружеские отношения со многими главами государств и правительств Европы, Азии и Латинской Америки. Напомним для контраста, что при посадке в Ирландии, где российскую делегацию встречали первые лица государства, мертвецки пьяный Ельцин не смог выйти из самолета. Напомним также, что к концу правления Ельцина возобновились рецидивы холодной войны с США и рядом европейских стран. Во внутренней политике – это «замирение» Северного Кавказа (хотя ситуация там еще далека от благополучной). И уже упомянутое восстановление экономики, причем правительство вплотную подошло к решению кричащих социальных проблем, начиная со здравоохранения и экологии.

– Разве за время пребывания у власти нынешнего руководства диспропорция между богатыми и бедными уменьшилась или имеет тенденцию выравнивания?

– Я уже говорил о существенном уменьшении числа формально или фактически нищих (формально – это те, кто официально живет за чертой бедности, но доходы от «теневой экономики» позволяют не только более или менее сносно питаться и одеваться, но даже ежедневно пьянствовать и держать хотя бы самую дешевую из подержанных автомашин). Но главное – бедность и нищета в первом десятилетии XXI в. приобрели иное качество, нежели десятилетием раньше. Нет прежней безысходности, нет месяцев и даже лет без зарплаты. Думаю, что и число бедняков должно начать сокращаться.

– Сегодня много говорится о модернизации страны. Насколько оправданы такие ожидания и как Вы оцениваете перспективу этого пути развития?

– То, что модернизация началась, видно невооруженным глазом. Но последние научно-технические прогнозы – и отечественные, и зарубежные – показывают, что человечеству осталось всего несколько лет привычного существования. Футурологи разглядели целых четыре будущих поколения компьютера, мобильного и Интернета. И все в интервале от пяти – десяти до двадцати – тридцати ближайших лет.

Первое поколение – это когда появится полноценный портативный компьютер с раздвижным экраном на запястье или в надвигающемся на глаза шлеме. Разработки в данном направлении идут очень интенсивно. Как только это произойдет, виртуальный мир сравняется с реальным. Можно (и даже, наверное, должно) будет ехать куда-то за информацией. Ведь потребность в личном общении никуда не денется. А можно получить всю необходимую информацию, не вставая со своего домашнего кресла. Это будет еще одна революция, покруче всех прошедших. Совершенно иной мир.

Второй шаг – «вторжение» портативного компьютера в сферу медицины. По сути, получается персональная клиника и больница на дому, хотя врачи, конечно,

никуда не денутся. Компьютер сможет помочь врачу быстрее сделать анализ, поставить диагноз и дать прогноз – рекомендации для скорейшего выздоровления пациента. Должен огорчить курильщиков, пьяниц и наркоманов. Умная машина не потерпит, чтобы 85 % первых умирали до 60 лет, 85 % вторых – до 50-ти, а 85 % третьих – до 30 лет. Стало быть, их ждет автоматическое «завязывание» под страхом мучительной «ломки».

Третий шаг: компьютерные программы смогут помочь внести желательные коррективы в развитие физиологии и психологии ребенка. Скажем, смогут вывести его на желательные параметры роста, веса, фигуры или сделать будущего хилого неврастеника-меланхолика жизнерадостным здоровяком-сангвиником.

Наконец, четвертый шаг – появление кибернетических организмов, киборгов, способных успешно осваивать морские глубины, высокогорья и космос, что для человека очень затруднительно.

И все это, повторяем, в диапазоне от пяти – десяти до двадцати – тридцати ближайших лет. Как видим, человеку недолго оставаться в привычном ему мире.

– Значит ли это, что грядущие социальные изменения будут обусловлены техническими достижениями, или дело останется все-таки за человеком, его сущностью? Сегодня, например, нередко можно слышать, что у нас нет развитой демократии, как нет и сформировавшегося гражданского общества. Как Вы относитесь к таким категориям вообще и применительно к России в частности?

– Это сегодня главный ориентир, в направлении которого мы развиваемся. На Западе сегодня есть и развитая демократия, и гражданское общество. Но это не избавляет людей от социальных проблем. Только проблемы там иные, менее прискорбные, чем у нас. Когда я был в Германии в гостях у одного бургомистра, то спросил его о том, как обстоят дела с «теневой экономикой» вообще и со взятками в особенности. Он ответил, что боится даже думать об этом – тем более что живет, мягко говоря, припеваючи. Малейшее подозрение – и он наверняка лишится поста, вынужден будет просто бежать из города. Думаю, он несколько приукрашивал действительность. Наверняка какие-то элементы «теневой экономики», включая взятки, имеются повсюду. Но не сравнить же с нашей прямо-таки тотальностью в данном отношении. Есть у нас и демократия, и гражданское общество. Только евразийские. Как галстук на армяке-кольчуге.

– Давайте поговорим теперь о современной глобализации. Какова Ваша оценка этого явления, чего здесь больше – позитивного или негативного?

– Если раньше было множество субцивилизаций внутри каждой из перечисленных выше девяти мировых цивилизаций, то теперь эти различия сходят на нет. Например, мой прадед из северной Пензенщины с его местным диалектом не мог понять москвича или помора, как древние поляне не могли понять древлян. Да и нравы, обычаи, традиции были у них разные. Как в труде, так и в быту, тем более на досуге. Сегодня вся Россия говорит на московском диалекте с его «аканьем». Этому учат и телевизор, и школа. Кроме того, практически во всех странах мира, включая Россию, население стремительно американизируется. Мы едим, одеваемся, смотрим телевизор, как в США. По крайней мере в «верхних» strataх. Добавьте к этому экономику, финансы, транспорт, культуру. Все это сплетено в мировой комплекс. Это и есть глобализация. Так обстоит дело практически в каждой стране.

– Глобализация – это объективный процесс, по Вашему мнению, или он инициирован кем-то?

– Да, это объективный процесс. Никакими приказами и указами его не остановить. Можно только затормозить или ускорить.

– Можно ли, на Ваш взгляд, готовить специалистов по глобалистике?

– Почему нет? Если есть специалисты по комплексным исследованиям семьи, мира во всем мире или будущего, то почему бы не быть таким же специалистам по глобалистике? И даже по находящейся в зачаточном состоянии альтернативистике – комплексным проблемам становления цивилизации, – альтернативной существующим и способной в отличие от них успешно справиться с глобальными проблемами современности. Я знаю только одну книгу на эту тему на русском языке, да и та моя. Правда, вышедшая двумя изданиями – в 1998 и 2002 гг. И, если верить Интернету, давно полностью распроданная.

– Как бы Вы определили важнейшие глобальные проблемы современности?

– Я их определил в 1984 г. в монографии «Поисковое социальное прогнозирование», которая была отмечена Золотой медалью ВДНХ. Их всего десятка полтора. Раньше на первом плане была гонка вооружений СССР – США. Сегодня это демография – выморочность западных и евразийской цивилизаций, чисто инерционный рост населения на Юге и Востоке с нарастанием числа безработных. И экология – превращение земной поверхности в опасную для жизни помойку, требующую под страхом гибели возможно более скорого создания Армии Спасения Природы для новой мировой войны – на сей раз не против Природы, а за нее, в союзе с ней. С ними соперничает по опасности проблема международного терроризма, сменившая гонку вооружений. Далее следуют упоминавшиеся выше проблемы нарастающего разрыва между «богатым Севером» и «бедным Югом»: продовольственная, энергетическая, сырьевая, градостроительства, науки, образования и культуры, наркотическая, криминологическая и др. К ним часто присовокупляют Мировой океан и космос.

– А что Вы думаете об антиглобалистах и их протестных акциях?

– Они, по сути, являются современными луддитами, которые в свое время пытались ломать машины, чтобы сохранить рабочие места. Это, по сути, крик отчаяния, ностальгия по прошлому. Они не способны изменить мир, как мы не в состоянии возродить прежнюю семью.

– Ваша оценка современного финансового кризиса?

– Это периодическая зыбь на волнах мирового океана, очень тревожная и многих очень огорчающая. Но сущие пустяки по сравнению с глобальными проблемами современности, начиная с демографии и экологии и заканчивая войной и преступностью.

– Какие шансы на будущее у капитализма?

– Мы уже говорили о неизбежности близкого перехода человечества в качественно новое состояние. Какое может быть будущее у капитализма или социализма, фашизма или любого другого тоталитаризма, если через несколько лет любой террорист с помощью своего мобильного, компьютера и Интернета сможет отправить на тот свет не десятки, а тысячи, может быть, даже миллионы людей? Поэтому нужен такой режим, который поможет выявить и обезвредить террориста еще до того, как он начнет готовиться к теракту. Для этого необходимы совершенно

иные силовые структуры, юстиция, социальная психология общества. Совершенно иной «изм».

– *Каково будущее у национальных государств?*

– Ответ дает Западная Европа. Здесь национальные государства остались на уровне прошлого века, так как покушение на них сильно задело бы патриотизм, культуру и социальную психологию людей. Остались даже короли, князья и великие герцоги. Нет речи ни о федерации, ни даже о конфедерации. Тем не менее Западная Европа сегодня едина и в финансово-экономическом, и в военно-политическом отношении. Хорошо бы, если бы Восточная Европа взяла с нее пример.

– *Как Вы считаете, является ли мир целостной системой с точки зрения экономики, политики, социальной сферы?*

– Да, его можно рассматривать как систему. Но обязательно с учетом сложности составляющих ее подсистем.

– *Возможно ли мировое правительство, и если да, то как?*

– Мировое правительство давно существует. Это США или, точнее, НАТО. Но подобно тому, как в каждом государстве полно людей, не желающих иметь никаких дел со своим правительством, точно так же в мире полно стран, не признающих авторитета ни НАТО, ни ООН. Теоретически это мировое правительство должно быть ооновским, под страхом повторения судьбы покойной Лиги Наций. Но практически для этого необходима атмосфера доверия, которая начинает создаваться только в последние годы. Надо думать, что жизнь заставит ускорить этот процесс. Под страхом смерти.

– *Какое, по Вашему мнению, будущее у ООН?*

– Это зависит от уровня понимания складывающейся ситуации. Пока что мы имеем дело с псевдогуманизмом умирающей западной цивилизации, которая заботится только о том, как обеспечить права преступника и его тюремный комфорт. А на этот мир все более агрессивно нападают цивилизации Востока и Юга, где еще столетие-другое продолжится рост населения и где каждый третий – намного более миллиарда! – безработный. Мне приходилось писать и о Третьей мировой войне – «холодной», и о Четвертой мировой войне, начавшейся в 1948 г. в Палестине, перекинувшейся затем в Ливан и на Балканы, а сегодня тлеющей на Северном Кавказе и в виде действий сомалийских пиратов. То, о чем говорилось выше, выдвигает императив: либо ООН в ближайшем будущем превращается в геоправительство со своими финансово-экономическими и военно-политическими структурами, либо оно будет подменено соглашениями отдельных государств по совместной борьбе с международным терроризмом.

– *С конца 1960-х гг., когда нахлынули экологические проблемы, снова обратились к идее ноосферы, выдвинутой еще в конце 20-х гг. XX в. французскими философами Э. Леруа и П. Тейяром де Шарденом, а затем развитой на естественно-научной основе В. И. Вернадским. Конструктивна ли эта идея с позиции современной ситуации?*

– Вообще-то вполне конструктивна. Но, в частности, нельзя забывать о том, что из почти семи миллиардов землян более шести миллиардов ведут муравьиный образ жизни, с ноосферой никак не связанный. Спят, просыпаются, работают не головой, а руками, едят, смотрят телевизор или болтают. Человек Разумный – это ведь только хвастливое самоназвание.

– Как Вы относитесь к идее устойчивого развития? Реалистична и жизнеспособна ли она?

– Теоретически вполне реалистична, жизнеспособна. Мало того, императивна под страхом мировой катастрофы. Но она была выдвинута в 70-х гг. прошлого века, почти 40 лет назад. С тех пор для ее претворения в жизнь не сделано ровно ничего, кроме пустых словопрений. В сегодняшнем мире не до нее. Умы заняты экономическим кризисом и международным терроризмом.

– А что Вы скажете о решениях двух конференций ООН по устойчивому развитию (в Рио-де-Жанейро, 1992 г., и в Йоханнесбурге, 2002 г.)? А теперь вот готовится и третья конференция по данной проблеме.

– Это сегодня почти единственный колокол тревоги. Правда, скорее колокольчик, который люди и их правительства не слышат. Жизнь идет своим чередом, так, как будто нет никаких глобальных проблем современности. Между тем мировое народонаселение всего за полвека вдруг подскочило с немногим более двух миллиардов почти до семи. Это – как внезапный огромный нарыв: ведь в оптимуме, по разным оценкам экспертов, должно быть всего от двухсот-трехсот до семисот-девятист миллионов человек. Только такую нагрузку способна долго выдерживать земная поверхность. Представляете, что было бы, если бы на суше резвились семь миллиардов слонов, а в океане – семь миллиардов китов? Да мы и идем к указанному оптимуму поколение за поколением в западных и евразийской цивилизациях, к которым неизбежно присоединятся в будущем остальные.

– Вы полагаете, Римский клуб уже исчерпал себя или у него еще есть потенциал и будущее? То же хотелось бы знать и о Пагуошском движении. Сохраняются ли эти и подобные им организации в будущем?

– Бум прогнозов начался на Западе в конце 50-х – начале 60-х гг. прошлого века, а в СССР – всего пятилетием позже. И закончился повсюду синхронно в 90-х гг. Людям надоело без конца слушать про ужасы будущего («бурчит с экрана футуролог злобный», как правильно пел много лет назад остроумно-едкий бард Тимур Шаов). И про несбыточные утопии. Сегодня футурологические конференции и конгрессы мало кого волнуют. Основное информационное поле переместилось в Интернет и растворилось там без следа. Так что если кое-где кое-что сохранилось, то это уже далеко не то, что было в классической прогностике 1952–1982 гг.

– Есть еще темы, по которым Ваше мнение как академика Российской академии образования было бы крайне интересным. В частности, каково Ваше понимание роли гуманитарного знания в становлении современной России?

– Без гуманитарных знаний любой деятель науки или культуры, вообще любой человек – просто бесчеловечный монстр. Только я бы не ставил за гуманитарные дисциплины позорные двойки с неизбежной поркой дома, а приобщал бы к ним с первого класса в школе, даже еще в детсаде, до последнего курса в вузе и даже в аспирантуре (где правильно был когда-то обанкротившийся ныне «научный коммунизм»), только, как говорится, «на интерес».

– Не могли бы Вы уточнить свою позицию в отношении современной школы?

– Я бы восстановил предметы дореволюционной гимназии, только без «мертвых» латинского и греческого. И решительно упразднил бы все идиотские нововведения советской школы.

– С высоты прожитых лет как видится Вам религия, в частности православие?

– Человек может называться Человеком Разумным, только если он хоть как-то приобщен ко всем семи существующим формам общественного сознания: к философии (размышление), науке (знание), искусству (чувство прекрасного), морали (кто порядочен, а кто – нет), праву (законопослушность), политике (кому и за что подчиняться), религии (вера). С оговоркой, что атеизм – тоже своего рода религия. Точнее, антирелигия. Ведь кричать «а бога нет» мог своекорыстно только Остап Бендер. Я, как и все мои дружки в детсаде и школе, начал свою жизнь фанатиком-сталинистом на уровне талиба. А окончил принадлежащим к русской православной церкви. В норме человек должен исповедовать религию своего народа и своей семьи. Включая атеистов.

– В свете дискуссии об отделении церкви от государства звучит немало критики в адрес церкви со стороны ученых. Как Вы к этому относитесь?

– В СССР не было абстрактных ученых. Были талибы, в разной степени оболваненные ленинизмом-сталинизмом. Но попадались, конечно, и настоящие ученые, например православный академик Павлов. И были утописты, норовившие соединить красное с высоким, веру и знание. То есть принципиально не сочетаемое.

Вся остальная тематика, затронутая выше, выложена И. В. Бестужевым-Ладой на своем личном сайте в Интернете в полуторалистовой статье под привлекающим, на взгляд автора, заглавием: «Близкая гибель русских. И не только их».

Записал доктор философских наук А. Г. Пырин

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОБЫТИЯ 9/11

Т. Рокмор

Эта статья посвящена основному социальному противоречию, возникшему вследствие глубокого, часто игнорируемого конфликта между капитализмом – главным двигателем основной части мира, которую можно представить таким экономическим болваном, – и влиятельной формой ислама, которую я буду называть «исламским фундаментализмом», используя протестантский термин «религиозный фундаментализм». Я полагаю, что это противоречие, в значительной степени обусловленное беспрепятственной экспансией все более и более глобализирующейся капиталистической экономики, и лежит в основе трагедии 9/11.

Ключевые слова: глобализация, 9/11, капитализм, фундаментализм, противоречие.

Данная статья будет построена следующим образом. Вначале – обзор теорий о событиях 11 сентября, связанных с именами Джорджа У. Буша, Самюэля Хантингтона и Бернарда Льюиса. Я приведу аргументы против трактовки 11 сентября с религиозной или культурной точки зрения, обращая внимание на экономическую составляющую проблемы. Далее я докажу, что трагедию 11 сентября лучше всего рассматривать как социальное противоречие между капитализмом и исламским фундаментализмом. И затем я выдвину предположение о том, что это социальное противоречие указывает на важный предел, достигнутый капитализмом.

Религиозный подход Буша к событиям 9/11

Под «событиями 9/11» я понимаю террористические атаки, совершенные исламскими фундаменталистами (в основном, выходцами из Саудовской Аравии) в Соединенных Штатах 11 сентября 2001 г. Нет сомнений, что эта атака была осуществлена именно исламскими фундаменталистами преимущественно из Саудовской Аравии. Проблема в том, как объяснить эту продолжающуюся череду событий.

Столько усилий было положено на противостояние угрозе 9/11, что на удивление мало внимания уделено осмыслению ее причин. Сегодня существуют три основные теории. Эти теории связаны с именами Джорджа У. Буша, Самюэля Хантингтона и Бернарда Льюиса. Буш занимал пост президента США в момент атак. Все его президентство поднялось на новый уровень вследствие деятельности, связанной с устранением последствий этой трагедии. Хантингтон был в то время

доктором политических наук, и его взгляды зависели от мнения профессора Льюиса, который специализировался на истории Ближнего Востока.

Говоря о Джордже У. Буше, я имею в виду не только те взгляды, которых он мог придерживаться или не придерживаться лично и выражать публично, но и убеждения тех, кто вместе с ним разрабатывал, совершенствовал и отстаивал основанную на религиозном подходе политику, так часто характеризовавшую его администрацию. Тремя источниками его политики были: христианский фундаментализм (противопоставление одного религиозного фундаментализма другому); идея об американской исключительности; очевидная связь с неоконсерватизмом как она сформулирована в PНАС (Национальный консультативный комитет при президенте), который находился под огромным влиянием его ближайшего советника вице-президента Дика Чейни.

Буш, строго следующий догмам своей ветви христианства, является так называемым возрожденным христианином. Термин «возрожденный» часто используется в евангелическом, фундаменталистском, пятидесятническом и некоторых других формах протестантизма. Согласно Иисусу, эти возрожденные будут спасены. «Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Евангелие от Иоанна 3:3).

Буш – представитель распространенной в Америке формы религии. Исследования показывают, что протестанты составляют 40 % американского населения. Буш, который раньше, по-видимому, был алкоголиком, является строгим приверженцем своей ветви христианской веры. Эта ветвь и родственные ей формы протестантизма иногда называют фундаменталистскими. Протестантский фундаментализм, защищающий религиозную ортодоксальность, возник в США как результат спора фундаменталистов и модернистов в начале XX в. Часто отмечается, что протестантский фундаментализм, имеющий параллели и в других религиях, можно рассматривать как попытку предотвратить поглощение религии все более секуляризирующейся культурой или помешать ему.

Протестантский фундаментализм тесно связан с особым мировоззрением. Протестанты, подобные Бушу, часто склонны к библейскому буквализму и разделяют идею о библейской непогрешимости или библейском совершенстве. Они стараются читать Библию дословно, полагая, что Библия ниспослана Святым Духом и без преувеличения является истиной. Они верят в непорочное зачатие Христа. Верят, что смерть Христа была искуплением грехов человечества и что Христос возродился телесно. Часто они допускают, что чудеса Христа были реальными.

Протестантский фундаментализм ощутимо влияет на американскую политику. Возможность мобилизовать голоса фундаменталистов – главная причина, почему Буш дважды избирался президентом США. Протестантский фундаментализм напоминает манихейство с его дуалистическим видением добра и зла, их и нас.

На протяжении долгих лет своего президентства после событий 9/11 Буш в ответ на исламскую угрозу обращался к этой дуалистической идее. Религиозный подход Буша к проблеме 9/11 уходит корнями в идею об американской исключительности. Согласно этим представлениям, Америка воплощает волю Господа на земле. И будучи гражданами государства, которое является, так сказать, единственным законным представителем Бога на земле, американцы следуют «божьему промыслу», что выражается в американской политике, направленной на пресече-

ние зла, совершаемого врагами. Эта уверенность в воображаемой божественной миссии Соединенных Штатов облегчает представителям страны на политической арене участие в действиях, казалось бы, противоречащих этим представлениям о самих себе, таких как фактическое истребление американских индейцев, чьи выжившие потомки живут в резервациях, вступление в длинную череду войн в условиях угрозы со стороны крупных и мелких противников, включая Панаму и Гренаду, применение пыток к заключенным и т. д.

Также в США существует и неоконсервативное мировоззрение, согласно которому период, начавшийся после окончания холодной войны, не менее, и даже более, опасен для так называемого американского образа жизни. Эта идея, прописанная в документе под названием «Проект Нового Американского Века» задолго до того, как Буш стал президентом, призывает США размещать базы во всех частях мира для упреждающих военных действий не при наличии явно существующей угрозы, а скорее при возможности возникновения таковой. Сходство этой политической доктрины с идеями Карла Шмитта о делении мира на друзей и врагов в полной мере проявилось при определении так называемой «оси зла» и коалиции союзников – последняя была собрана с помощью подкупа и принуждения ряда стран вступить в войну в Ираке, которая явно не входила в сферу их интересов.

Хантингтон о столкновениях будущего

Совершенно иной анализ предложен Хантингтоном, уже в 1990-х гг. он нарисовал картину будущих войн, которые будут начинаться не из-за экономических или политических причин, а вследствие того, что он называет различиями между культурами или «цивилизациями»; позднее он использует это при осмыслении событий 9/11.

Теория Хантингтона возникла в начале 1990-х гг. после распада Советского Союза и объявленного капиталистами «поражения» международного коммунизма. Для того, чтобы понять позицию Хантингтона, полезно взглянуть на нее как на возможный ответ тем идеям, что привлекали внимание в то время, в частности убеждениям Фрэнсиса Фукуямы. Это был период, когда Фукуяма, вдохновленный консерватизмом Рейгана, но в то же время выступавший против неоконсерватизма, с уверенностью заявлял о конце истории.

Хантингтон доказывает несостоятельность идеи Фукуямы с помощью подхода, основанного на политике идентичности и концепции национального государства. При разработке теории Хантингтона интересовал не конкретный ход исторических событий, а скорее основные источники конфликтов, существующих на настоящий исторический момент. В своей концепции он пересматривает идею о современном национальном государстве как о главном источнике исторических событий.

Согласно Хантингтону, мы находимся на новой стадии развития мировой политики. В теории о «конце истории, возвращении традиционного соперничества между национальными государствами и упадке национального государства» упущен ключевой момент, сформулированный Хантингтоном в форме предположения, что «главный источник конфликтов в этом новом мире не будет преимущественно идеологическим или преимущественно экономическим» (Huntington 2004: 37). Его основное утверждение состоит в том, что «главные барьеры между людьми

и доминирующие источники конфликтов будут определяться культурой. Национальные государства останутся наиболее влиятельными действующими субъектами в международных делах, но основные конфликты в международной политике будут возникать между государствами или их группами, относящимися к различным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет линией фронта в будущем» (Huntington 2004: 36). Другими словами, роль причины, ранее принадлежавшая национальным государствам, перейдет к цивилизациям, или, как он их еще называет, культурам.

Было бы ошибочным не учитывать экономику в конфликтах между национальными государствами или даже «цивилизациями», также как и сводить к этим факторам любые или все международные конфликты. Предположение Хантингтона о том, что экономика сейчас играет не столь важную роль, чем раньше, можно интерпретировать в двух направлениях. Либо экономика по каким-то причинам стала менее значимой в международных конфликтах, чем была когда-то, либо одновременно появились более важные факторы. Однако нет свидетельств того, что роль экономики в международных конфликтах уменьшилась, особенно в те пятьдесят лет, что прошли с момента окончания Второй мировой войны, которыми Хантингтон особенно интересуется.

В появившейся позднее книге Хантингтон добавляет, что, поскольку «столкновение цивилизаций является величайшей угрозой всеобщему миру... международный порядок, основанный на цивилизациях, – самая надежная гарантия от мировой войны» (*Idem* 1996: 13). Термин «преобразование», который фигурирует в названии его книги «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка», можно понимать в двух аспектах: как обращение к историческим изменениям мирового порядка или даже как призыв (к нам) изменить его, что до известной степени перекликается с неоконсервативной идеей о господствующей империи. В принципе, это в некотором смысле совпадает с излюбленной политикой администрации Буша – так называемой сменой режима.

Предположение Хантингтона о том, что события 9/11 свидетельствуют не столько о столкновении цивилизаций (и/или культур), сколько о трудностях, вызванных исламской политикой и условиями жизни в исламском мире, противоречит его же «официальному» постулату, что международный конфликт на настоящий момент можно наилучшим образом объяснить в рамках гипотезы столкновения цивилизаций, с идеологией и экономикой в качестве объясняющих факторов. Если проблема 9/11 вызвана и может быть исправлена путем изменения исламской политики и условий жизни, тогда столкновение цивилизаций есть не более чем результат других, более глубоких причин. Культурная модель Хантингтона, которая задумывалась как альтернатива другим моделям международных отношений, неприменима напрямую или даже косвенно к анализу событий 9/11 или какого-либо международного конфликта. Поскольку различия между цивилизациями, которые Хантингтон считает первостепенными, сами по себе вызваны другими, более глубинными факторами, некорректно приписывать этому фактору роль первоначальной причины международных конфликтов.

Историческое объяснение событий 9/11 Льюиса

Это лишь маленький шаг от хантингтоновской «официальной» теории, что события 9/11 объясняются столкновением цивилизаций, дальше к идее, что они

объясняются столкновением религий. Это утверждение создано специально для трактовки событий 9/11 уже после того, как они произошли. Согласно этому тезису 11 сентября можно рассматривать как столкновение двух религий: ислама, плохо приспособленного к современному миру, и христианства, идущего в ногу со временем.

Это предположение – вариация хорошо известного тезиса Макса Вебера о том, что религия, в частности христианство, чрезвычайно важна для развития капитализма. Относительно событий 9/11 тезис Вебера можно переформулировать как общее утверждение, что различные формы религии полезны или, наоборот, губительны для будущего демократического образа жизни.

Анализ событий 9/11 с точки зрения религии существует как в народных, так и в научных кругах. Ненаучная, «бытовая» версия принимает форму дуалистического анализа, упомянутого выше, который противопоставляет добро и зло, нашу религию и их, один фундаментализм другому. Применительно к случаю 9/11 утверждается, что христианство крепко связано с демократией (и свободой), которой фундаменталистский ислам, напротив, сопротивляется.

Льюис объясняет нынешние события с точки зрения роли религиозных аспектов современной жизни. Это отличается от широко распространенной тенденции давать религиозное объяснение как религиозным, так и светским явлениям. Религиозный подход к познанию является основным и общепринятым во всех трех главных авраамических религиях, когда нужно объяснить с божественной точки зрения события человеческой истории и, наконец, историю саму по себе. Эта религиозная уверенность в том, что Бог есть первичный и, в конечном счете, единственный причинный фактор, всегда оставалась неизменной.

Льюис изложил свои взгляды в двух работах, опубликованных примерно в это же время. В своей первой книге, которая была закончена до 11 сентября, он исследовал уже знакомую тему «Что не так? Столкновение ислама и современности на Ближнем Востоке», добавив множество деталей. В послесловии он отмечает, что президент Джордж У. Буш ясно указал, что война против террора – это не война против ислама, хотя некоторые, вроде Усамы Бен Ладена, объявившего джихад в классическом понимании как войну против неверных, изображают это как борьбу между христианским и исламским миром. Льюис указывает на проблемный характер многовекового доминирования Запада над исламским миром, которое достигло своего апогея в XX в. Он раскрывает исламский плюрализм в различиях между традиционной и нетрадиционной формами ислама. Для некоторых, например для Бен Ладена, мотивом является возвращение к более ранней и чистой форме ислама через избавление от западного влияния и восстановление подлинного ислама. Однако для других мусульман мотивом является свобода, в том числе свобода от коррумпированных мусульманских тиранов. Согласно Льюису, либо умеренные мусульмане одержат победу, либо Запад ожидает ужасное будущее (Lewis 2002: 163–165).

Во втором исследовании, которое было закончено между вторжениями в Афганистан и Ирак, Льюис использует свою теорию – теорию о неспособности исламских стран кроме Турции к модернизации – применительно к событиям 9/11. Работа основана на статье, напечатанной в еженедельнике «The New Yorker» в 2001 г. (*Idem* 2001), где Льюис вновь настаивал на значении неудачной попытки ислама модернизироваться. Она ведет в свою очередь к отказу от современности в пользу того, что Льюис называет возвращением к священному прошлому. Это стремление к возврату подогревается бедностью и тиранией исламского мира, все

более очевидными благодаря средствам массовой информации. Льюис согласен с аятоллой Хомейни: американский соблазн – это наибольшая угроза точному видению ислама. Заканчивает он предсказанием о том, что если Бен Ладену удастся навязать свое руководство, то предстоит длинная и тяжелая борьба.

В приложении Льюис указывает, что в упомянутой войне цель американцев – поиск и ликвидация террористов, а также «свобода, иногда называемая демократией, для жителей этих и других стран» (Lewis 2004: 165). Он повторяет свою идею о том, что причина ближневосточной тирании – в неспособности к модернизации, и предупреждает, что установить демократию в регионе будет нелегко. Говоря о Турции, пример которой он использует уже много лет, Льюис предполагает, что хотя задача и трудна, в этом регионе все же можно создать демократию. О чем он умалчивает и что является столь же важным, так это то, что турецкая разновидность демократии настолько отлична от того, что понимается под этим термином, скажем, в Европе, что Европейское экономическое сообщество настаивает на значительных преобразованиях, прежде чем кандидатура Турции даже будет представлена на обсуждение. Главный пункт – продолжающиеся репрессии по отношению к важному курдскому меньшинству, чьи права, вплоть до права говорить на родном языке в общественных местах, постоянно нарушаются (Bellaigue 2005). Еще одна проблема – массовое убийство армянского меньшинства в начале XX в., которое Турция никогда не признавала преступлением против армянского народа. Остается достаточно неясным, что может пониматься под «демократией» в той части мира, где никогда не знали системы управления, похожей хоть на какую-нибудь из многочисленных форм демократии, давно существующих на Западе¹.

Человеческая деятельность и понимание истории

Все три теории в некоторых аспектах похожи, например в выраженном прозападном уклоне. С тех пор как произошли события 9/11, прочно установилась тенденция оценивать конфликт с дуалистической, западной точки зрения, основанной на приоритетном принятии западных стандартов, а также тенденция отклонять в дальнейшем даже видимость принятия, серьезного отношения или хотя бы рассмотрения исламских критериев оценки. Этот прозападный уклон накладывает три ограничения, которые делают многие западные теории о событиях 11 сентября неприменимыми для всеобъемлющей трактовки происходящих событий. Во-первых, возникает ложное представление о происходящей между фундаменталистским исламом и капиталистическим Западом борьбе, которую люди склонны рассматривать с точки зрения морали. Но поскольку как немусульманский Запад, так и незападное мусульманство не обладают монополией на мораль, представление о том, что моральная правота находится исключительно на чьей-то одной стороне и отсутствует на другой, ошибочно. Во-вторых, поскольку моральную оценку не следует давать до того, как успешно охарактеризовали проблему, просто преждевременно представлять какую-либо моральную оценку до выявления проблемы. В-третьих, любого рода отождествление с одной из участвующих сторон конфликта, в сущности, есть принятие части за целое, что препятствует выработке общей теории, которая бы охватывала все части в рамках единого обширного анализа.

---

¹ О последних дискуссиях по поводу значения термина «демократия» см.: Hiley 2006.

В ходе нашей дискуссии уже были рассмотрены и проанализированы три главных на данный момент подхода к событиям 9/11. Они показывают, что на сегодня у нас нет какого-либо приемлемого или хотя бы разделяемого многими взгляда на эти события, которые продолжают описывать с разных точек зрения. Остается сформулировать альтернативную категориальную систему (или концептуальную матрицу), короче говоря, общую теорию осмысления для того, чтобы осмыслить, постичь и/или интерпретировать² – эти три термина я буду попеременно использовать – события, относящиеся к 11 сентября, понимаемые в широком смысле.

Очевидно, что для того, чтобы можно было осмыслить историю, она должна быть понятной. «Понятность» исторических явлений трактуется весьма по-разному. В V в. Августин Блаженный задал тон большинству исторических дебатов, утверждая, что история человечества постижима только через божественную историю (см.: Augustine 1998). Это означает, что историю человечества можно осмыслить только при условии, если она рассматривается в рамках божественной истории, независимо от целей, стремлений, познаний отдельных людей. Опровергая заявления Боссюэ, вторившего Августину, Вольтер, который ввел термин «философия истории», сформулировал, возможно, первую светскую теорию истории. Однако Лёвит по-прежнему защищает основные взгляды Августина, настаивая на том, что историческое значит теологическое (см.: Löwith 1949). Другие полагают, что история не имеет особого смысла, а следовательно, не может быть познана или осмыслена. Шекспир превосходно сказал: «Это – повесть, / Рассказанная дураком, где много / И шума и страстей, но смысла нет» (Шекспир 1993: акт V, сцена 5).

Если в данной последовательности исторических событий нет ничего рационального, то и осознать ее с рациональной точки зрения нельзя. Таким образом, существует некая внутренняя связь между рациональностью исторических явлений и возможностью их понять. Однако из этого не следует, что рациональность истории полностью или частично теологична. Поднимая вопрос о рациональности истории, я буду рассматривать историческое знание как особую, тем не менее во всех других аспектах неотделимую, часть общей проблемы познания.

Рациональность истории отличается от ее требования к когнитивной объективности. Рациональность истории указывает на происходящие события, которые можно постичь человеческим разумом, что не совпадает с требованием делать объективные выводы. Так, некоторые исследователи интересуются возможностью объективно рассматривать прошлое с точки зрения ныне существующих фактов или других данных, которые могут открыться позже³. В нашем случае вопрос не в том, достаточно или нет данных для того, чтобы делать исторические умозаключения, сколько в том, как выяснить, что произошло и что, возможно, все еще происходит.

Поскольку 9/11 состоит из серии все еще продолжающихся исторических событий, задача сформулировать теорию 9/11 лежит в области исторического толкования или эпистемологии истории. Существует разница между описанием истори-

² Некоторые исследователи делают различия между толкованием и пониманием. Объяснения их точки зрения см.: Heidegger 1962.

³ Дэй, который в своих работах сочетает написание истории и понимание истории, обращается к исторической методологии с целью «охарактеризовать и критически оценить возможность историографии внести вклад в наше понимание прошлого на основе очевидных и обоснованных утверждений». См.: Day 2008: 16.

ческих событий или истории в целом и эпистемологией истории. «Правила» описания истории изменчивы, но о них постоянно «договариваются» действующие историки, которые в публичных спорах между собой приходят к идеям, которые они в течение некоторого времени разделяют, а позднее пересматривают в процессе поиска соответствующего подхода к историческим явлениям. В тот или иной момент работы историки выдвигают ряд общих взглядов на порядок сбора информации разнообразными способами, которые они описывают и интерпретируют. «Построение» исторического нарратива может, хотя и не обязательно, касаться вопросов эпистемологии.

Исторические события могут быть осмыслены тогда и только тогда, когда мы рассматриваем их как рациональные и, следовательно, познаваемые. Если история – это всего лишь череда событий, тогда ее нельзя понять, но если она рациональна, тогда ее можно понять. Человеческая история рациональна, а значит, познаваема, поскольку складывается из действий людей, которые сами по себе рациональны, а значит, познаваемы. В этом отношении три вышеупомянутых мыслителя помогают нам сформулировать рациональный, а не иррациональный взгляд на 9/11. Аристотель, антиисторический мыслитель, указывал, что все человеческие действия являются целенаправленными, они нацелены на пользу человечеству. Даже если действия субъекта, предположительно сумасшедшего, направлены на то, что данный индивидуум понимает как благо. Гегель, будучи глубоким историческим мыслителем, указывал на то, что в истории есть разница между целью и результатом, между тем, что мы хотим сделать, и чего достигаем в силу коварства истории. Маркс, который также мыслил исторически, отмечал, что главным двигателем современной фазы исторического процесса является экономика, поскольку базовые производственные нужды, которые можно удовлетворить только путем экономической активности, более существенны, а значит, более важны, чем какие-либо другие.

Социальное противоречие и 11 сентября

Хотя все действия человека направлены на благо, отдельные личности понимают его по-разному. Результатом этого могут стать социальные противоречия. Под термином «социальные противоречия» я понимаю столкновение двух или более несовместимых интересов, которое может принимать разные формы и последствия которого могут быть очень важными или маловажными.

События 11 сентября не представляют собой ни перелома в истории (в противном случае их невозможно понять), ни даже новой фазы исторического процесса. Они включены в непрерывный исторический процесс, который предшествует им и следует за ними. Они представляют собой взаимодействие, в данном случае насильственное, между двумя сильно различающимися представлениями о благе человечества, которые мы можем обозначить просто как капитализм и исламский фундаментализм.

С одной стороны, налицо постоянное расширение капитализма, который сейчас достиг экономической глобализации или стоит на пороге ее достижения. «Экономическая глобализация», не имеющая точного определения, понимается весьма по-разному. Под (экономической) «глобализацией» я подразумеваю интеграцию национальных экономик, проходящую в разных направлениях, в международную экономику (см.: Bhagwati 2004: 3). Далее я буду учитывать два связанных между

собой явления: с одной стороны, капитализм, постоянно нуждающийся в расширении рынков, имеет тенденцию постоянно наращивать свое присутствие в мире либо путем развития уже существующих рынков, либо путем внедрения в другие рынки в процессе. Этот процесс уже достиг кульминации или однажды достигнет ее в той точке, когда не останется ничего, чего бы он не затронул. Когда эта точка будет достигнута, процесс экономической экспансии, характеризующей капитализм, натолкнется на свои естественные пределы, достигнет конечной точки, за пределами которой нет возможностей для дальнейшего развития. С другой стороны, результат глобализации состоит в том, что капитализм наступает, внедряется и преобразовывает все, с чем контактирует в поисках максимальной выгоды. Этот аспект глобализации, который никак нельзя назвать благоприятным, чрезвычайно опасен, даже представляет собой смертельную угрозу для всех (местных) форм социальной «организации», включая (но не ограничиваясь ими) местные обычаи, традиции и экономические структуры, которые, как правило, вытесняются, заменяясь собственной версией.

Экономическая глобализация принимает различные формы, такие как создание системы взаимосвязанных, чрезвычайно сложных отношений между главными банками, которые оказались в центре внимания широкой публики во время кризиса субстандартного кредитования в начале 2008 г. По крайней мере, с середины XIX в., если не раньше, было известно, что капитализму свойственно постоянно преобразовываться, расширяя свое влияние в поисках новых рынков⁴. Ряд наблюдателей, в том числе Адам Смит, Гегель, Маркс и другие, подчеркивали, что постоянное распространение капитализма ведет к огромным разрушениям и социальным последствиям. Говоря кратко, но корректно, отмечу, что ценой за непрерывную экономическую экспансию является постоянная, устойчивая угроза всему, включая местную экономическую, социальную и/или культурную деятельность

---

⁴ Например, в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс пишут: «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было сохранение старого способа производства в неизменном виде. Беспредельные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устаревшими, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения.

Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи.

Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, – отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература» (Marx, Engels 1959).

в их самых разнообразных формах, которые, кажется, стоят на пути дальнейшего экономического развития. В своих крайних проявлениях это принимает форму экономической глобализации, которая сама по себе рассматривается как благо; и в любом случае, даже несмотря на трудности, она всегда лучше, чем любые ее альтернативы. Те, кто относятся скептически к экономической глобализации, такие как Дени Родрик (Rodrik 1997), считающие, что риски экономической глобализации идут или уже зашли слишком далеко, наталкиваются на мнение таких энтузиастов, как Ягдиш Бхагвати, которые полагают, что если такие риски и есть, то они зашли не так далеко (Bhagwati 2004).

Безграничная приверженность экономической глобализации как правильному образу жизни имеет свои издержки. Одна из них – то, что на практике это представление иногда конфликтует с абсолютно иным представлением о добропорядочном образе жизни. Вместо тесного взаимодействия экономики и религии, которое, по общему мнению, существует при капитализме, мы обнаруживаем открытое противостояние не между исламом и экономикой, а между исламом и капитализмом.

Противостояние происходит на разных уровнях. Сюда относится и само разделение между экономикой и религией, разделение, которого нет в исламе, где религиозные критерии определяют экономическую деятельность. Приведу банальный пример: на религиозной основе (хотя на практике возможны разные соглашения) в исламе запрещено требовать проценты с ссуды.

Отношения между исламом и капитализмом разворачиваются в различных направлениях в форме действий обсуждаемого типа ислама. Здесь мы можем разграничить современный ислам, при котором можно искать компромисс с различными аспектами современной западной жизни, включая капитализм во всех его многочисленных формах, и консервативный ислам, который менее склонен к компромиссу, больше сопротивляется идее отказаться от любой из предписанных традицией практик ислама. В своих крайних проявлениях ислам, заимствуя протестантский термин «фундаментализм», принимает форму исламского фундаментализма, ориентированного в двух направлениях. С одной стороны, исламский фундаментализм направлен на возрождение истинного, по общему мнению, ислама, каким он был создан Мухаммедом при жизни, а позже был или не был (в зависимости от интерпретации) искажен. С другой стороны, исламский фундаментализм старается противостоять, а на самом деле сопротивляется любыми и всеми доступными средствами, когда кто-то выступает против социальной организации, целиком и полностью основанной на исламских фундаменталистских канонах. Это означает, что исламский фундаментализм, как и другие формы религиозного фундаментализма, направлен на постоянное воспроизведение без всяких изменений образа жизни, основанного на изначальном взгляде ислама.

На практике это сопротивление любым ощутимым изменениям первоначальных исламских идей приобретает две формы. Во-первых, это противодействие, иногда насильственное, любым попыткам, в чем бы они ни выражались, модернизировать, модифицировать или еще как-то изменить имеющееся представление об истинном исламе. Так, Сайид Кутб, главный теоретик «Мусульманского братства», отрицает любые компромиссы, ведущие к изменению ислама, на том основании, что будет либо ислам, либо что-то другое, что в принципе должно быть

отвергнуто⁵. На практике такое отношение исламских фундаменталистов ведет к конфликту внутри исламского мира между радикально настроенными фундаменталистами и всеми остальными, более умеренными последователями ислама. Во-вторых, налицо конфликт между исламскими фундаменталистами, защитниками бескомпромиссной жизни на традиционной исламской территории, главным образом на Ближнем Востоке, с одной стороны, и теми (в том числе мусульманскими участниками событий 11 сентября), кто защищает свои весьма традиционные взгляды на религию, борясь, при необходимости насильственными методами, с очевидными угрозами целостности абсолютно традиционного исламского образа жизни. Они осознают очевидный факт, что постоянная экспансия капитализма может проходить только за счет реального искоренения исламской мечты о воссоздании идеи Мухаммеда о правильном образе жизни в соответствии с принципами ислама.

Заключение: экономическая глобализация и 9/11

Согласно Гегелю, противоречия движут миром (Hegel 1991: 187). Даже если не обобщать, то очевидно, что в данном случае западные и исламские представления о «благее» для человечества различны и несовместимы, так как основаны на разных системах ценностей. Западное представление о правильной жизни связано с современным индустриальным обществом, которое характеризуется непрерывным экономическим ростом, требующим постоянных изменений. Исламское представление о правильной жизни, по крайней мере как это описано первоначально Пророком, подразумевает простое воссоздание модели человеческого существования, детально изложенного в Коране.

Это отличие можно переформулировать в терминах широко известной антропологической модели взаимоотношений обществ совершенно разного типа. Французский культуролог и антрополог Клод Леви-Стросс сосредоточился на системе родства, которую он анализирует в терминах социальных функций (Lévi-Strauss 1967). Грубо говоря, он утверждает, что социальные явления существуют не потому, что они выполняют какую-то функцию в социальном устройстве, а потому, что они функциональны для человека. На этом основании он предполагает, что в племенных обществах существует базовая структура, которая через какое-то время воспроизводится или сохраняется. В результате возникают различия между самовоспроизводящимися обществами, которые сопротивляются любым изменениям (например, традиционное исламское общество, к которому принадлежат исламские фундаменталисты и которое в этом смысле не является «историческим»), и теми совершенно не похожими на них обществами (на практике они связаны с современным капитализмом), где изменения любой ценой с целью извлечения максимальной финансовой выгоды с помощью экономической экспансии ценятся превыше всего.

---

⁵ Согласно Кутбу, «...ислам не примет никакого компромисса с джахалией, ни с ее понятиями, ни с образом жизни, возникающим на основе этих идей. Останется либо ислам, либо джахалия; ислам не может согласиться с ситуацией полуислама или полуджахалии или принять ее. В этом смысле позиция ислама весьма четкая: истина одна, и целостность ее не может быть нарушена; если это не истина, значит, это – ложь. Смешение и сосуществование истины и лжи невозможно. Власть принадлежит Аллаху или же джахалии. Победу одержит шариат Аллаха или же человеческие страсти» (Qutb 1990: 101–102, 112, цит. по: Zeidan 2001: 5).

Непрерывная экономическая экспансия, характеризующая современную жизнь на Западе, не так безобидна. За нее приходится платить двойную цену. Здесь, с одной стороны, игра с нулевой суммой, где богатство, по крайней мере если представить это схематично, аккумулируется таким образом, что позволяет одним получать выгоду через свои экономические отношения с другими. Часто отмечают, что экономическая экспансия Запада пока не привела к «решению» проблемы бедности и едва ли поможет, если вообще сможет помочь, самым бедным. Согласно данным Продовольственной организации ООН, около 920 млн человек в настоящий момент потребляют менее чем 1990 калорий в день. С другой стороны, необходимость постоянно расширять экономическую базу сталкивается с социальными различиями, которые преодолеваются таким образом, как это было в процессе достижения западной экономикой своих целей. Откровенно говоря, несмотря на преступления недемократических исламских стран, которым также не удалось решить проблему бедности, что и привело к увеличению числа людей, обратившихся к радикальному исламу, суть заключается в том, что даже если проблема бедности была бы решена, результаты капиталистической деятельности противоречили бы взглядам фундаментального ислама.

Результатом является некая форма отчуждения «за пределы» капитализма, или отлучение от самого экономического процесса. Маркс, занимавшийся влиянием нормального функционирования современной формы свободной рыночной экономики на вовлеченных в нее людей, с проницательностью описывает варианты того, как в результате нормальной работы капитализма такие индивиды отчуждаются самой системой, которая, в принципе, создана для воплощения добропорядочного образа жизни. Эта экономическая форма отчуждения, с которой мы, к сожалению, по-прежнему имеем дело, сочетается с другими формами отчуждения. Сейчас мы столкнулись с формой отчуждения, возникшей не внутри, а за пределами (как ответная реакция) капитализма, которая для многих индивидов, находящихся как внутри, так и за пределами капиталистической системы, кажется враждебной по отношению к их представлению о правильном образе жизни.

Существует очевидное социальное «противоречие» между двумя значимыми концепциями о правильном образе жизни, которые сейчас находятся в смертельной схватке. С одной стороны – преимущественно немусульманская западная теория о том, что человеческое благо кроется в непрерывной экономической экспансии. С другой стороны – убеждение фундаменталистского ислама в том, что человеческое благо – в постоянном поддержании традиционной формы религиозной жизни, сосредоточенной на непрерывном повторении одного и того же.

Это «противоречие» говорит о том, что Запад столкнулся с глубокой проблемой, которую нельзя разрешить путем глобальной войны против террора. Очевидно, что нельзя приравнивать эту трудность к «ошибочным» действиям небольшой группы несогласных, преступных элементов в исламе. Многие в исламском мире отвергают исламский фундаментализм, но еще больше людей выступает против стремления к западному образу жизни, в том числе западной «демократии», как бы ни интерпретировался этот термин, а также против явных экономических стимулов современного промышленного капитализма. Аль-Каида, «официальный» враг США и их союзников, всего лишь наиболее заметная на сегодняшний день форма фундаменталистских представлений в исламе, в некотором смысле схожая с протестантским фундаменталистским движением в христианстве, которая занимается войной за сердце и душу ислама.

Перевод с английского К. А. Бирюковой

Литература

- Шекспир, В.** 1993. Макбет. Трагедия: в V актах / пер. М. Л. Лозинского. В: Шекспир, В. *Трагедии*. СПб.: Лениздат.
- Augustine.** 1998. *The City of God Against the Pagans* / transl. by R.W. Dyson. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bellaigue, Ch. de.** 2005. Left Out in Turkey. *The New York Review of Books* LII(12): 43–47.
- Bhagwati, J.** 2004. *In Defense of Globalization*. New York: Oxford University Press.
- Day, M.** 2008. *The Philosophy of History*. London: Continuum.
- Hegel, G. W. F.** 1991. The Encyclopedia Logic. In Hegel, G. W. F., *Encyclopedia of the Philosophical Sciences with the Zusätze*. Part I / transl. by T. F. Geraets, W. A. Suchting, H. S. Harris. Indianapolis: Hackett.
- Heidegger, M.** 1962. § 32: Understanding and Interpretation. In Heidegger, M., *Being and Time* (pp. 188–195). New York: Harper & Row.
- Hiley, D. R.** 2006. *Doubt and the Demands of Democratic Citizenship*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Huntington, S.**
1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.
2004. The Clash of Civilizations. In Lechner, F. J., Boli, J. (ed.), *The Globalization Reader* (pp. 27–34). Oxford: Blackwell.
- Lévi-Strauss, C.** 1967. *Structural Anthropology*. Garden City: Anchor Books.
- Lewis, B.**
2001. The Revolt of Islam: When Did the Conflict with the West Begin, and How Could it End? *The New Yorker* 19 November.
2002. Afterword. In Lewis, B., *What Went Wrong? The Clash Between Islam and Modernity in the Middle East* (pp. 163–165). New York: Harper Collins.
2004. *The Crisis of Islam: Holy War and Unholy Terror*. New York: Random House.
- Löwith, K.** 1949. *Meaning in History*. Chicago: University of Chicago Press.
- Marx, K., Engels, F.** 1959. Manifesto of the Communist Party. In Feuer, L. S. (ed.), *Marx, K., and Engels, F. Basic Writings on Politics and Philosophy*. Garden City: Doubleday Anchor.
- Qutb, S.** 1990. *Milestones (Ma'alim fil Tariq)*. Indianapolis: American Trust Publications.
- Rodrik, D.** 1997. *Has Globalization Gone Too Far?* Washington, D.C.: Institute for International Economics.
- Zeidan, D.** 2001. The Islamic Fundamentalist View of Life as a Perennial Battle. *Middle East Review of International Affairs* 5(4).

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ ПОЛИТИКИ, ОСНОВАННОЙ НА ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

П. Таран

Миграция всегда была принципиально важной составляющей экономического развития и социального прогресса во многих странах. Трудовая миграция становится одним из важнейших ресурсов региональной интеграции, где регулирование трудовой миграции осуществляется на общерегиональном уровне, так как только такие крупные интеграционные союзы, использующие преимущества объединения рынков, ресурсных баз и трудовых потенциалов, могут выстоять в условиях нарастающей конкуренции глобализирующегося мира. Однако если миграция не регулируется адекватными законами и правилами, она несет в себе высокий риск нарушения прав участвующих в ней людей и социального напряжения. Сегодня дискуссия о миграции воплощает в себе противоречие между экономической логикой глобализации, с одной стороны, и теми моральными ценностями, которые воплощает в себе концепция прав человека, – с другой. В фокусе этих разногласий часто оказываются прямо противоположные взгляды на то, как должны защищаться права мигрантов, особенно тех, которые не имеют легального статуса, и то, как могут быть обеспечены соображения безопасности и социальной стабильности, если иностранные граждане оказываются под защитой национального законодательства. В повседневной реальности это противоречие ставит миграцию в центр дискуссии о взаимоотношениях труда и капитала, о распределении доходов от экономической деятельности, о регулировании условий труда и жизни и о том, каким образом иностранные трудящиеся и гражданское общество могут самоорганизоваться для того, чтобы четко сформулировать и защитить свои права.

Ключевые слова: глобализация, миграция, мигранты, профсоюз, труд, трудовая миграция, политика, права человека, Европейский союз, этнические меньшинства, дискриминация, безопасность, нелегальный, занятость, конвенция, миграционная политика, диалог, ответственность.

Все люди, вне зависимости от расы, вероисповедания, пола, имеют право выстраивать свое материальное благополучие и духовное развитие в условиях свободы и уважения, экономической безопасности и равных возможностей.

Филадельфийская декларация МОТ, 1944 г.¹

История учит нас тому, что миграция была принципиально важной составляющей экономического развития и социального прогресса во многих странах. На

---

¹ Филадельфийская декларация определяет цели и задачи Международной организации труда, соответственно в разделах I(a) и II(a). Декларация была принята Международной конференцией труда в 1944 г. и включена как Приложение в пересмотренную Конституцию МОТ 1946 г. (когда МОТ стала первым специализированным учреждением ООН). Устав и Декларацию см.: <http://www.ilo.org/public/english/about/iloconst.htm#pre>

пространстве СНГ миграция также оказывает существенное, но не всегда признаваемое воздействие на экономическое развитие: Казахстан и Россию она обеспечивает дополнительными трудовыми ресурсами, а для стран Центральной Азии, Закавказья, Украины и Молдовы миграция означает возможности трудоустройства за рубежом и рост доходов благодаря получению денежных переводов.

Трудовая миграция становится одним из важнейших ресурсов региональной интеграции и развития в Европейском союзе, в Содружестве стран Южной Африки или в Южноамериканском общем рынке МЕРКОСУР. В этих региональных структурах регулирование трудовой миграции осуществляется на общерегиональном уровне, учитывая интересы всех участвующих государств. Только такие крупные интеграционные союзы, использующие преимущества объединения рынков, ресурсных баз и трудовых потенциалов, могут выстоять в условиях нарастающей конкуренции глобализирующегося мира. В полной мере это относится и к Содружеству Независимых Государств.

Однако в том случае, если миграция не регулируется адекватными законами и правилами, она несет в себе высокий риск нарушения прав участвующих в ней людей, социального напряжения, снижения производительности труда, утраченных возможностей экономического роста и развития.

Сегодня дискуссия о миграции ведется не столько в контексте необходимости признания прав мигрантов, сколько в контексте противоречивой сущности самой миграции. Таким образом, она содержит в себе противоречие между экономической логикой глобализации, с одной стороны, и теми моральными ценностями, которые воплощает в себе концепция прав человека, – с другой. Это противоречие является предметом ожесточенных дебатов в странах Севера и Юга, а также на международных конференциях. В фокусе этих дебатов часто оказываются прямо противоположные взгляды на то, как должны защищаться права мигрантов, особенно тех мигрантов, которые не имеют легального статуса, и то, как могут быть обеспечены соображения безопасности и социальной стабильности, если иностранные граждане оказываются (или не оказываются) под защитой национального законодательства.

В повседневной реальности это противоречие ставит миграцию в центр дискуссии о взаимоотношениях труда и капитала, о распределении доходов от экономической деятельности, о регулировании условий труда и жизни и о том, каким образом трудящиеся (в частности, иностранные) и гражданское общество могут самоорганизоваться для того, чтобы четко сформулировать и защитить свои права.

1. Роль мигрантского труда

Ответы на вызовы, с которыми сталкивается глобализированная экономика – в сфере экономического развития, рынка рабочей силы, производительности труда, – в значительной степени связаны с использованием труда мигрантов. Миграция сегодня становится инструментом, с помощью которого обеспечивается необходимый состав национальных и региональных рынков рабочей силы. С помощью миграции находят ответы на быстро меняющиеся потребности рынков труда в работниках тех или иных специальностей в зависимости от технологических, рыночных и иных трансформаций. Для тех стран, которые сталкиваются с проблемой старения населения, миграция становится ресурсом, который восполняет нехватку рабочей силы и обеспечивает приток молодых работников, что способно увеличить динамизм, инновационность и мобильность трудовых ресурсов.

Миграция является глобальным процессом; практически не осталось регионов и стран, которые не были бы вовлечены в миграционные процессы. По подсчетам МОТ, в настоящее время в мире 90–95 млн иностранцев являются экономически активными, то есть работают по найму, являются самозанятыми или иным образом участвуют в оплачиваемой экономической деятельности². Это составляет примерно половину из 200 млн человек, проживающих в настоящее время не в тех странах, где они родились или гражданами которых являются (оценка 2008 г.). Лица, родившиеся за рубежом, составляют 10 % рабочей силы в странах Западной Европы. Во многих странах Африки, Азии, Южной и Северной Америки наблюдаются аналогичные или даже более высокие показатели, а в странах Персидского залива, например, иностранные работники составляют 50 % и даже 80 % от общего числа занятых.

Несколько лет назад Международной организацией труда была разработана модель, позволившая спрогнозировать – и весьма точно – динамику социального развития до 2050 г. Модель была основана на предположении, что сохранятся существующие тенденции абсолютного сокращения и старения населения и без изменения останутся пенсионный возраст, уровень экономической активности женщин, число иммигрантов, а также показатели темпов экономического роста и производительности труда. Согласно разработанной модели, при этих допущениях через 40 лет уровень жизни в Западной Европе, условно измеряемый как ВВП на душу населения, составит 78 % от нынешнего. Иными словами, он снизится на 22 % (Towards... 2004: 37–38).

В результате действия экономических, демографических и технологических факторов растущее число рабочих мест в развитых странах не может быть заполнено местными работниками. Большую роль здесь играют старение национальной рабочей силы и сокращение численности населения в целом. Латвия и Литва уже столкнулись с сокращением численности населения на 10 % по сравнению с 1989 г., включая население трудоспособного возраста. В России сокращение численности национальной рабочей силы составляет порядка 750 тыс. человек в год, что является следствием того, что когорты населения, достигающего пенсионного возраста, более многочисленны, чем молодые когорты, которые только вступают на рынок труда. Показатели рождаемости в Венгрии, Италии, Испании, России, Украине и во многих других странах гораздо ниже уровня простого воспроизводства³.

Существующие прогнозы для Европейского союза говорят о том, что коэффициент демографической нагрузки, который сейчас составляет 2 пенсионера на 7 работающих, возрастет к 2050 г. до 4 пенсионеров на 7 работающих, что будет означать либо увеличение вдвое нагрузки на каждого работающего, либо сокращение вдвое доходов пенсионеров.

Миграция не является единственным решением этой непростой ситуации, но она, несомненно, является одним из реальных путей ее решения.

² Оценка МОТ. См.: International... 2010.

³ Например, Доклад о мировом населении (World Population Report), подготовленный Отделом народонаселения ООН, фиксирует суммарный коэффициент рождаемости в Испании на уровне 1,29 в 2000–2005 гг. и лишь немного выше – на уровне 1,43 – в 2005–2010 гг.

2. Вызовы глобализации

Возрастающая экономическая взаимозависимость государств является общепризнанным проявлением глобализации. В том, что касается воздействия на этот процесс миграции, можно привести выводы одного из исследований, проведенных под эгидой МОТ: «Данные свидетельствуют об усилении миграционного давления во многих частях земного шара... Процессы, присущие глобализации, усилили разрушительные последствия модернизации и капиталистического развития... Многие развивающиеся страны столкнулись с серьезными социальными и экономическими проблемами, связанными с устойчивой бедностью, ростом безработицы, разрушением традиционных торговых связей и тем, что получило название “нарастающий кризис экономической безопасности”» (Stalker 2000).

Расширяющаяся торговля замещает (и подрывает) внутреннее промышленное и сельскохозяйственное производство дешевым импортом. «Ценой» этого является сокращение рабочих мест в данных секторах. Эта ситуация типична для многих развивающихся стран. При этом число рабочих мест, создаваемых частным сектором в результате осуществления программ экономической реструктуризации, не возмещает потерь.

Как отметил генеральный директор МОТ Хуан Сомавия, *если посмотреть на глобализацию с точки зрения того, как она влияет на людей, то очевидно, что ее основным негативным проявлением является ее неспособность создавать рабочие места там, где живут люди*. В результате по мере сокращения возможностей занятости и экономического выживания в менее развитых странах нарастает миграционное давление из них на те страны, где такие возможности имеются.

С другой стороны, в развитых странах возрастает спрос на труд мигрантов. Демографические тенденции и старение рабочей силы привели к тому, что иммиграция стала исключительно важным ресурсом, не просто обеспечивающим спрос на рынке труда во многих развитых странах, но гарантирующим их будущее экономическое развитие и социальное обеспечение.

В результате растущей конкуренции за высокообразованные кадры со стороны разрастающегося и усложняющегося по своей структуре сектора услуг все больше расширяется масштаб трудовой миграции квалифицированных работников. Одновременно по всему миру растет спрос на заполнение вакансий так называемых работ «3-D» (по-английски: dirty, dangerous, degrading, то есть грязных, опасных, унижительных), что стимулирует миграцию неквалифицированных и низкоквалифицированных кадров. Использование дешевого труда таких мигрантов позволяет работодателям сохранять конкурентоспособность за счет низких издержек труда.

Высокие ставки на будущую социальную сплоченность, экономическую жизнеспособность и социальное обеспечение

Для того, чтобы определить, насколько велика роль миграции в современном мире, МОТ разработала прогноз для стран Западной Европы, основываясь на уже доказавшей свою эффективность методологии прогнозирования социального развития. Каковы же результаты прогноза? Если существующие тенденции в области старения населения и сокращения его численности, уровня участия женщин в общественном производстве, возраста выхода на пенсию, сдерживаемой иммиграции и медленного роста производительности труда останутся неизменными, то через 40 лет уровень жизни в Западной Европе, измеряемый в единицах ВВП на душу населения, окажется на 22 % ниже, чем сейчас (Towards... 2004: 37–38).

Понятно, что миграция не является панацеей в этой ситуации, но она, несомненно, представляет собой одно из важнейших решений в области макроэкономической политики. В ближайшие десятилетия миграция будет являться важнейшим ресурсом экономического развития в таких регионах, как Европа, Азия, Северная Америка и СНГ.

В настоящее время в значительной степени за счет мигрантов заполняются вакансии работ «3-D». Мигрантский труд обеспечивает конкурентоспособность экономик принимающих стран за счет его высокой производительности и низкой цены. Устойчивый спрос на труд мигрантов предъявляют такие отрасли, как сельское хозяйство, переработка сельскохозяйственной продукции, строительство, уборка улиц и помещений, ремонт, ресторанно-гостиничный бизнес, трудоемкое сборочное и обрабатывающее производство, секс-индустрия и т. д. Фактически в течение долгого времени мигрантский труд использовался в развитых странах как удобное и дешевое средство поддержки низкоконкурентных предприятий и подчас целых отраслей экономики, которые без дешевого труда иностранцев просто не выжили бы.

Мелкий и средний бизнес, а также трудоемкие производства не имеют возможности переместить свои производства за границу, в те страны, где рабочая сила дешевле. Они прибегают к другим средствам: ухудшению качества производственного процесса, применению гибких схем занятости персонала, сокращению расходов, заключению субконтрактов (Lean Lim 1998: 277). В ряде стран эти меры приводят к увеличению числа рабочих мест на нижних ступеньках лестницы занятости. Эти вакансии часто невозможно заполнить местными работниками. Работников может просто не хватать из-за процесса старения и абсолютного сокращения численности национальных трудовых ресурсов, как это происходит сейчас в значительном числе европейских стран и в Российской Федерации. Кроме того, местные безработные или иные категории национальной рабочей силы просто не желают занимать такого рода вакансии из-за низкой оплаты, тяжелых и унизирующих условий труда, а также их непрестижности.

Рост спроса на трудящихся-мигрантов является мощным стимулом для трудовой миграции, в том числе незаконной (Escobar Latapí 1997: 4). Исследование МОТ по странам Южной Европы показало, насколько мигранты склонны занимать те позиции, которые отвергают местные работники. Это просто вопрос замены одних на других (Reynieri 2001). «Можно с уверенностью сказать, что мигранты конкурируют лишь с маргинальными группами местных кадров... главным образом теми, которые не имеют должной социальной защиты или заняты в специфических секторах или в наименее развитых районах страны» (*Ibid.*).

В случае найма работников для неквалифицированного труда работодатели всегда предпочитают тех, кто не будет настойчиво требовать повышения заработной платы. Поскольку мигранты, по крайней мере поначалу, не оспаривают заработную плату и статус выполняемой работы, работодатели предпочитают нанимать именно их, чтобы избежать того риска, который сопровождает найм местных работников, склонных к требованию повышения заработной платы.

По оценке МОТ, от 10 % до 20 % международных трудовых мигрантов в мире работают незаконно, не имея на то легального разрешения или контракта. Недавно созданная электронная база данных по незаконной миграции в ЕС дает более точную оценку, определяя число незаконных мигрантов в ЕС в 2,8–6 млн человек, что составляет от 11 % до 23 % от общей численности мигрантов (Clandestino... 2007–

2009). Незаконные мигранты более уязвимы перед проявлениями эксплуатации и других нарушений. Однако похоже, что власти во многих странах проявляют терпимость по отношению к присутствию в них незаконных мигрантов. Это вполне соотнобразуется с тем фактом, что «нелегальность» снижает стоимость труда мигрантов и создает условия для их эксплуатации, и за счет этого сохраняют конкурентоспособность многие предприятия.

3. Справедливое/несправедливое обращение с мигрантами

Обращение с трудовыми мигрантами часто противоречит международно признанным принципам прав человека и международным правовым нормам.

Обращение с мигрантами в целом и трудовыми мигрантами в частности часто характеризуется как несправедливость и нарушение норм, как национальных, так и международных. Как указывалось в Заключительном документе Международной конференции труда 2004 г., несмотря на наличие позитивного опыта, значительное число трудящихся-мигрантов сталкиваются с несправедливым обращением и дискриминацией в виде низкой заработной платы, тяжелых условий труда, отсутствия социальной защиты, отсутствия свободы объединения в ассоциации с целью отстаивания своих прав, ксенофобии и социального отторжения. Различия в условиях труда и заработной плате существуют как между трудящимися-мигрантами, так и между иностранными и национальными работниками. В значительном числе случаев различия в уровнях безработицы, заработной платы и условий труда отмечаются даже между легальными трудовыми мигрантами и национальными работниками.

Давление более высокой безработицы среди иммигрантов и представителей этнических меньшинств уменьшает их склонность к объединению в профсоюзы, особенно в тех отраслях, где существует высокий риск увольнения за противодействие или даже просто жалобы на плохую организацию труда, отсутствие должной медицинской помощи и достойных условий труда. По утверждению Международной конфедерации профсоюзов (ITUC), объединение мигрантов и иммигрантов в профсоюзы и другие организации с целью защиты их интересов и прав зачастую является исключительно сложной задачей при существующей практике увольнений и депортаций (см., например: Linard 1998).

Гендер, миграция и унижение

Гендерный аспект проблемы требует специального внимания. В настоящее время женщины составляют примерно половину работающих мигрантов в мире. Возможности легальной занятости для мужчин и женщин различны. Спрос на труд мигрантов в принимающих странах определяется во многом сегментацией их рынков труда, при этом неквалифицированные виды работ предназначены преимущественно для женщин. Тенденция феминизации международной трудовой миграции в сочетании с тем фактом, что большая часть работ для женщин концентрируется в секторах, где распространены теневые практики найма (сельское хозяйство, домашний труд, секс-индустрия), способствует расширению дискриминации на рынках труда в принимающих странах. Следовательно, женщины-мигранты маргинализированы в большей степени, чем мужчины: у них часто нет иного выбора, кроме незаконного трудоустройства, и они подвергаются худшим формам насилия и унижения.

Дискриминация

Равенство обращения и недискриминация являются важнейшим условием поддержания функциональных рынков труда и эффективных трудовых отношений. Равенство обращения и возможностей важно также для сохранения социальной сплоченности в обществах, которые характеризуются растущим этническим и прочим многообразием населения.

Тем не менее дискриминация играет важную роль в поддержании – и оправдании – стратификации и сегментации на рынке труда. Дискриминация способствует низведению и закреплению определенных трудовых групп за определенными видами работ. Устойчивая дискриминация ведет к депрессии, апатии, покорности и маргинализации. Когда мигранты (или группы мигрантов) вынуждены заниматься только узким кругом работ, когда они ограничены проживанием в гетто, могут рассчитывать лишь на нижние ступени образования, когда правоохранительные органы не предоставляют им необходимой защиты, – это сочетание дискриминирующих условий становится мощным фактором социального отторжения и непреодолимым барьером для интеграции мигрантов в общество страны пребывания.

Неравные исходные условия и дискриминирующее поведение являются основными причинами того, что рабочие-мигранты и представители этнических меньшинств сталкиваются с большим количеством трудностей и препятствий, чем основное население⁴. Помимо индивидуальной дискриминации существует также социальная дискриминация. Она заключается в существовании барьеров для определенных этнических меньшинств; целая система ограничителей ставит в невыигрышное положение людей просто в силу того, что они принадлежат к определенной группе.

Дополнительную сложность проблеме дискриминации придают идеологически устоявшиеся определения и идентификация большинства государств мира. Исторически сложилось так, что идентификация наций выстраивалась чаще всего на основании монорасовости, монокультурности, монолингвистичности и часто моноконфессиональности государств.

Реальность, однако, была гораздо более диверсифицированной по структуре, и эта диверсификация продолжает нарастать. Необходимо пересмотреть понимание национальной идентичности. Необходимо ввести в правовое поле диверсифицированность современных государств и признать равенство этнических групп, их равное право на уважение и сохранение.

4. Чья безопасность?

Описанные выше противоречия являются причиной расхождений между декларируемыми принципами и реальной практикой в большинстве государств.

В ряде стран миграция одновременно поощряется и ограничивается. Проявлением этого противоречия является разрыв между провозглашаемой политикой и реально осуществляемыми мерами. Несмотря на то, что нелегальная миграция официально осуждается и формально усиливаются меры, направленные на борьбу с ней, тем не менее некоторые государства проявляют удивительную терпимость по отношению к нелегальной миграции. Ведь нелегальные мигранты, с одной стороны, являются источником дешевой рабочей силы, а с другой стороны, они не

---

⁴ Дополнительные объяснения более высоких показателей безработицы и неполной занятости среди мигрантов и этнических меньшинств заключаются в макроэкономических условиях развития, например в сокращении сегмента неквалифицированного ручного труда в промышленности. См.: Abella 1997.

могут объединяться и бороться за достойные условия работы, поскольку они стигматизированы и изолированы от своих коллег.

Поскольку возможности для легальной миграции весьма ограничены – при том что и спрос на труд иностранных рабочих, и желание последних получить работу остаются высокими, – нелегальная миграция становится единственной альтернативой. Возведение искусственных барьеров между спросом на мигрантский труд и его предложением становится условием возникновения теневого посреднического бизнеса на оказание услуг по пересечению границ, получению документов, поиску работы, невзирая на существующие законы.

Приток низкоквалифицированных мигрантов в более развитые страны происходит главным образом через нелегальные каналы именно потому, что легальные возможности для трудовой миграции очень ограничены. Оказавшись в стране назначения, такие мигранты могут рассчитывать на работу только в неформальном или нелегальном секторах экономики; при этом их труд никак не регулируется, и они становятся объектом эксплуатации (Abella 2002). Международная организация труда неоднократно доказывала своими исследованиями, что развитие легальных каналов для трудовой миграции является залогом сокращения масштабов нелегальной переправки мигрантов через границы и торговли женщинами и детьми.

Ограничения на свободу передвижения, отсутствие системы защиты мигрантов, неравенство в оплате труда между мигрантами и коренными гражданами – все это провоцирует расширение рынка торговли людьми, у которых просто нет иного выхода, как соглашаться на такие условия работы, которые неприемлемы при законном трудоустройстве. Отсутствие контроля со стороны трудовой инспекции, особенно в таких отраслях, как сельское хозяйство, строительство, домашний труд, секс-индустрия и прочие, где сконцентрированы мигранты, расширяет пространство для принудительного труда.

Для политических и правительственных структур вопрос о контроле над миграцией стал выгодным средством привлечения общественного внимания и бюджетных средств. Явная политизация миграционной темы вытеснила гуманитарные вопросы прав мигрантов, а также значение миграции для экономического развития на второй план.

Во все возрастающем числе стран вопросы управления миграцией переданы от министерств труда к министерствам внутренних дел, что соответственно меняет контекст выработки миграционной политики и ее практического осуществления: вместо того, чтобы быть частью политики рынка труда, управление миграцией становится частью политики полицейского контроля и национальной безопасности.

Несмотря на то, что миграция в подавляющей своей части является миграцией с целью трудоустройства, она фактически остается вне сферы компетенции тех ведомств, которые отвечают за регулирование рынка рабочей силы, условий труда и формирование трудовых отношений.

В большинстве национальных и международных законодательных актов, касающихся регулирования миграционных процессов, отсутствуют какие-либо упоминания о социальном диалоге или консультациях с социальными партнерами. «Управление» все возрастающим в своем масштабе и значении сегментом рабочего класса без использования инструментов правовой защиты, без социального диалога, без привлечения институтов регулирования рынка труда выливается в

деформацию и разрегулированность рынка рабочей силы в целом, а также в ухудшение взаимоотношений между работниками, работодателями и государством.

Отсутствие стройности и последовательности миграционной политики усугубляется политическим и идеологическим дискурсом в принимающих странах относительно незаконных мигрантов. Прагматическая целесообразность их присутствия на рынке труда – когда их нелегальный статус открывает возможность их сверхэксплуатации – представляет собой вызов правовым и идеологическим нормам развитых стран, поскольку эти лица лишены какой-либо юридической и социальной защиты. Формальным ответом на этот вызов является ассоциирование нелегальных мигрантов с преступностью, терроризмом, незаконной торговлей оружием и наркотиками, которое сопровождается драконовскими мерами, направленными на «борьбу с нелегальной миграцией». Социальная стигматизация и откровенная жестокость по отношению к нелегальным мигрантам сопровождаются соответствующей риторикой – нелегальные мигранты представляются врагами в конфронтации, аналогичной военной.

Применение таких терминов, как *нелегальный мигрант* или *нелегальный иностранец*, проводит прямую ассоциацию между миграцией и преступностью; об этом же говорит применение иммиграционного контроля в одном ряду с контролем над преступностью, торговлей оружием и наркотиками. Первый термин имеет вроде бы не столь однозначно негативное значение, чем второй, но в общественном сознании оба они оказываются прочно связанными с преступностью и ни в коей мере не могут ассоциироваться с признанием и уважением мигрантов. Вольно или невольно язык терминов дает оценку. Во многом рост неприятия иностранцев и насилия против них – мигрантов, беженцев, иммигрантов, даже подчас иностранных студентов и туристов – является следствием этих устоявшихся неодобрительных терминов.

И в правовом, и в семантическом смысле термин *нелегальный мигрант* никак не может сочетаться с правозащитной идеологией. По сути, он противоречит духу Всемирной декларации прав человека, которая в статье 6 четко определяет, что каждый человек имеет право на защиту закона, а в статье 7 говорит о равенстве всех людей перед законом.

Международные политические документы в полной мере отражают существующее противоречие между ограничительно-контролирующим подходом и подходом, основывающимся на правах человека, в управлении миграционными процессами. Принятие и ратификация все большим числом стран двух протоколов, относящихся к Международной конвенции против транснациональной преступности – против торговли людьми и против контрабанды людьми – фактически ставят управление миграцией в один ряд с борьбой с преступностью. Оба эти протокола сфокусированы на мерах по предупреждению и подавлению этих специфических преступлений, связанных с миграцией, а именно – торговли людьми и контрабанды людей. Однако защита прав мигрантов остается вне поля зрения этих документов.

Безопасность или права?

В последнее десятилетие усилились нападки на универсальность международных принципов прав человека, причем сфокусированы они главным образом на правах мигрантов и отношении к иностранным гражданам.

Сформулированы новые идеологические и политические аргументы, ставящие под сомнение применимость принципов всеобъемлющего обеспечения прав чело-

века в отношении мигрантов и иностранцев. События 11 сентября не только оправдывают, но и требуют введения ограничений в отношении гражданских и юридических прав мигрантов в странах Запада в целях обеспечения национальной и государственной безопасности.

Происходящая криминализация мигрантов и «секьюритизация» государств однозначно ужесточает отношение к иностранцам, отказывая им в признании и защите их прав и препятствуя их солидарности. Такая политика приводит к тому, что значительная часть рабочей силы остается незащищенной, бесправной и униженной.

Призывы к обеспечению безопасности государства имеют оборотную сторону: они стимулируют общественную поддержку репрессивным мерам и одновременно ограничивают доступность юридической и социальной защиты, а также возможность организации с целью защиты своих прав для мигрантов и членов их семей в принимающих странах.

Права человека как объект сделки

В последние годы в сфере международной трудовой миграции появился новый концептуальный подход, предлагающий применить принцип коммерциализации к вопросу о трудовых и социальных правах человека. Согласно этому подходу, который можно назвать «утилитарным», иностранные рабочие осознанно соглашались на ущемление в правах и неравное обращение в обмен на возможность трудоустройства в странах назначения⁵. Фактически права превращаются в товар, в объект сделки; они могут быть выставлены на продажу и проданы «по сходной цене», в качестве которой выступают экономические преимущества в форме доступа на рынок труда. В основе такого подхода – допущение, что определенный набор прав может стать «платой» за возможность трудоустройства в более развитых странах. Предполагается также, что вопрос о договорном понижении в правах мигрантов может быть предметом переговоров с организациями, представляющими национальных работников, для того, чтобы возможная экономическая и политическая озабоченность последних не стала бы препятствием для трудоустройства иностранных граждан.

Эти соображения вполне соотносятся с продолжающимися призывами определить критерий «минимальных», или «основных», прав, которые могут быть гарантированы мигрантам. Такого рода призывы были сформулированы в проекте резолюции Комиссии ООН по правам человека в 1997 г. (резолюция не была утверждена), а также в ряде предложений, прозвучавших со стороны представителей МОМ на форумах ЕС и Совета Европы, в среде ученых, а также в ходе дискуссии по подготовке Глобального форума по миграции и развитию, в частности в области пересмотра конвенций МОТ. Призывы определить «минимальные права» для мигрантов появились практически одновременно с активизацией процесса ратификации и вступлением в силу Международной конвенции 1990 г. о защите прав мигрантов. Реальным риском реализации этого подхода является принятие неких размытых и трудноосуществимых рекомендаций – в отличие от четких стандартов и механизмов, контролирующих их применение, предложенных конвенциями МОТ и Международной конвенцией 1990 г.

⁵ Подробное изложение этого подхода дано в: Ruhs, Chang 2004.

5. Подход на основе прав человека

Сутью подхода к миграции на основе прав человека является включение единых всемирно признанных прав человека, определенных соответствующими международными документами, в национальные миграционные законодательства всех стран, национальную миграционную политику и практику, основывающиеся на нормах права. Конкретное применение этих норм определяется историческими, экономическими, социальными и культурными факторами.

Основной идеей концепции прав человека является признание того, что определенные принципы применимы ко всем людям, в каких бы странах они ни проживали и каковы бы ни были обстоятельства их экономической, политической и культурной жизни. Права человека являются *универсальными* – они применяются всюду; *неделимыми* – в том смысле, что политические и гражданские права не могут быть отделены от социальных и культурных прав; и *неотъемлемыми* – человека нельзя лишить его прав. Эти принципы сформулированы во Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ), которая содержит в себе нормы, единые для народов всего мира, вне зависимости от их исторических традиций и религии.

Таким образом, всеобщие принципы, воплощаемые в нормах права, содержат в себе основу для управления на уровне государства и общества, а также управления международной миграцией. Этот вывод основывается на историческом опыте, который говорит о том, что социальный мир и социальная сплоченность людей могут осуществляться только при условии демократической формы управления, которая в свою очередь подразумевает ответственность, доверие и возможность практически отстаивать свои права, что обеспечивается нормами права.

Не будучи обязательным к осуществлению правовым инструментом, Всеобщая декларация прав человека тем не менее была принята или одобрена практически всеми странами мира. Она приобрела правовой статус общепризнанного международного документа, признаваемого как норма права.

В 1960-х гг. на основании ВДПЧ были разработаны две принципиальные международные конвенции, которые определили нормативные стандарты политических и гражданских прав человека, а также экономических, социальных и культурных прав⁶. Кроме того, в течение трех десятилетий, между 1960 и 1990 гг., были разработаны специальные конвенции, распространяющие «универсальные» права человека на жертв расовой дискриминации, женщин, детей и мигрантов. Это Конвенция по предотвращению расизма и расовой дискриминации (CERD), Конвенция против пыток (CAT), Конвенция против дискриминации женщин (CEDAW), Конвенция о правах ребенка (CRC) и Конвенция 1990 г. по защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей (CMR)⁷. По оценке Генерального секретаря ООН, эти семь документов были названы семью принципиальными инструментами защиты прав человека, которые утверждают универсальность человеческих прав и их распространение на уязвимые группы населения по всему миру⁸.

⁶ Международная конвенция о гражданских и политических правах; Международная конвенция об экономических, социальных и культурных правах.

⁷ Тексты и состояние ратификации этих конвенций доступны на сайте верховного комиссара ООН по делам беженцев: www.ohchr.org

⁸ Доклад Генерального секретаря ООН о статусе Конвенции ООН о правах мигрантов на 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, A/55/205. Июль 2000 г.

Защита прав трудовых мигрантов и членов их семей в рамках существующих норм международного права обеспечивается посредством трех основополагающих принципов:

1. Равенство между легальными трудовыми мигрантами и национальными работниками в области занятости и условий работы.

2. Основные общепризнанные права человека применимы ко всем мигрантам, вне зависимости от их статуса.

3. Вся совокупность разработанных на международном уровне стандартов в области труда и занятости: безопасные условия труда, не угрожающие здоровью, максимальное число рабочих часов, минимальная заработная плата, недискриминация, свобода профессиональных объединений, права материнства и т. д. – применима ко всем работникам.

Международные стандарты труда и занятости

В основу защиты прав трудящихся, включая мигрантов, положен ряд принципов, которые были разработаны в Конституции МОТ и получили дальнейшее развитие в конвенциях МОТ⁹. Они касаются свободы ассоциаций, права на коллективные переговоры, защиты от принуждения к труду, запрета на детский труд, недискриминации в области занятости. Более того, как говорится в Декларации МОТ 1998 г. «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда», «все участвующие государства, даже если они не ратифицировали упомянутые Конвенции, несут на себе обязательства, проистекающие из самого факта их членства в МОТ, в части уважения принципов и прав, являющихся предметом этих Конвенций» (п. 2).

Международные стандарты, касающиеся охраны труда, безопасности для здоровья, условий работы, заработной платы, трудовых инспекций, политики в области занятости, защиты прав материнства, регулирования частных и государственных агентств занятости, а также специальные стандарты, применяемые в тех отраслях, где концентрируется значительное число трудящихся-мигрантов, признаны принципиально важными для обеспечения достойного труда для всех трудовых мигрантов.

Не меньшее значение имеют инструменты, предлагаемые МОТ для обеспечения равенства прав трудовых мигрантов и национальных работников в области социального обеспечения. Стандарты МОТ в области социального обеспечения применимы ко всем работникам независимо от их гражданства; практически во всех из них содержатся требования равного отношения к иностранным и национальным работникам; большинство из них включает специальные статьи, направленные против дискриминации¹⁰. Несколько дополнительных конвенций, принятых МОТ, прямо направлены на защиту социальных прав трудящихся-мигрантов¹¹.

⁹ Конвенция С87 о свободе ассоциаций и права на организации (1948), Конвенция С98 о праве на организации и ведение коллективных переговоров (1949), Конвенция С29 о принудительном труде (1930), Конвенция С105 о запрете принудительного труда (1957), Конвенция С100 о праве на равную плату за труд (1951), Конвенция С111 против дискриминации в области занятости (1958), Конвенция С138 о минимальном трудовом возрасте (1973), Конвенция С182 против худших форм детского труда (1999).

¹⁰ Конвенция № 102 о социальном обеспечении (минимальные стандарты) (1952); Конвенция № 121 о возмещении ущерба от производственных травм (1964); Конвенция № 128 о возмещении нетрудоспособности, пенсии и потери кормильца (1967); Конвенция № 130 о медицинском обеспечении и временной нетрудоспособности по болезни (1969); Конвенция № 168 о смене места работы и защите от безработицы (1988); Конвенция № 183 о защите прав материнства (2000).

¹¹ Конвенция № 19 о равноправии в области возмещения при несчастных случаях (1925); Конвенция № 118 о равноправии в области социального обеспечения (1962); Конвенция № 157 о сохранении прав в области социального обеспечения (1982).

Через нормы международного права *международные стандарты труда* внедрены в национальную политику и практику государств, касающуюся занятости и трудоустройства мигрантов. В решениях Комитета экспертов МОТ по применению конвенций и рекомендаций постоянно подчеркивается, что международные стандарты труда, касающиеся условий труда, безопасности и охраны труда, продолжительности рабочей недели и рабочего дня, минимальной оплаты труда, недискриминации, свободы ассоциаций, отпуска по беременности и родам и т. д., должны применяться как к национальным, так и к иностранным работникам. Комитет МОТ по свободе ассоциаций специально обращает внимание на то, что все трудящиеся-мигранты вне зависимости от их правового статуса имеют право защиты своих интересов через профессиональные ассоциации¹².

При реализации принципа равных прав национальных и иностранных работников и принципа недискриминации часто ссылаются на Конвенцию МОТ о дискриминации в сфере занятости № 111 1958 г. В частности, в специальном решении Межамериканского суда по правам человека в 2003 г. говорилось: «Суд единогласно решает, что тот факт, что человек является мигрантом, не может быть основанием для того, чтобы его лишали человеческих прав и, в частности, его трудовых прав. Мигрант, вступая в трудовые отношения, принимает на себя право быть работником, которое должно признаваться вне зависимости от того, является он легальным или нелегальным мигрантом. Эти права являются следствием самого факта вступления в трудовые отношения»¹³.

6. Международные конвенции, касающиеся мигрантов

Конвенция МОТ о занятости 1949 г. (№ 97) устанавливает равенство между национальными и легальными иностранными работниками в таких сферах, как трудоустройство, условия жизни и труда, доступность правовой защиты, налогообложение, социальная защита. Конвенция МОТ о трудящихся-мигрантах (Дополнительные положения) 1975 г. (№ 143) устанавливает нормы, направленные против эксплуатации и трафика мигрантов, обеспечивающие защиту нелегальных мигрантов и создающие условия для интеграции легальных мигрантов в принимающем обществе.

Содержание конвенций 97 и 143 сформировало основу для выработки Международной конвенции о трудящихся-мигрантах 1990 г., которая поставила во главу угла признание экономических, социальных, культурных и гражданских прав трудовых мигрантов¹⁴.

Две упомянутые конвенции МОТ и Международная конвенция 1990 г. вместе составляют *международную хартию о миграции*, предлагая широкую нормативную базу, определяющую положение мигрантов и основы межгосударственного сотрудничества в управлении миграционными процессами.

Наиболее важные положения трех конвенций можно суммировать в нижеследующих пунктах:

1. Конвенции устанавливают всеобъемлющую понятийную базу и правовые основы для выработки национальной политики и практики, касающейся ино-

¹² См. пятое издание Собрания решений и законов Комитета свободы ассоциаций МОТ (2006).

¹³ Corte Interamericana de Derechos Humanos: *Condición Jurídica y Derechos de los Migrantes Indocumentados*. Opinión Consultativa OC-18/03 de 17 de Septiembre de 2003, solicitada por los Estados Unidos de Mexico.

¹⁴ Тексты конвенций доступны на сайтах: www.ilo.org/ilolex и www.unhchr.ch

странных работников и членов их семей. Таким образом, они выступают инструментами стимулирования государств в разработке и совершенствовании их национальных законодательств в соответствии с международными стандартами.

2. Они предлагают четкие ориентиры для национальной политики и межгосударственного сотрудничества в вопросах выработки миграционной политики, обмена информацией, обеспечения информацией мигрантов, содействия возвращению мигрантов и их реинтеграции и т. д.

3. Международная конвенция 1990 г. устанавливает, что трудящиеся-мигранты – это не просто работники и экономические субъекты; они также являются социальными субъектами вместе со своими семьями и могут рассчитывать на соответствующие социальные права. Конвенция 1990 г. усиливает принципы конвенций МОТ о трудящихся-мигрантах в части их равенства в правах с национальными работниками в странах приема.

4. Конвенция МОТ № 143 и Конвенция 1990 г. включают положения, направленные против эксплуатации мигрантов и обеспечения условий «достойного труда», которые определены международными стандартами труда и практически все применимы к трудящимся-мигрантам.

5. Конвенция МОТ № 143 и Конвенция 1990 г. охватывают также положение незаконных мигрантов; они призывают решать проблему незаконной трудовой миграции посредством межгосударственного сотрудничества.

6. Эти конвенции заполняют правовую лакуну в отношении защиты нелегально работающих иностранных граждан и членов их семей, предлагая ввести в национальные законодательства стран въезда и стран выезда нормы, обеспечивающие минимальную защиту нелегальных мигрантов.

7. Хотя эти три конвенции касаются трудящихся-мигрантов, претворение в жизнь их положений может обеспечить также защиту другим мигрантам, находящимся в уязвимом и бесправном положении, например жертвам торговли людьми.

8. Конвенции написаны подробно, юридическим языком, что позволяет непосредственно инкорпорировать их положения в национальное законодательство, избегая возможных ошибок и неверных истолкований.

По состоянию на 10 декабря 2009 г. 82 государства ратифицировали одну или более из рассматриваемых конвенций¹⁵. Одиннадцать стран – членов Европейского союза ратифицировали обе конвенции МОТ¹⁶. Среди стран СНГ по крайней мере одну из рассматриваемых конвенций ратифицировали Армения, Азербайджан, Кыргызстан и Молдова; Таджикистан стал первой страной в регионе, которая ратифицировала все три конвенции. Учитывая 15 стран, подписавших, но пока не ратифицировавших конвенции (подписание является первым шагом к ратификации), можно считать, что более 90 государств мира приняли для себя определенный набор международных стандартов в качестве основы национального законодательства и национальной миграционной политики. Это очень существенная доля от общего числа 120–130 государств мира, которые вовлечены в процессы международной миграции в качестве стран выезда, въезда и/или транзита.

¹⁵ Конвенцию МОТ о занятости № 97 1949 г. ратифицировали 49 стран, Конвенцию МОТ о трудящихся-мигрантах (Дополнительные положения) № 143 1975 г. ратифицировали 23 страны, а Международную конвенцию 1990 г. о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей ратифицировали 42 страны и подписали еще 15. Ряд стран ратифицировал обе конвенции МОТ, а также Конвенцию 1990 г.

¹⁶ Бельгия, Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Словения, Испания, Швеция, Великобритания.

Вступление в силу в 2003 г. Международной конвенции 1990 г. сделало ее признанным стандартом даже для тех стран, которые не присоединились к ней. Большинство стран, ратифицировавших Конвенцию 1990 г., являются странами происхождения мигрантов. Тем не менее несколько государств, ратифицировавших конвенцию, являются странами назначения (Аргентина, Чили, Ливия), а в таких государствах, как Мексика, Нигерия и Сенегал, присутствует значительное число иммигрантов, что влечет за собой определенные обязательства перед ними со стороны стран пребывания.

Ряд государств успешно инкорпорировали положения Конвенции 1990 г. в свои национальные миграционные законодательства. Проведенное недавно исследование показало, что национальные законы Бельгии, Португалии, Испании и еще ряда государств практически полностью соответствуют положениям Конвенции 1990 г. (Foblets *et al.* 2003).

В то же время медленный прогресс в ратификации Международной конвенции 1990 г. о правах мигрантов и конвенций МОТ в последнее десятилетие говорит о существующем политическом сопротивлении признанию за мигрантами, особенно нелегальными, общечеловеческих прав и стандартов. Обеспечение прав и защиты влечет за собой расходы, и это вступает в противоречие с логикой растущей конкуренции в глобализирующемся мире. Противники ратификации конвенций выступают за ограничение прав мигрантов, что обеспечит сохранение относительно низких цен на труд интернационализированной резервной армии труда, так как она будет по-прежнему дешевой, бесправной, временной и легко устранимой, когда потребность в ней снизится.

Однако следует учитывать, что отказ от обеспечения прав человека и социального обеспечения для части общества несет в себе угрозу экономическому развитию и социальному единению как для мира в целом, так и для отдельных государств.

7. Элементы миграционной политики

Управление самим явлением международной миграции, которое оказывает глубокое воздействие на экономическую ситуацию, производственные отношения и социальную сплоченность общества, должно происходить прежде всего в безусловном уважении к закону – только так могут быть обеспечены основные принципы такого управления: надежность, ответственность и практическая реализуемость. Однако существующие международные правовые инструменты формируют лишь общие подходы, на которых должна выстраиваться миграционная политика. Они касаются прежде всего защиты мигрантов и регулирования миграционных потоков.

Согласно позиции МОТ, «международный порядок управления миграцией, обеспечивающий права мигрантов, должен базироваться на принципах эффективного управления, разработанных и осуществляемых международным сообществом, которые признаются всеми странами и могут служить основой для согласованных многосторонних действий. Существующие международные конвенции, которые определяют права трудящихся-мигрантов, содержат в себе многие из необходимых принципов. Их следует дополнить лишь теми принципами, которые обеспечат упорядочение процессов миграции, что отвечало бы интересам всех участвующих сторон» (Executive... 2004).

Необходимо создать более эффективные инструменты, регулирующие отношения между трудом и капиталом в целом и такой их специфической частью, как

трудовая миграция, в частности. Стихийные рыночные силы не в состоянии создать адекватный работоспособный механизм регулирования этого явления международного порядка, которое по определению является исключительно сложным и чреватым возникновением эксплуатации и конфликтов.

В последние годы международный диалог по миграции сфокусирован прежде всего на определении общих подходов между государствами к управлению миграцией. Ясно, что будучи международным явлением по сути, миграция требует сотрудничества между странами в осуществлении управления ею. Полтора десятилетия назад делегаты 160 государств мира согласились с тем, что необходимо разработать единые отвечающие интересам всех участвующих в миграции стран подходы к управлению миграцией на межгосударственном уровне. Это нашло отражение в главе по миграции Плана действий, принятого на Международной конференции по миграции и развитию в Каире в 1994 г. (ICPD). Позже эти идеи получили развитие в Международной повестке дня по управлению миграцией (IAMM), предложенной в рамках Бернской инициативы¹⁷.

Исключительно важным было принятие Рекомендаций и Плана действий по трудящимся-мигрантам в 2004 г. на Международной конференции труда в Женеве (ILO... 2004). Эти Рекомендации формируют всеобъемлющий подход к управлению процессами трудовой миграции, основанный на правах мигрантов, в контексте рынка труда и трудовых отношений. Важно, что эти Рекомендации были приняты единогласно представителями министерств, а также руководителями профсоюзов и ассоциаций работодателей всех 177 стран – членов МОТ, участвовавших в конференции. Не менее важно, что в рамках МОТ уже имеется правовая основа, институциональная структура и организационная компетентность, которые могут быть положены в основу осуществления Плана действий. Вслед за Планом действий МОТ разработала документ «Многосторонние основы МОТ по вопросам миграции рабочей силы», который основан на подходе, обеспечивающем права мигрантов, и принимает во внимание требования рынка труда при одновременном сохранении суверенитета национальных государств в управлении миграцией (Multi-lateral... 2006).

Необходимым шагом на пути к формированию взвешенного подхода к управлению миграцией является детальная разработка национальной миграционной политики и/или плана действий. В Центральной Азии, например, Кыргызстан разрабатывает государственные пятилетние планы в области занятости и миграции, а Казахстан формирует государственную миграционную политику на основе многочисленных консультаций с национальными и международными экспертами, готовится соответствующее всестороннее миграционное законодательство.

Многосторонние основы МОТ по вопросам миграции рабочей силы включают следующие основные пункты, которые должны учитываться при разработке национальной миграционной политики:

а) Основывающаяся на международных стандартах всесторонняя национальная миграционная политика и практика.

Миграционная политика и практика могут быть результативными только в том случае, если они основываются на устойчивых законодательных актах и таким образом воплощают нормы права.

Как было сказано выше, три документа, которые вместе образуют *международную хартию по миграции*, формируют правовую основу и соответствующий

¹⁷ См.: www.gcim.org/en/finalreport.html

юридический язык для национальных законодательств и национальной миграционной политики. Положение, касающееся обеспечения юридических прав мигрантов и четких норм их деятельности, может расширить сферу легальной миграции и укрепить социальную ответственность, что может быть гарантировано только разработкой соответствующих норм права.

б) Хорошо освещаемая и прозрачная миграционная политика.

Иммиграционная политика должна быть основана на взвешенных, определенных законом нормах, принимающих во внимание потребности рынка труда. Такая система должна опираться на регулярные **оценки рынка труда**, которые призваны определить имеющиеся и перспективные потребности в рабочей силе, как квалифицированной, так и неквалифицированной. Миграционная политика должна быть тесно связана с такими элементами государственного управления, как надзор за рекрутингом, администрирование трудовых отношений, профессиональная подготовка госслужащих и представителей силовых структур, признание дипломов и квалификаций, обеспечение социальных и медицинских услуг, трудовая инспекция, оказание социальной помощи жертвам торговли людьми и др.

в) Институциональные механизмы для диалога, консультаций и сотрудничества.

Миграционная политика может быть эффективной, надежной и последовательной только в той мере, в которой она принимает во внимание интересы всех имеющих к ней отношение сторон. Основными сторонами в этом процессе являются социальные партнеры: работодатели и ассоциации работников. Ключевая роль должна принадлежать министерствам труда. В то же время к процессу принятия решений в области управления миграцией должны быть привлечены многие другие министерства и ведомства, а также институты гражданского общества и сами мигранты.

г) Внедрение минимальных национальных условий труда во все сферы экономики.

Предотвращение эксплуатации мигрантов, введение уголовной ответственности для лиц, виновных в торговле людьми, и препятствование незаконным формам занятости – все это требует введения четких минимальных национальных условий труда, которые могли бы служить защитой как для национальных работников, так и для иностранных. Конвенции МОТ, касающиеся безопасности труда, защиты здоровья работающих, принуждения к труду и дискриминации, содержат в себе минимальные международные нормы, рекомендуемые для внедрения в национальные законодательства. Важным элементом этого являются мониторинг и инспекция в таких отраслях, как сельское хозяйство, строительство, домашние работы, секс-индустрия, где особенно распространена незаконная занятость, для того, чтобы противодействовать эксплуатации, выявлять случаи принуждения к труду и обеспечивать минимальные условия *достойного труда* для всех.

д) Миграционная политика с учетом гендерного фактора.

Феминизация миграционных процессов в сочетании с тем обстоятельством, что именно женщины-мигранты чаще всего становятся жертвами насилия, принуждения и эксплуатации, требует введения в процесс принятия решений в области управления миграцией признания гендерного равенства как обязательного компонента миграционной политики.

е) План действий против дискриминации и ксенофобии.

Дискриминация и ксенофобия в отношении мигрантов являются серьезными проблемами для осуществления идеи социального единства нации в любом регио-

не мира. Многочисленные исследования, инициированные МОТ, выявили многочисленные случаи дискриминации, противоречащей закону, в отношении легальных иммигрантов в странах Западной Европы (Bovenkerk *et al.* 1995; Goldberg, Mourinho 1996; Colectivo IOE 1996; Bendick 1996; Smeesters, Nayer 1998). Всемирная конференция 2001 г. в Дурбане сформулировала всеобъемлющий план действий, специально сориентированный на борьбу с дискриминацией и ксенофобией в отношении мигрантов, на национальном, региональном и глобальном уровнях. Он основан на имеющемся опыте различных стран¹⁸. В нынешних условиях наличие специального национального плана действий против проявлений расизма и ксенофобии становится принципиальным условием достижения социального единства.

ж) Взаимосвязь между миграцией и развитием в политике и практике.

Миграция давно вносит и продолжает вносить вклад как в развитие, так и в прогресс и благосостояние общества и на родине, и в принимающей стране. Однако такой вклад будет однозначно усилен широким набором политических мер, таких как сокращение затрат и ограничений на перевод заработков мигрантов, обеспечение доступного механизма для регулярной миграции, подтверждение их квалификации, также как признание экономического и трудового вклада мигрантов.

з) Международное сотрудничество.

Принципиально важным является наличие формализованных механизмов межстранового диалога и сотрудничества между государствами, включая участие всех заинтересованных сторон. В ряде регионов мира такой диалог происходит на регулярной основе в рамках существующих региональных экономических организаций, таких как МЕРКОСУР в Южной Америке, Восточноафриканское сообщество и Экономическое сообщество стран Западной Африки (ECOWAS), Европейский союз и Содружество Независимых Государств.

8. Совместная ответственность

Продвижение норм права, рационального управления и социального единения – это совместная ответственность всех заинтересованных в миграции сторон: правительства, работодателей, профсоюзов, гражданского общества и самих мигрантов. Социальные партнеры – во взаимодействии с ассоциациями мигрантов – должны взять на себя основную моральную ответственность в деле убеждения общества и правительства в том, что подход, основанный на обеспечении прав мигрантов, в миграционной политике является наиболее рациональным и безопасным.

Основными заинтересованными сторонами являются социальные партнеры: работодатели и профсоюзы, то есть организации работников, которые представляют интересы как национальных, так и иностранных работников.

Произошел знаменательный сдвиг в позиции профсоюзов – от игнорирования миграции или даже враждебности по отношению к нелегальным мигрантам к проявлению солидарности с трудящимися-мигрантами вне зависимости от их статуса¹⁹. В течение последнего десятилетия произошло существенное встречное движение профсоюзов и мигрантов и в Европе, и в Африке, и в Америке, и в Азии. Национальные конфедерации труда и отраслевые союзы в Аргентине, Бельгии,

¹⁸ Основные элементы этой стратегии установлены в Декларации и Программе действий, принятых на Всемирной конференции против расизма и ксенофобии (WCAR) в Дурбане в 2001 г.; они включают 40 пунктов, описывающих отношение к трудящимся-мигрантам, беженцам и другим иностранным гражданам. Полный текст см. на сайте: www.unhchr.ch/pdf/Durban.pdf. См. также: www.unhchr.ch/html/racism/00-migra.html

¹⁹ Глобальный обзор позиций и деятельности профсоюзов см. в: ILO... 2002/4.

Канаде, Франции, Германии, Ирландии, Италии, Корею, Маврикии, Мексике, Нидерландах, Португалии, Испании, Швеции, Южной Африке, Великобритании и США, а также в других странах имеют теперь специальные подразделения, занимающиеся вопросами противодействия дискриминации; все они вовлечены в защиту прав мигрантов и в создание для них условий достойного труда. Основные глобальные и региональные конфедерации профсоюзов призывают к ратификации Конвенции 1990 г. и конвенций МОТ о трудящихся-мигрантах²⁰.

Институты гражданского общества также занимают активную позицию в вопросе обеспечения прав трудящихся-мигрантов. Большинство организаций гражданского общества действуют на национальном уровне, но уже появились общественные организации регионального масштаба в Азии, Центральной Америке и Европе. За последние пять лет основные организации, занимающиеся вопросами прав человека – Международная федерация по правам человека, Международная амнистия, Хьюман Райтс Вотч (*Human Rights Watch*), – уделяют большое внимание правам мигрантов²¹.

9. Воздействие кризиса

Глобальный финансовый кризис спровоцировал и глобальный кризис занятости. Кризис занятости в свою очередь оказал огромное влияние и на трудовую миграцию как таковую, и на отношение к миграции и мигрантам. Это вновь обострило вопрос о том, какой должна быть «правильная» миграционная политика.

Часто говорят, что мигрантов, как и представителей других этнических меньшинств, последними нанимают и первыми увольняют. Это четко проявилось сейчас, во время глобального экономического и финансового кризиса.

Глобальный кризис привел к существенному снижению экономической активности в мире. Многие люди прочувствовали это, потеряв работу и заработок. Предприятия во многих странах, включая Российскую Федерацию, сократили работников. В некоторых компаниях практикуется сокращение рабочего дня при сокращенной заработной плате, перевод работников на частичную занятость или увольнение без выходного пособия. Опыт прежних экономических кризисов показывает, что возвращение к докризисному уровню занятости может занимать 4–5 лет.

Согласно подготовленному МОТ Докладу о глобальных тенденциях занятости (*GET*) 2009 г., произошло существенное увеличение лиц, определяемых как безработные, работающие бедняки и лица в уязвимом положении. В зависимости от того, насколько эффективными окажутся усилия, направленные на восстановление после кризиса, Доклад оценивает глобальный рост численности безработных в 2009 г. на 50 млн по сравнению с 2007 г.

Мигранты в наибольшей степени пострадали от экономического кризиса по нескольким причинам. Труд мигрантов часто используется как «циклический буфер», цель которого, как и других мер макроэкономической политики, максимизировать экономический рост и минимизировать безработицу. Для мигрантов это означает, что их нанимают в последнюю очередь и увольняют первыми, а их трудовые отношения с работодателем не формализованы.

²⁰ См. сайт Международной конфедерации профсоюзов (ITUC): www.ituc-csi.org. Задав поиск по слову *migrants*, вы найдете более 200 статей и других материалов, касающихся отношения профсоюзов к мигрантам.

²¹ Информация о степени участия институтов гражданского общества в борьбе за права мигрантов доступна на сайте *December 18*, названном так в честь Международного дня мигрантов: www.december18.net

Во времена экономических трудностей мигранты становятся козлами отпущения: настроения ксенофобии и дискриминация в отношении мигрантов резко возрастают. Уже только это представляет собой серьезный вызов социальному миру и единству в обществе.

Данные, собранные МОТ, позволяют сделать ряд заключений о том, какое воздействие оказал глобальный кризис на трудовых мигрантов:

1) Мигранты и лица иностранного происхождения значительно пострадали от кризиса: их число непропорционально велико среди тех, кто были уволены.

2) Многие мигранты, которые сохранили свои рабочие места, столкнулись с уменьшением заработной платы и ухудшением условий труда.

3) Трудящиеся-мигранты имеют меньший доступ к системе социальной защиты. Это особенно касается нелегальных мигрантов.

4) Тем не менее многие мигранты предпочли не возвращаться домой, если они не подвергались насильственной высылке. Даже если им предлагалось финансовое вознаграждение за добровольный отъезд, они предпочитали остаться. Это происходит потому, что дома ситуация еще хуже. Если в принимающих странах есть хоть какие-то возможности трудоустройства, то дома нет никаких вообще. Случаи возвращения трудящихся-мигрантов из Европы и США в свои страны являются скорее исключением, чем правилом, и они отражают тот факт, что их страны, быть может, менее пострадали от кризиса.

5) Таким образом, мигранты вынуждены браться за любую работу. Они соглашаются на более низкую зарплату и унижительные условия, чем раньше. Это требует немедленного вмешательства властей в регулирование рынка труда и условий труда.

6) Во всем мире имели место превращение мигрантов в козлов отпущения и проявления ксенофобии в отношении иностранцев. В некоторых странах были отмечены расправы и убийства мигрантов; политический дискурс в обществе приобрел враждебный характер; звучали призывы изгнать мигрантов с рынка труда, отказать им в чрезвычайной социальной защите.

7) Многие страны сократили квоты на привлечение иностранных работников; в ряде стран были введены более жесткие правила высылки трудовых мигрантов.

8) Сократился объем денежных переводов мигрантов.

9) Ухудшающаяся ситуация в странах происхождения еще больше увеличила зависимость семей мигрантов от денежных переводов.

10) Возможности занятости, которые существовали в странах происхождения в докризисный период, сократились, что означает невозможность найти работу по возвращении. Таким образом, возвращение мигрантов на родину, возможно, представляет собой большую угрозу для социальной стабильности в странах происхождения.

Бесспорно, однако, что в долгосрочной перспективе – учитывая демографические тенденции – использование труда мигрантов будет иметь столь же большое значение для восстановления экономики, какое оно имело в последние годы для экономического роста в России, Казахстане и других странах.

10. Необходимые меры

Ясно, что при существующей тенденции к бездействию изменения в миграционной политике могут произойти только в том случае, если будет предпринято

серьезное политическое и общественное давление на правительства в пользу внедрения подхода, основанного на правах человека.

Для того, чтобы защитить права мигрантов и создать инструменты разумного, устойчивого регулирования миграционных процессов в современном глобализующемся мире, необходима разработка общих подходов и стратегий, координация действий и возможность мобилизации человеческих ресурсов. Ближайшая «повестка дня» включает в себя следующие шаги:

Установление подхода, основанного на правах человека

а) Ратификация и применение странами СНГ Конвенций МОТ № 97 и № 143 о трудящихся-мигрантах, Конвенции МОТ № 111 о дискриминации в области труда и занятости и Международной конвенции 1990 г. о защите прав трудящихся-мигрантов и их семей.

б) Создание там, где они не созданы, национальных консультативных механизмов по трудовой миграции между социальными партнерами (ассоциациями работодателей и профсоюзами) при участии соответствующих правительственных структур.

в) Разработка национальной миграционной политики и стратегии ее осуществления.

г) Гармонизация миграционных законодательств стран СНГ по трудовой мобильности.

д) Стимулирование сотрудничества правительства с ассоциациями работодателей и профсоюзами в деле разработки и осуществления миграционной политики, а также совершенствования законодательства.

е) Необходимость оказания поддержки процессу объединения трудовых мигрантов в профессиональные организации и присоединения к существующим.

Меры, на важность которых указал кризис

Воздействие глобального кризиса придало особую актуальность необходимости специальных мер защиты мигрантов в условиях дестабилизации рынков труда и возникновения угрозы социального единства в принимающих странах. Наиболее неотложные меры:

ж) Ни в коем случае не превращать мигрантов в виновников ухудшения ситуации на рынке труда и роста безработицы, в частности не практиковать насильственную высылку трудящихся-мигрантов из страны в период кризиса.

з) Всемерно пресекать расистские проявления и ксенофобию в отношении иностранцев, жестко наказывать виновных в актах насилия.

и) Усилить возможности трудовых инспекций для мониторинга ситуации в тех секторах рынка труда, где концентрируются мигранты, с тем чтобы противодействовать возможному росту их эксплуатации.

Дискриминация

к) Особое внимание должно быть уделено разработке системы мер, нацеленных на противодействие дискриминации мигрантов и усиление социального единства общества. В связи с этим следует еще раз указать на важность мер, предложенных в Декларации и Программе действий, принятых на Всемирной конференции против расизма и ксенофобии, состоявшейся в Дурбане в 2001 г.

Ключевыми элементами этой стратегии являются:

– создание правовой базы трудовой миграции, основанной на соответствующих международных нормах;

- признание уголовными преступлениями действий, которые можно классифицировать как дискриминация по национальному признаку;
- принятие административных мер для того, чтобы обеспечить адекватное применение законодательства и усилить ответственность за это государственных чиновников;
- консолидация независимых национальных общественных правозащитных антидискриминационных организаций с государственными институтами для предотвращения дискриминации в отношении иностранцев;
- превращение этнического многообразия общества и мультикультурного взаимодействия в предмет обучения и общественной дискуссии;
- придание позитивного звучания этническому многообразию и миграции в СМИ.

Заключение

В контексте современной глобализации, которая сопровождается ростом неравенства в распределении богатства и «отлучением» значительной части населения от экономического и социального благополучия, необходимо уделять большее внимание продвижению подходов, основанных на правах человека. Именно такие подходы позволяют укрепить главенство норм права, упрочить принципы демократии и создать большее равенство в распределении материального богатства, что будет содействовать социальному сплочению общества.

Миграция является сферой, где особенно очевидна необходимость четких правил и выверенной политики. Поэтому принципиально важным является продвижение основанного на правах человека подхода для обеспечения защиты мигрантов и управления миграционными процессами. Это подразумевает необходимость формирования законодательств, основанных на правах человека, признания международных стандартов труда, гуманных законов и уважения к этническому многообразию. Эти меры являются гарантией демократии и социального мира.

Первым шагом является формирование приверженности государств соответствующим международным стандартам в области прав человека, в частности принципам, провозглашенным двумя конвенциями МОТ, касающимися трудовых мигрантов, и Международной конвенцией 1990 г. о трудящихся-мигрантах. За этим шагом должны последовать признание возможностей достойного труда для всех, противодействие дискриминации и обеспечение условий для интеграции.

Для всех, кого касается международная миграция: правительств, работодателей, профсоюзов, гражданского общества и самих мигрантов, – признание главенства закона и уважение этнического многообразия является их совместной ответственностью. Ключевую роль в подготовке общества и правительства к признанию основанного на правах человека подхода к управлению миграционными процессами призваны сыграть социальные партнеры совместно с организациями мигрантов.

Достигнутый прогресс, конечно, впечатляющ, но и сохраняющиеся проблемы огромны.

Литература

- Abella, M. I.**
1997. *Sending Workers Abroad: A Manual for Low- and Middle-income Countries*. Geneva: ILO-IOM.
2002. Mondialisation, marchés du travail et mobilité. *Migrations et avenir* 14(79).

Bendick, M. Jr. 1996. *Discrimination against Racial/Ethnic Minorities in Access to Employment in the United States: Empirical Findings from Situation Testing*. Geneva: ILO.

Bovenkerk, F., Gras, M., Ramsoedh, D. 1995. *Discrimination against Migrant Workers and Ethnic Minorities in Access to Employment in the Netherlands*. Geneva: ILO.

Clandestino Undocumented Migration: Counting the Uncountable. Data and Trends across Europe. Research project funded by the European Commission, DG RTD, FP6. 2007–2009. Available at: <http://clandestino.eliamep.gr> (country reports and research briefs), <http://irregular-migration.hwwi.net> (database).

Colectivo IOE. 1996. Discrimination against Moroccan Workers in Access to Employment. In Colectivo IOE, Pérez Molina, R. (eds.), *Labour Market Discrimination against Migrant Workers in Spain*. Geneva: ILO.

Escobar Latapí, A. 1997. *Emigration Dynamics in Mexico, Central America and the Caribbean*. 12th IOM Seminar on Migration, Managing International Migration in Developing Countries. Geneva.

Executive Summary: Towards a Fair Deal for Migrant Workers in the Global Economy. International Labour Conference 92nd Session June 2004. Report VI.

Foblets, M.-Cl., Vanheule, D., Loones, S. 2003. *De Internationale VN – Conventie van 1990, Rechtsevolgen van een Belgische ratificatie; een verkennende studie*. K. U. Leuven and University of Antwerp. In Dutch. Available at: www.december18.net/web/general/d-VNconventiestudie.PDF

Goldberg, A., Mourinho, D. 1996. Empirical Proof of Discrimination against Foreign Workers in Labour Market Access. In Goldberg, A., Mourinho, D., Kulke, U. (eds.), *Labour market discrimination against foreign workers in Germany*: Geneva: ILO.

ILO. Resolution and Conclusions on Migrant Workers. International Labour Conference. 92nd Session. Geneva, 2004. Available at: www.ilo.org/migrant/download/ilcmig_res-eng.pdf

ILO. “Migrant Workers” Labour Education 2002/4. No. 129. Available at: www.ilo.org/actrav

International Labour Migration. A Right-based Approach. Geneva: ILO, 2010. Available at: http://www.ilo.org/public/english/protection/migrant/download/rights_based_appro-ach.pdf

Lean Lim, L. 1998. *Growing Economic Interdependence and its Implications for International Migration in United Nations: Population Distribution and Migration*. New York.

Linard, A. 1998. *Migration and Globalisation – the New Slaves*. Brussels: ICFTU.

Multi-lateral Policy Framework for Labour Migration. Geneva: ILO, 2006. Available at: www.ilo.org/migrant/download/tmmflm-en.pdf

Reynieri, E. 2001. Migrants in Irregular Employment in the Mediterranean Countries of the European Union. *International Migration Paper* 41. Geneva.

Ruhs, M., Chang, H.-J. 2004. The Ethics of Labour Immigration Policy. *International Organization* 58 (February).

Smeesters, B., Nayer, A. 1998. La discrimination a l’acces a l’emploi en raison de l’origine étrangere: Le cas de la Belgique. *International Migration Papers* 23. Geneva: ILO.

Stalker P. 2000. Workers Without Frontiers – the Impact of Globalisation on International Migration. Geneva: ILO.

Towards a Fair Deal for Migrant Workers in the Global Economy. International Labour Conference 92nd Session June 2004. Report VI (pp. 37–38). ILO. Available at: <http://www.ilo.org/public/english/standards/relm/ilc/ilc92/pdf/rep-vi.pdf>

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

О. Н. Тынянова

Статья представляет собой критический анализ концепта «политическая глобализация» как использующегося геополитическим гегемоном в целях снятия принципов национального суверенитета, национальных интересов, баланса сил, а также самой категории «экспансия». Обосновывается особая роль государства как основного субъекта международных отношений и гаранта мир-системного разнообразия, а также роль государственной границы как меры реального суверенитета в условиях кризиса Вестфальской системы, порожденного информационной и экономической глобализацией. Рассматриваются отдельные аспекты общетеоретических оснований разработки пограничной политики государства в поствестфальскую эпоху.

Ключевые слова: *политическая глобализация, суверенитет, геополитический гегемон, Вестфальская система, экспансия, управление, государство, национальные интересы, пограничная политика государства.*

Вплоть до недавнего времени хорошим тоном среди представителей общественных наук было употребление, а порой и злоупотребление терминами «десуверенизация», «размывание/эрозия суверенитета», особенно если (и когда) эти термины использовались в исследованиях, посвященных проблемам глобализации. В последние годы, однако, появились такие лингвистические «новообразования», как «реальный суверенитет» и «суверенная демократия», а из политического и политологического лексикона все чаще извлекаются еще недавно казавшиеся устаревшими и не вписывающимися в контекст глобализации понятия «суверенное государство» и «национальный суверенитет».

Между тем и сам глобализационный контекст, точнее, глобализационный дискурс (понимаемый в данном случае как социально обусловленный способ и стиль репрезентации реальности), отнюдь не так однозначен, как представляется на первый взгляд. Действительно, если экологическая, экономическая и информационная глобализация не вызывают (или практически не вызывают) сомнения, будучи логическим следствием управляемой хозяйственной деятельности человека, то смысл, вкладываемый в понятие «политическая глобализация», оказывается куда более сомнителен, хотя, казалось бы, последняя есть закономерное и неизбежное следствие вышеупомянутых экологической, экономической и информационной глобализации. Подобную весьма распространенную точку зрения отражает, в частности, мнение А. И. Фурсова, согласно которому экономическая глобализация есть «такой процесс производства и обмена, в котором благодаря господству информационных (то есть “нематериальных”) факторов над вещественными (“мате-

риальными») капитал, превращающийся в электронный сигнал, оказывается свободен практически от всех ограничений локального и государственного уровня – пространственных, материальных, социальных. Это... победа времени над пространством и, естественно, тех, кто контролирует время (капитал), над теми, кто контролирует пространство (государство)» (Фурсов б. г. а).

Зададимся, однако, вопросом: так ли это?

Уже первые проявления мирового кризиса показали, что транснациональные корпорации оказались не только значительно менее жизнеспособны, нежели те национальные государства, к помощи которых начали взывать рушащиеся одна за другой финансовые империи. Оказалось, что все они – в том числе и в лице своих владельцев – имеют вполне конкретные национальные «адреса прописки» и зачастую если и не выполняли определенный «государственный заказ», то по крайней мере выступали «агентами» того или иного государственного влияния. Так, по мнению профессора Университета Дж. Мейсона (Вашингтон, США) Дж. Голдстоуна, бизнес развивается, отвечая на побуждающие импульсы правительств (Голдстоун 2009).

Однако и в период экономического подъема большинство глобальных проблем имеет одновременно четко выраженный территориальный характер: финансовые, людские и информационные потоки, пересекая государственные границы, попадают на территории национальных систем законодательства и регулируются ими. На национальном суверенном уровне – и исключительно на нем – регулируются и ключевые вопросы прав человека – социальная защита и семейное право (Бородачев 2009: 152). Несомненно, все более возрастающие скорость и объем трансграничных потоков становятся вызовом для современных государств, заставляя последних постоянно (и часто весьма успешно) искать и находить все новые ответы на эти вызовы, однако вряд ли целесообразно усматривать в каждом новом вызове симптом десуверенизации.

Аргументом против глобализации политической сферы является и то, что сегодня по-прежнему не только международное право влияет на национальное, но и национальное – на формирование международно-правовых норм, поскольку таковые вырабатываются как следствие проблем, общих для ряда государств. Что же касается их имплементации в систему национальных законодательств, то есть исполнения тем или иным государством норм международного права путем их включения в национальное право, то, во-первых, это не только объективный процесс, но и проявление субъективной политической воли руководства того или иного государства, а во-вторых, «при прочих равных» (то есть объективных) условиях это происходит сегодня едва ли не чаще, чем, скажем, в XVII в. (когда нормы образовавших Вестфальскую систему Оснабрюкского и Мюнстерского договоров стали частью конституционного закона Священной Римской империи).

Другое дело, что в условиях информационной глобализации, когда СМИ переполнены материалами о внутривнутриполитических и международно-политических процессах и явлениях, справедливым оказывается не только утверждение Карла Фридриха Вайцеккера о том, что наш век – это век «всемирной внутренней политики» (Рормозер 1996), и потому вполне логичной кажется мысль, что для осуществления внешней политики необходим некий наднациональный политический институт – «Мировое правительство». Можно было бы даже утверждать, что первый шаг на пути создания такого наднационального правительства уже сделан го-

сударствами ЕС, но... Вспомним П. Сорокина, утверждавшего, что в самом общем виде социальная и культурная динамика может быть сведена к двум процессам – интеграции и дифференциации (Сорокин 2000: 773). И объединившаяся и институционализировавшая свое объединение Европа служит наглядным подтверждением этого тезиса – достаточно вспомнить не только этнополитические процессы в Бельгии, но и недавний референдум в Каталонии.

О низкой эффективности общеевропейских политических институтов пишут не только отечественные исследователи. Об этом говорил, в частности, профессор Сорбонны Фредерик Лордон, выступая на конференции «Возвращение политэкономии: к анализу возможных параметров мира после кризиса» в сентябре 2009 г., отмечая также опасность «непродуманной политической философии, лежащей в основе политической глобализации»: «Как... известно, создание общественных институтов – это в высшей мере политический вопрос, поскольку поневоле придется иметь дело с темой легитимности и принуждения. Оба этих аспекта обязательно обнаружат свое присутствие в основе подлинного глобального сообщества... Воплощенные в государствах национальные политические сообщества определенно обладают легитимностью и силой для установления правил поведения и разрешения споров в сфере экономики. Однако из этого не следует такого явления, как глобальное политическое сообщество. Из этого следует заключить, что в настоящее время просто не существует политических условий для возможности инициации процесса институционализации в глобальных масштабах. Таким образом, институционализированную глобализацию следует рассматривать как химеру... Поэтому, коль скоро институционализированная глобализация – просто фантазия, нам ничего не стоит ее отбросить и подумать об институционализации общественных институтов, которые бы контролировали процессы мировой экономики, на более низком уровне» (Лордон 2009).

Сказанное представляет интерес не только с точки зрения международных отношений, политологии и глобалистики, но и с точки зрения теории управления. Действительно, один из ее основополагающих принципов гласит, что управление возможно лишь в замкнутом контуре. Таким образом, любой наднациональный политический институт, заменяющий национальные политические институты и «по определению» создаваемый как «размыкающий» контур региона (макрорегиона), обречен на управленческое фиаско, не говоря уже о том, что даже если допустить возможность эффективности на протяжении длительного интервала времени так называемого «Мирового правительства» (понимаемого как совокупность наднациональных – глобальных – политических институтов), мировая система, управляемая таким политическим субъектом, в силу существенного снижения внутрисистемного разнообразия оказалась бы чрезвычайно нестабильной. Поскольку же важнейшей целью любого, в том числе политического, управления является снижение глобальных системных рисков, институциональная политическая глобализация оказывается как минимум бессмысленной (а как максимум – опасной). Такое снижение рисков осуществляется именно за счет укрепления института государства, что и было отмечено Д. А. Медведевым в его выступлении на международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность» в сентябре 2009 г. в Ярославле: «Мировой экономической кризис опроверг довольно модные в конце прошлого века рассуждения о снижении роли национальных государств в глобальную эпоху. И ведь не транснациональные компании,

не международные организации взяли на себя ответственность за судьбы миллионов людей в мире. Антикризисные программы, стабилизационные меры, социальная защита граждан осуществляются правительствами, осуществляются самими государствами и способствуют нормализации уже, в свою очередь, глобальной экономики» (Медведев 2009).

Надо сказать, что и в том понимании глобального управления, которое восходит к работам И. Канта и Г. Гроция и представляет собой «мироустройство», то есть потребность мирового сообщества как субъекта в управлении своим развитием в рамках международных институтов на основе международного права, отнюдь не предполагается отказ от института национальных государств как субъектов международно-правовых отношений.

В то же время следует учитывать, что информационная глобализация, развитие и применение технологий информационного манипулирования массовым сознанием, ведущее к размыванию социокультурной, а в значительной мере и этнической, и конфессиональной, идентичности, позволяют – в тех случаях, когда это выгодно тем или иным акторам политической коммуникации, – создавать отрицательный имидж государства (как синонима тоталитаризма), а также иллюзию всеобщей политической унификации (и ее привлекательности), равно как и иллюзию неуправляемости трансграничных потоков – финансовых, людских, информационных. И, однако, так называемое «китайское чудо» явилось – и является по сей день – результатом жесточайшего и высокоэффективного контроля над всеми этими потоками (в частности, именно Китай доказал, что тезис о невозможности контроля над Интернетом является не чем иным, как мифом). Поскольку же любая аналогичная политико-управленческая практика будет явно опровергать теорию неуправляемости трансграничных потоков, можно ожидать, что в условиях экологической, экономической, информационной и криминальной глобализации против любого стремящегося или просто потенциально способного усилиться государства его геополитическими конкурентами будут применяться новые технологии войны: формирование экономической зависимости, «экологическая» политика (большая часть экологических проблем являются реально трансграничными и в любой момент могут перерасти в политическую проблему или стать причиной вооруженного конфликта), «рукотворный» (управляемый) хаос (см., в частности: Владимиров 2007; Фурсов 2006; Якунин и др. 2009). Последний является достижением Нового времени, впервые испробованным и отработанным Англией на том же Китае, – речь идет об опиумных войнах. В новейшую эпоху становится все более очевидным, что управляемый хаос приобретает форму «глобальной мятежной войны», гениально предвиденной Е. Э. Месснером полвека назад, и происходит это тем быстрее и легче, что новая информационно-экономическая и социальная реальность способствует разрушению традиционной культурной самоидентификации человека и общественной солидарности (Бекетов 2009: 28).

Однако внедряя в общественное сознание концепты «демократического мира» и «расширения пространства свободы», разрушение общественной солидарности одновременно ставит под вопрос и саму категорию демократии (тем более суверенной демократии), принципиально иным образом заставляя взглянуть на тезисы о «конце истории» и «конце политики». Так, в своей работе «Кризис либерализма» видный представитель немецкой консервативной политической философии профессор университета Хоэнхайм в Штутгарте Г. Рормозер отмечает: «Если распа-

даются духовные, нравственные, этические и религиозные силы, связывающие людей, с отказом от истории общество теряет также и способность к осуществлению политики. По мере развития этого процесса и распада интегративных сил наступает момент, когда уже невозможно становится формирование коллективной политической воли, поскольку нет уже необходимой для этого реальной общности. Современная демократия культивирует свой основной миф, будто в конечном счете правит и является сувереном сам народ. Только национальная идея делает современное общество способным к осуществлению политики и демократии. Предпосылкой образования наций была общая историческая память, которая разделялась всеми. Черпая свои силы в совместном опыте, в пережитом, в общей истории, нация становится общностью судьбы. В противоположность этому либеральный порядок исходит из того, будто существуют лишь индивиды, наделенные равными правами и объединившиеся на основании договора в государство. Однако в действительности такие обособленные индивиды, самостоятельно преследующие свои интересы в соответствии с договорными отношениями, действуют лишь в сфере экономики» (Рормозер 1996).

Возможности манипуляции общественным сознанием в геополитической сфере в значительной степени облегчаются наличием в современном международном праве двух основополагающих и взаимоисключающих принципов: принципа территориальной целостности государства (нерушимости границ) и права наций на самоопределение. Манипуляция данными принципами позволяет представить содержание концепта международной безопасности не как баланс сил, а как такое управление новым мировым порядком, когда, как отмечает Л. Е. Гринин, «безопасность большинства государств обеспечивает фактически мировое сообщество *в лице наиболее сильных государств* (курсив мой. – О. Т.)»¹ (Гринин 2008: 95), отчего политическая глобализация принимает вид глобальной системы международно-политического «неофеодализма», если не подобия римской клиентелы времен поздней Империи (см.: Данилевский 2005: 10–39; 236–285).

Таким образом, мы имеем дело с подменой понятий: то, что понимается под политической глобализацией, есть не что иное, как «старая добрая» борьба за геополитическую гегемонию, из чего вытекает ряд следствий.

Во-первых, понимаемая подобным образом политическая глобализация обречена заканчиваться кризисом гегемонии в силу уже упоминавшегося положения теории управления. Становясь мировым, то есть «размыкая» контур региона (макрорегиона), гегемон утрачивает возможность геополитического управления, а с ней и собственную гегемонию. Как справедливо отмечает по этому поводу И. А. Чихарев, «современный кризис... представляет собой кризис мироуправления. <...> Организационно-политическая инфраструктура мирового сообщества формируется с конца XV столетия. В ее центре – управленческая деятельность государств-лидеров, инновационных наций, которые в условиях международной конкуренции, проходя отбор в крупных военных конфликтах, создают и развивают основы современной миросистемы: технологическую (от каравелл до систем глобального позиционирования), финансовую (от нидерландских банков до элек-

---

¹ Весьма показательна в этом смысле и формулировка А. И. Уткина «Гегемония вместо баланса сил», вынесенная в качестве названия главы монографии (Уткин 2001: 16). См. также: Тихомиров 2007: 475 – 484; Вебер 2009: 3–15; Фурсов б. г. б.

тронных бирж), информационную (от меркаторовских карт до геоинформационных систем) и политическую (от договоров в Тордесильясе и Вестфалии до Объединенных Наций, ЕС и НАТО). С конца XIX столетия, с появлением и интенсивным развитием мгновенной коммуникации, названные подсистемы качественно усложняются, однако организационно-управленческая инфраструктура остается принципиально неизменной»; между тем на рубеже XX и XXI вв. «ставка была сделана на проект транснационального либерализма, предусматривающего распространение дерегулированной глобализации на основе политической инфраструктуры “демократического мира” и “расширения пространства свободы”. Последним концептам было придано наступательное значение: соответствующие силовые стратегии были реализованы в 2000–2008 гг. неоконсервативной администрацией Дж. Буша-мл.» (Чихарев б. г.).

Во-вторых, государство, основными целями которого являются собственные население и территория, не только было, но и по-прежнему остается главным субъектом (и главным объектом) мирового порядка. Несомненно, в условиях информационно-экономической и социальной глобализации мир, превратившийся в единую миросистему (если вслед за А. Н. Чумаковым [Чумаков 2006: 49–56] использовать термин Валлерстайна не в макроэкономическом, а в собственно системном смысле), становится чрезвычайно чувствителен к локальным социальным процессам, однако чувствителен именно на уровне отдельных государств, причем отнюдь не только оказавшихся «слабым звеном» в борьбе за геополитическую, геоэкономическую и геокультурную гегемонию. Так, «разгосударствление» отдельной территории каждый раз становится серьезной проблемой для большинства государств и межгосударственных объединений и блоков – достаточно упомянуть Афганистан, воюющие государства «Черной Африки» и проблему пиратства. И чем более взаимозависимым становится современный мир, тем с большим основанием к нему оказывается применимо более чем столетней давности высказывание Х. Маккиндера: «Всякий взрыв общественных сил, вместо того, чтобы быть рассеянным в окружающей среде неизвестного пространства и варварского хаоса, будет отрезонирован самыми дальними частями света, и слабые элементы в политическом и экономическом организме мира рассыплются на куски» (цит. по: Parker 1982: 149).

Из того, что государство остается основным субъектом и объектом мирового порядка и борьбы за геополитическую гегемонию, следует, что граница как фундаментальная геополитическая категория отнюдь не исчезает, – подобно тому, как не исчезала она и ранее в условиях ослабления государства и соответственно усиления националистических и этноконфессиональных тенденций. Как показывает политическая история сложносоставных государств, ослабление позиций политического центра на пограничной периферии ведет к восстановлению и повышению значимости прежних административных, этнических, конфессиональных, лингвистических и прочих границ, каждой из которых соответствующий региональный (этнический, конфессиональный) центр стремится придать статус государственной. Это в свою очередь позволяет предположить, что сама категория границы отражает важнейший аспект восприятия территориальности (и государства как формы существования на той или иной территории) на уровне индивидуального и коллективного сознания.

Справедливости ради надо сказать, что пришедшая на смену либеральной модели этатистская тенденция (вызванная и усиленная кризисом) знаменуется «воз-

вращением» в западное и западноориентированное сознание представлений о территориальности – «возвращением» государства, национального суверенитета и государственных границ. Весьма показательно в этом отношении появление концепта «мир без Запада» как апологии государства: «Суверенные государства получают внутри своих границ возможность устанавливать отношения между правительством и подданными. Эти отношения лишь внешне имеют рыночный характер, но не признают никаких реальных прав либо обязанностей помимо выполнения заключенных соглашений. Легитимность международных институтов ограничивается лишь обслуживанием этих соглашений и достижением заложенных в них целей» (Барма и др. 2008).

Что же касается различного рода неправительственных организаций-сетей – от ТНК до международного терроризма, – то в политической истории можно найти немало примеров конкуренции вертикально-иерархических (государственных) и «горизонтально организованных» структур (примерами последних можно считать и мировые религии до периода их «огосударствления», и военно-монашеские ордена Средневековья), причем каждый раз эта конкуренция заканчивалась приспособлением сетей для нужд государства. Весьма показательным в этом смысле является обращение Ф. Броделя, а затем и И. Валлерстайна, и А. И. Фурсова к примеру «длинного XVI в.», начавшегося эпохой Великих географических открытий (по аналогии с ним А. И. Фурсов использует термин «длинный XXI в.»): именно на этот период приходится очередная победа государства над сетевыми структурами – рыцарскими орденами – и окончательное превращение их в один из инструментов борьбы за геополитическую гегемонию. В скобках заметим, что «расширение ойкумены» и ранее, и ныне требует именно подобного превращения, поскольку если *завоевание* нового пространства (от колониальных территорий до космоса) вполне возможно «актерами вне суверенитета» (от отдельных авантюристов раннего Нового времени до современных ТНК), то *освоение* его (то есть управление) предполагает включение государственного управленческого аппарата. Так, лишь государствам с наиболее эффективными (для своего времени) государственно-управленческими технологиями в начале Нового времени было под силу создавать и поддерживать функционирование инфраструктуры, связывающей метрополию с колониями, и лишь создание *государственного* космического агентства (NASA) позволило Америке осуществить высадку астронавтов на Луне.

Наконец, еще одним следствием, вытекающим из тезиса о подмене понятий «политическая глобализация» и «мировая политическая гегемония», является то, что таковая подмена, будучи сама по себе формой информационной войны (или, если угодно, пропагандистской кампании), чрезвычайно выгодна ведущей ее державе-гегемону. Действительно, если есть естественный процесс политической глобализации, нет никакой политической экспансии. Если есть политическая глобализация, речь перестает идти о территориальной целостности государства, для которого в условиях глобальной политической целостности бессмысленным оказывается сохранение собственных территорий. Если есть политическая глобализация, любое государство может быть превращено из субъекта международных отношений и политического управления в объект таковых, в результате чего ему могут быть навязаны такие политические и экономические взаимоотношения и с теми объектами политического управления (также некогда бывшими его субъектами), какие и с кем это выгодно державе-гегемону.

Казалось бы, превращение национального суверенитета в вид ресурса в геополитической борьбе, в инструмент политической манипуляции в руках отдельных геополитических акторов должно было бы свидетельствовать в пользу трансформации борьбы за геополитическую гегемонию в политическую глобализацию. И, надо сказать, такое мнение существует (в том числе как навязанное в ходе пропагандистских кампаний), о чем свидетельствует появление таких лексем, как «американская, исламская, европейская [и прочие] модели глобализации». Между тем подобного рода диктат держав-гегемонов прослеживается на примере всей политической истории Нового времени, и подобная манипуляция суверенитетом есть лишь новая его форма. В то же время такой диктат ощущается как глобальный тем в большей мере, чем в большей мере осознается миром наличие в нем всеобщих связей, чем более целостным он себя воспринимает. Неудивительно, что геополитическая гегемония США воспринимается сегодня уже как нечто почти inferнальное (и, по-видимому, с каждым следующим этапом осознания глобализации таковым, если не более зловещим, будет восприятие и каждого следующего мирового гегемона).

В свою очередь по мере осознания миром своей целостности и взаимозависимости и у представителей политического класса державы-гегемона может возникать определенный оптимизм в отношении универсальности транслируемых им ценностей и интересов и заинтересованности мирового сообщества быть их реципиентом. Однако еще основатель и виднейший представитель школы политического реализма Г. Моргантау подвергал критике присущий американской политической и социальной философии оптимизм относительно всеислия разума и универсальности американских ценностей и интересов, приводящих, по его мнению, к преобладанию во внешней политике США идеализма, морализма и сентиментализма, которым следовало бы противопоставить учет интересов и возможностей других государств. Неслучайно один из принципов теории реализма Моргантау предполагает отказ от отождествления моральных устремлений конкретного государства с универсальными моральными законами, поскольку ни одно государство не обладает монопольным правом ни на добродетель, ни на установление всеобщей моральной нормы (см.: Morgenthau 1952; 1955; 1960).

Итак, мы имеем дело не с политической глобализацией, а с борьбой за геополитическую гегемонию в условиях экологической глобализации и глобального изменения характера – увеличения объема и скорости движения – информационных, людских и финансовых потоков. Для понимания того, по какой причине подобного рода реалии позволяют говорить о ставшем очевидным уже к концу XX в. кризисе Вестфальской системы международных отношений, обратимся к политической истории Европы.

Собственно, Вестфальский договор – два подписанных в 1648 г. мирных соглашения (Оснабрюкское и Мюнстерское), завершивших Тридцатилетнюю войну в Священной Римской империи и Восьмидесятилетнюю войну между Испанией и Соединенными провинциями Нидерландов, – положил начало новому порядку в Европе, основанному на концепции государственного суверенитета: согласно нормам, установленным Вестфальским миром, главная роль в международных отношениях, ранее принадлежавшая монархам, перешла к суверенным государствам.

При этом Вестфальский мир не только разрешил те противоречия, которые привели к Тридцатилетней войне, но и явился основой современного европейского

менталитета и европейского строительства. Так, уравнив в правах католиков и протестантов и отменив ранее действовавший принцип Аугсбургского мира «чья власть, того и вера», он провозгласил вместо него принцип веротерпимости, снизивший значение конфессионального фактора в отношениях между государствами и ставший зародышем современных «толерантности» и «политкорректности». Вестфальский мир положил конец стремлению Габсбургов расширить свои владения за счет территорий государств и народов Западной Европы и подорвал авторитет Священной Римской империи: старый иерархический порядок международных отношений, в котором германский император считался старшим по рангу среди монархов, был разрушен, и главы независимых государств Европы, имевшие титул королей, были уравнены в правах с императором. При этом, строго говоря, конец Вестфальского мира знаменовали завоевательные походы наполеоновской армии, однако вплоть до недавнего времени сохранялись неизменными основные принципы Вестфальской системы международных отношений, а именно: приоритет национального интереса, принцип баланса сил, приоритет государств-наций и принцип национального (государственного) суверенитета, составными частями которого являются право государства требовать невмешательства в свои дела, равенство прав европейских государств и обязательство выполнять подписанные договоры.

Таким образом, причиной настойчивого стремления геополитического гегемона внедрить в общественное сознание концепт «политической глобализации» является и то, что таковой снимает не только принцип национального суверенитета, но и приоритет государств-наций (кроме геополитического гегемона) и их национальных интересов и принцип баланса сил, а также делает необязательным выполнение державой-гегемоном подписанных договоров.

В то же время, говоря о Вестфальском суверенитете, следует иметь в виду, что он является «преемником» и формой существования династического суверенитета, когда «территории – это данные уже существующие территории, которые удостоверены прежде всего именно этой своей фактичностью, а не какими-то правовыми уложениями» (Филиппов 2006: 187), что вплоть до недавнего времени определялось формулой Макса Вебера: «Государство – это узаконенное право на территорию». Как справедливо отмечает по этому поводу профессор Стэнфордского университета, в недавнем прошлом директор отдела политического планирования Госдепартамента США Стивен Краснер, «легальный международный суверенитет и Вестфальский суверенитет предполагают вопросы власти и легитимности, но не вопрос контроля» (Там же: 188). Между тем в отличие от династического суверенитета – суверенитета «по факту владения» – современный «поствестфальский» суверенитет эпохи экологической, информационно-экономической и «криминальной» глобализации представляет собой суверенитет «по факту контроля». В геополитической плоскости это вопрос нового «передела мира», то есть раздела территорий между геополитическими центрами силы не просто на сферы влияния, но и на сферы ресурсного потребления.

В этих условиях особую актуальность приобретает один из основных постулатов геополитики – спустя столетие после того, как его сформулировал Ф. Ратцель: границы есть периферийный орган государства и как таковой служат свидетельством его роста, силы или слабости и изменений в его организме. Именно возможность политического центра удерживать в сфере своего политического, экономи-

ческого и культурного влияния собственную пограничную периферию становится сегодня мерой реального национального суверенитета, показателем геополитического статуса того или иного государства, причем нормальное осуществление внутреннего контроля в немалой степени оказывается зависящим от внутренней поддержки и базиса легитимности (Филиппов 2006: 195). В этой связи принципиальной представляется позиция по вопросу суверенитета классика немецкой геополитики К. Шмитта, отмечавшего, что «для реальности правовой жизни важно то, кто решает. Наряду с вопросом о содержательной правильности стоит вопрос о компетенции» (Там же: 194), причем в качестве основного критерия суверенитета Шмиттом была выбрана компетенция объявления чрезвычайного положения: «...поскольку власть есть способность крайнего насилия и поскольку она признается как таковая, можно говорить о политическом единстве, у которого есть власть. Фактически применяемое насилие, фактически вводимое чрезвычайное положение только делают видимыми... базовую рамку или, как принято говорить в современной социологии, фрейм власти. Это единство может быть не признано внешними силами, но говорить о том, что его вообще нет, можно не ранее, чем оно потеряет способность радикального суверенного решения относительно того, кто друг, а кто враг, с кем война, объявляется ли чрезвычайное положение и т. п.» (Там же: 195). В случае Российской Федерации сказанное имеет непосредственное отношение к вопросу разграничения полномочий между федеральным центром и приграничными субъектами Федерации. В частности, в условиях подписания Президентом РФ соглашения об освоении ТЭК Якутии Китаем существенную угрозу национальному суверенитету и территориальному единству России представляет положение конституции Республики Саха (Якутия), в соответствии с которым к компетенции президента данного субъекта РФ до сих пор относится введение и отмена на его территориях или в отдельных его местностях режима чрезвычайного положения (ст. 72)².

В этой связи остро встает вопрос о пограничной политике и пограничной стратегии государства как о специфическом виде политико-управленческой деятельности. Так, исторически термином «пограничная политика» обозначается позиция государства по проблемам, возникающим как во взаимоотношениях с сопредельными государствами именно в силу наличия общих границ, так и в связи с трансграничными коммуникациями в целом, а также касательно путей и методов решения таковых проблем. В эпоху глобализации, однако, речь уже должна идти о пограничной политике как о государственном управлении приграничными регионами, то есть практически о центрально-периферической организации государства – совокупности элементов, процессов и действий, ведущих к эволюции взаимосвязей между пограничной периферией и политическим центром государства.

Задаваясь вопросом о том, что же связывает политический центр и пограничную периферию государства, следует выделить прежде всего культурные смыслы, исторически сформированные (и находящие отражение в «официальной» истории), заложенные в национальной идее и государственной идеологии и воспроизводящиеся в образовательном процессе, культурные «маркеры» пространства, язык, а также инфраструктуру – как правовую, так и инфраструктуру в собствен-

---

² Подробнее о политико-правовом аспекте проблемы разграничения компетенции между федеральным центром и приграничными субъектами РФ см.: Тынянова 2008: 149–157.

ном смысле слова (транспортную, городскую, энергетическую, социальную, инженерную, военно-инженерную).

Именно состоянием совокупности этих элементов и определяется в настоящее время состояние пограничной безопасности страны. В этой связи несколько подробнее хотелось бы остановиться на проблеме города: именно он в условиях «криминальной глобализации» и «управляемого» хаоса принимает на себя основные тяготы «глобальной мятежевойны», главным театром которой становится психологическая сфера. Именно приграничные города (в том числе и малые, и моногорода), где вырабатываются представления о картине окружающего мира, включающие все символы-формы общественной жизни и быта, где в образовательном процессе воспроизводятся национальная идея и образы пространства – собственного и сопредельного, – становятся важнейшим фактором национальной безопасности: «глобальная мятежевойна» превращает каждый из них одновременно и в укрепленный район, и в культурный «маркер» пространства, «плацдарм» геокультурного влияния центра на пограничную периферию. В России этот вопрос приобретает особую остроту, поскольку культурно-психологическое давление на жителей приграничных регионов оказывается как со стороны так называемых «национально-освободительных» (сепаратистских по сути) движений, ведущих партизанскую войну за отторжение части территории страны по этноконфессиональному принципу, так и со стороны ряда государств – традиционных субъектов «классической» войны, одновременно активизирующих и политику силы в собственном смысле (в форме традиционного военного строительства), и политику «мягкой силы» (“soft power”) – культурное давление на приграничные регионы. Весьма показателен здесь пример Китая, модернизирующего свои вооруженные силы и осуществляющего политику «мирной экспансии» в отношении дальневосточных и сибирских приграничных территорий РФ, в том числе путем внедрения на них «китайского элемента» в городскую культуру и образовательную среду; это тем более чревато серьезными геополитическими последствиями, потому что происходит в отсутствие у России национальной идеи и внятно артикулированной государственной идеологии, а также в условиях слома отечественной образовательной традиции.

Стратегическое значение инфраструктуры приграничных территорий состоит и в образовании за счет нее опорного каркаса – остова, придающего территории определенную конфигурацию, формирующего и «держашего» ее в качестве «пространственной скрепы» между центром и пограничной периферией, и способность элементов военно-инженерной инфраструктуры трансформироваться со временем в гражданскую превращает ее в социально-политическую опору государства в приграничных регионах, а сотрудников пограничных органов – в представителей центральной власти. В свою очередь и принципы организации пограничной службы (наряду с принципами военного строительства) исторически выполняли функцию «пространственной скрепы», особенно в случае сложносоставных государств с высокой степенью этнической, политико-административной, хозяйственной и цивилизационной гетерогенности пограничной периферии, что в современных условиях позволяет видеть в пограничной службе «несущий» элемент противодействия не только «криминальной», но и политической глобализации.

Весьма показателен в этом смысле пример пограничной политики ФРГ, составляющей (вместе с Францией) ядро Евросоюза: фактическое превращение восточных соседей Германии в «привратников» ЕС, увеличение численности (и технической оснащенности) Федеральной пограничной охраны прежде всего на вос-

точном направлении, а также создание и поддержание усилиями СМИ негативного образа «эмигранта с востока» (Буршель б. г.) свидетельствуют отнюдь не в пользу глобальной унификации политического пространства и всеобщего «размывания» границ. Другое дело, что концепция «прозрачности границ» успешно применяется в отношении *внутренних* границ объединенной Европы, поскольку между объединяющимися сторонами согласованы все политические и экономические вопросы, отсутствуют территориальные претензии и ликвидированы причины, способные породить конфликты. Однако, как показывает пример Германии, барьерные функции *внешних* границ ЕС, все более приобретающих вид «крепости Европы», увеличиваются в той же степени, в какой снижаются внутри Евросоюза, причем гарантом безопасности этих границ выступает блок НАТО, что наглядно подтверждает еще одно положение теории политического реализма Г. Моргентау: базовым понятием мировой политики по-прежнему остается национальный интерес, определяемый в терминах власти/силы, содержание которого, равно как и способ властвования, обусловлено политическим и культурным контекстом. Как показывает современная политическая практика, концепт «национального интереса», в эпоху расцвета либеральной парадигмы рассматривавшийся наравне с государством в качестве «уходящей природы» (см., например: Rosenau 1990; Цыганков 1994) и подвергавшийся критике даже такого приверженца политического реализма, как Р. Арон (Aron 1984: 97–102), сохранил свое значение и с выходом на международно-политическую арену «акторов вне суверенитета» – негосударственных субъектов мировой политики, поскольку таковые либо имеют своей целью создание собственного государства (или квазигосударства), либо (вольно или невольно) в конечном итоге реализуют интересы «третьих» геополитических центров силы.

Сохранение (несмотря на активное внедрение концепта «политической глобализации») национального интереса в качестве фундаментальной категории международных отношений и геополитики находит свое отражение в нарастании в государствах и Евросоюзе, и АТР тенденции к расширительной трактовке категории национальной безопасности и секьюритизации таких сфер, как энергетика и экономика в целом и даже Интернет. В этих условиях проводимый политической элитой России курс на десекуритизацию границы – выведение пограничных проблем из сферы безопасности – свидетельствует об отказе от политики национальных интересов, несмотря на все попытки прикрыться государственно-риторикой. В пользу такого понимания десекуритизации говорят и перенесение на пограничное пространство России интеграционной модели так называемой «старой» Европы и формата «прозрачных» внутренних границ Евросоюза, в том числе в форме лишения пограничной службы военной компоненты (в условиях значительного снижения уровня обороноспособности ВС России и сокращения численности пограничных органов при сохранении Россией своих коалиционных обязательств по охране государственных границ ряда членов СНГ и ЕврАзЭС), и реорганизация пограничной службы РФ по административно-территориальному принципу. Подобный подход к пограничному строительству и в предыдущие исторические эпохи неоднократно приводил к распаду сложносоставных государств; современная же российская «суверенная демократия» реализует его в условиях сохранения нормативной правовой базы этнополитической дезинтеграции пограничного пространства страны, олигархизации (и «феодализации») региональной власти и критического с точки зрения территориальной безопасности России раз-

личия в развитости инфраструктуры приграничных регионов, особенно между европейской и азиатской частями страны.

Подобного рода пограничную политику, являющуюся наглядным примером успешной информационной войны, проходящей под лозунгом политической глобализации, весьма недвусмысленно характеризует высказывание И. Зевелева времен первого президентского срока В. Путина: «Путин же делает... шаги, которые можно назвать “десекуритизацией”. Он выводит трения, существующие у России во взаимоотношениях с Западом, из сферы безопасности. <...> Происходит переосмысление места России в мире и в системе международной безопасности. Путин... акцентирует не роль России как самостоятельного центра силы, а ее интеграцию в мировое сообщество. Он заявляет о своем стремлении интегрировать Россию в мир, где Запад в целом и – прежде всего – США лидируют. Путин приступил к изменению проецируемого внешне образа России: желаемый им образ – это не центр силы в многополярном мире, а европейская страна» (Зевелев 2002).

«Второе пришествие» государства как субъекта мировой политики и концепта «национального интереса» (а также таких его постоянных спутников, как геополитика и геостратегия) со всей остротой потребовало пересмотра теоретико-методологических подходов к исследованию территориальности применительно к условиям экологической и информационной глобализации. При этом, говоря о кризисе Вестфальской системы международных отношений и суверенитета, следует отметить и проблему кризиса современной геополитики (Миньяр-Белоручев 2008: 207) и геополитологии («отрасли, занимающейся геополитикой как изучаемым типом политической мысли и политической практики» [Цимбурский б. г.]). Согласимся с мнением П. М. Галлуа (Gallois 1990) и его интерпретацией П. А. Цыганковым: «...революция в средствах связи и транспорта, развитие информатики и появление новейших видов вооружений радикально изменяют отношения человека и среды, представления о „больших пространствах“ и их роли» (Цыганков 1994). Однако, как уже отмечалось выше, эти проявления информационной глобализации и научно-технического прогресса едва ли «делают устаревшим и недостаточным понимание силы и могущества государства как совокупности его пространственно-географических, демографических и экономических факторов» (Там же): здесь, по-видимому, следует говорить лишь о том, что сегодня такое понимание становится возможным только в рамках междисциплинарного подхода.

Междисциплинарными становятся сегодня и исследования пограничного пространства государства, образовавшие недавно выделившуюся из геополитики самостоятельную отрасль научного знания – погранологию, требующую разработки собственной теоретико-методологической базы. Помимо унаследованной от самой геополитики теоретико-методологической неопределенности, затрудняющей выявление причинно-следственных связей, проблемами новой отрасли знания стали неоднозначность и размытость дефиниций и то, что, несмотря на частое употребление применительно к пограничной сфере терминов «система» и «системный анализ», эта сфера практически не рассматривается в качестве сложной системы, так что при ее изучении не используются ни системный, ни системно-деятельностный (см., например: Щедровицкий 1983; Юдин 1997; Поздняков 2008), ни информационно-деятельностный (Полищук 2002; Арлычев 2005) подходы. Поскольку же по-

прежнему значительным остается разрыв между естественно-научным и гуманитарным знанием, практически не допускающим какую бы то ни было обусловленность социальных процессов и явлений природными (физическими, биологическими, космическими и пр.) факторами, анализ геополитических процессов осуществляется вне связи с природной средой. Результат – абсолютизация социального детерминизма (тут же делающего исследователя «жертвой» теоремы о неполноте К. Гёделя) и избыточная «мифологизация» геополитики, превращающая ее из сферы научного знания в форму мистического учения, в чем в значительной мере кроются истоки малой креативности современной отечественной (и не только) теоретической и практической геополитики, подменяющей геополитическое моделирование малопродуктивными с методологической точки зрения рассуждениями о положении России между Востоком и Западом и об одно-, двух- или многополярном мире, а государственную политику и стратегию – ситуационным реагированием.

При этом, как ни парадоксально, современная геополитическая методология оказывается одинаково равнодушной и к физике, и к метафизике. Так, с одной стороны, ни многочисленные исследования в области ритмов и циклов живой природы, социально-экономического развития и исторического процесса (и признание продуктивности «натуралистического» – организменного, гомеостатического – подхода [см., например: Долматова 2009; Теслинов 2000; 2001]), ни традиции философии космизма практически не повлияли на отношение не только геополитики, но и в целом современного обществознания к социально-политической сфере как к «высшей» по отношению к «низшей» области физических закономерностей, что до сих пор аргументируется ссылками на физикализм XVIII в., – хотя представители квантовой физики (начиная с Э. Шрёдингера) неоднократно отмечали значительное сходство между «квантовой» реальностью и картиной мира религиозно-философских концепций Востока (см., например: Шрёдингер 2005; Капра 1994; Данилевский 2005). С другой стороны, метафизика до сих пор либо остается едва ли не «ругательным» термином, либо используется в качестве теоретического обоснования «геополитического мистицизма и эзотеризма». Между тем глобализация делает все более актуальными исследования таких метафизических проблем, как онтология геополитического мира и основы «тождества личности», в том числе «системной памяти»³, связывающей воедино сегодняшнюю политическую и социальную идентичность человека с его предшествующими политическими и социальными идентичностями.

Таким образом, ответ на вызов «кризиса мироуправления» предполагает осмысление возрастающей роли государства и государственных границ (а с ними и политической идентичности) как «несущих» элементов глобальной миросистемы, обеспечивающих ее жизнеспособность, и выработку научной парадигмы геополитики и геостратегии на основе междисциплинарного подхода. При этом необходимость поиска адекватного ответа на вызовы глобализации все настоятельнее требует возвращения отечественного научного сообщества на позиции политического реализма, если, конечно, таковое научное сообщество мыслит свое участие в глобализационных процессах в качестве их субъекта, а не объекта.

---

³ Термин С. Н. Гринченко (см.: Гринченко 2004).

Литература

Арлычев, А. Н. 2005. *Сознание: информационно-деятельностный подход*. М.: КомКнига.

Барма, Н., Вебер, С., Ратнер, Э. 2008. Мир без запада. *Россия в глобальной политике* 4. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/33/9969.html>

Бекетов, Н. В. 2009. Глобализация как процесс формирования информационно-экономического пространства: социальные аспекты развития мировой и национальной экономических систем. *Век глобализации* 1: 28–32.

Бородачев, Т. 2009. *Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки»*. М.: Европа.

Буршель, Ф. [Б. г.] Вовлечение населения в деятельность пограничной службы Германии на немецко-польской границе. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.indepsocres.spb.ru/bursh_r.htm

Вебер, А. Б. 2009. Современный мир и проблема глобального управления. *Век глобализации* 1: 3–15.

Владимиров, А. И. 2007. *Концептуальные основы Национальной стратегии России: политологический аспект*. М.: Наука.

Голдстоун, Дж. 2009. Где искать источники экономического роста в нашем изменчивом мире? *Международная конференция «Возвращение политэкономии: к анализу возможных параметров мира после кризиса»*. Москва, 11–12 сентября. *Стенографический отчет*. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.inop.ru/files/polit_theor_st_1.doc

Гринин, Л. Е. 2008. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета. *Век глобализации* 1: 86–97.

Гринченко, С. Н. 2004. *Системная память живого (как основа его метаэволюции и периодической структуры)*. М.: ИПИ РАН, Мир.

Данилевский, И. В. 2005. *Структуры коллективного бессознательного: Квантовоподобная социальная реальность*. 2-е изд., испр. и доп. М.: КомКнига.

Долматова, С. 2009. Как устойчивый рост подменил жизнеспособное развитие. *Международная жизнь* 2–3.

Зевелев, И. 2002. Россия и США в начале нового века: анархия – мать партнерства. *Pro et Contra* 7(4).

Капра, Ф. 1994. *Дао физики. Исследование параллелей между современной физикой и мистицизмом Востока*. СПб.: ОРИС, ЯНА-ПРИНТ.

Лордон, Ф. 2009. Адье, глобализация! Выход из кризиса в регионализацию. *Международная конференция «Возвращение политэкономии: к анализу возможных параметров мира после кризиса»*. Москва, 11–12 сентября. *Стенографический отчет*. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.inop.ru/files/polit_theor_st_1.doc

Медведев, Д. А. 2009. Выступление на международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность» 14 сентября 2009 г. Ярославль. *Президент России. Выступления и стенограммы*. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5469>

Миньяр-Белоручев, К. В. 2008. Российская геополитика в контексте глобализации: проблемы методологии. В: Абылгазиев, И. И., Ильин, И. В. (ред.), *Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания*. М.: ФГП МГУ.

Поздняков, А. И. 2008. *Системно-деятельностный подход в военно-научных исследованиях*. М.: ВАГШ.

Полищук, С. В. 2002. Информационно-деятельностная структура знания и информационный подход. *Межрегиональная научно-практическая конференция «Подготовка специалистов в современных условиях: ценности, цели, результаты»*: сб. материалов. Абакан.

Рормозер, Г. 1996. *Кризис либерализма* / пер. с нем. М.: ИФ РАН. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/rormoz.html>

Сорокин, П. А. 2000. *Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений*. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та.

Теслинов, А.

2000. Гомеостаты в естественных целостностях. В: Горский, Ю. М. и др. (сост.), *Гомеостатика живых, природных, технических и социальных систем*. М.: СГИ.

2001. Гомеостатика в организационном управлении. *Информационные технологии в науке, образовании, телекоммуникации и бизнесе: Труды XXVIII Международной конференции IT+SE'2001*. Ялта; Гурзуф.

Тихомиров, Ю. А. 2007. *Управление на основе права*. М.: Формула права.

Тынянова, О. Н. 2008. Сила и слабость вертикали власти. *Россия в глобальной политике* 6(4): 149–157.

Уткин, А. И. 2001. *Мировой порядок XXI в.* М.: Издатель Соловьев; Алгоритм.

Филиппов, А. 2006. Суверенитет как политический выбор. В: Гараджа, Н. (сост.), *Суверенитет*: сб. М.: Европа.

Фурсов, А. И.

2006. Рукотворный кризис. *Золотой Лев* 95–96. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.zlev.ru/95_10.htm

[Б. г. а] Корпорация-государство. Доклад на заседании клуба «Красная площадь». Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=124>

[Б. г. б] Силовая глобализация. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://rutube.ru/tracks/2102222.html?v=a02834bf8958a8c268e616c0ebc13b82>

Цимбурский, В. Л. [Б. г.] Геополитика как мировидение и род занятий // Библиотека РГИУ. Интернет-ресурс. Режим доступа http://www.i-u.ru/biblio/archive/cimburskiy_geopolitica_as_mirovidenie/#top

Цыганков, П. А. 1994. Геополитика: последнее прибежище разума? *Вопросы философии* 7–8. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.philosophy.ru/library/vopros/66.html#_ednref13

Чихарев, И. А. [Б. г.] Кризис мироуправления. Сетевой портал журнала «ПОЛИС». Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.polisportal.ru/Chicharev_crisi.html

Чумаков, А. Н. 2006. *Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст*. М.: Канон+, Реабилитация.

Шрёдингер, Э. 2005. *Мой взгляд на мир* / пер. с нем. Р. В. Смирнова. М.: КомКнига.

Щедровицкий, Г. П. 1983. Системодетальный подход в анализе и оценке места и функций естественно-научных картин мира в современном мировоззрении. *Научная картина мира как компонент современного мировоззрения: материалы симпозиума*. М.; Обнинск.

Юдин, Э. Г. 1997. *Методология науки. Системность. Деятельность*. М.: УРСС.

Якунин, В. И., Багдасарян, В. Э., Сулакшин, С. С. 2009. *Новые технологии борьбы с российской государственностью*. М.: Научный эксперт.

Aron, A. 1984. *Paix et Guerre entre les nations*. Paris: Calmann-Lévy.

Gallois, P. M. 1990. *Geopolitique. Le voies de la puissance*. Paris: Plon.

Morgenthau, H. J.

1952. *A Critical Examination of American Foreign Policy*. New York: Alfred A. Knopf.

1955. *Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace*. 2nd ed. New York: Alfred A. Knopf.

1960. *The Purpose of American Politics*. New York: Alfred A. Knopf.

Parker, W. H. 1982. *Mackinder. Geography as an Aid to Statecraft*. Oxford: Clarendon Press.

Rosenau, J. 1990. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

МИРОВОЙ КРИЗИС

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС: ПРИЧИНЫ, НАПРАВЛЕНИЯ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

В. Гаджиева

Научная обоснованность идейного начала глобализации рассматривается в статье как первостепенное условие развития глобализации в направлении формирования динамичной глобальной системы. Исследуются причины кризиса, наблюдаемого ныне в трех подсистемах: политической, правовой и экономической. Выдвигается тезис о том, что главная проблема заключается в системе норм и базовых ценностей глобальной системы. Также приводятся основные принципы соответствующей деятельности в направлении разрешения проблемы.

Ключевые слова: *глобальный кризис, глобализация, глобальная система, глобальная структура, глобальные ценности, демократия, политика, право, экономика, причина, проблема, нормы, базовые ценности.*

Процесс формирования глобальной структуры – глобализация

Процессы ускорения темпов сближения границ, расширения экономических, энергетических, технологических и информационных связей, названные глобализацией, ставят политических и юридических акторов, ответственных за контроль над системными процессами, перед необходимостью действовать в единой системе. При этом для субъектов, играющих главную роль в этом процессе, важно не остаться в стороне от этой системы. Сформировавшаяся глобальная политическая, правовая и экономическая система создает благоприятную возможность для решения ряда гуманитарных глобальных проблем (демографической, продовольственной, экологической и т. д.). Другими словами, формирование глобальной структуры или процесс глобализации протекает по следующей схеме: *повышение темпов развития экономических, технологических и информационных отношений → укрепление политико-правовой организации → культурная, гуманитарная и экологическая глобализация.*

Глобальные ценности как основа глобальной структуры

Сказанное выше не должно быть понято так, будто глобализация, ведущая к созданию глобальной системы, суть объективное явление, имеющее своим началом научно-технический прогресс и другие экономические процессы. Подходя к проблеме именно с таких позиций, некоторые авторы считают глобализацию не политическим, а социально-экономическим феноменом (Иноземцев 2008). Вместе с тем объективно обусловленная глобализация, которой пытаются следовать поли-

тики в своей стратегии, есть опасное, непредсказуемое, разнонаправленное явление, ведущее к созданию непрогрессивных, **нецивилизованных структур** (в настоящее время подобные структуры встречаются на международной арене). Структуризация, организация, в том числе и политическая, стремящаяся к контролю над всеми процессами, обязательно должна опираться на такую социально-философскую концепцию, которая содержала бы в себе не только политические цели и принципы, но и морально-духовные ценности. Очевидно, что в идеале глобализация должна привести не к глобальному хаосу и кризису, а к действенной, динамичной и стабильной глобальной структуре.

Для построения системы и обеспечения ее долговечности политические цели и амбиции, содержащиеся в идее, на которую опирается концепция глобальной системы, должны учитывать как современные реалии, так и закономерности исторических процессов, потенциал выдвинутых самой историей международных политических акторов, периодически реализующих идею всемирного господства. В противном случае с усилением/ослаблением мощи государства в исторически кратчайшие (исчисляемые десятилетиями) сроки система может столкнуться с кризисом или потребуются замена еще несформировавшейся структуры новой.

С другой стороны, чтобы обеспечить формирование глобальной системы, конкретизировать ее структуру, морально-духовные критерии, заключенные в исходной концепции глобальной системы, должны обладать способностью к социализации во всех культурных регионах мира, быть востребованными населением этих регионов.

Провал глобализации демократических ценностей

Одной из главных причин неэффективности базовых ценностей современной глобальной системы явилась попытка обобщения, придания принципам и процедурам того или иного государственного устройства как некой гуманистической идее общечеловеческого характера. Еще Аристотель указывал на научную несостоятельность попыток применения универсальной структуры (например, демократии. – В. Г.) к различным странам. Другой причиной следует признать попытки манипулирования этими идеализированными принципами государственности, превращения их посредством силового давления или уступок в инструмент обеспечения собственных интересов в межгосударственных отношениях. Иными словами, еще одной причиной неэффективности базовых ценностей современной глобальной системы является стремление возвести идею, неспособную к обобщению, до уровня международных правовых норм и использовать ее затем в целях дискредитации.

Демократические ценности не стали общечеловеческими. По тем или иным объективным и субъективным причинам (нелегитимный характер власти, стремление отдельной личности или группы насильственным образом оставаться у власти; обеспечение существующим правительством интересов сильных держав в регионе и как ответная реакция – защита этого правительства международными политическими игроками [Египет] и т. д.) применение подобной системы в некоторых странах Европы и Азии, Среднего Востока, Латинской Америки не представляется возможным как на данном этапе, так и в перспективе. Однако если народ не является источником власти, если не реализуется общенародная воля, то не может быть и речи о демократии. Представляет интерес то обстоятельство, что государства – приверженцы принципов глобализации во имя обеспечения своих интересов в регионе и сохранения международных связей вынуждены смириться

со сложившейся ситуацией. Оправдывая, по сути дела, забвение демократических ценностей, эти силы подвергают опасности глобальную систему, основанную на данной идее. С другой стороны, в ряде стран вследствие их географического расположения и региональных позиций, с учетом демографических показателей и исторически существующих проблем в отношениях с соседними странами процесс демократизации может представлять угрозу национальной безопасности, территориальной целостности, внутреннему порядку и стабильности. По этой причине смену правительств этих стран нельзя рассматривать как проявление демократии. Таким образом, указанные ценности потенциально не способны приобрести статус общечеловеческих.

Видимая структура и причины кризиса

Ряд исследователей и экспертов склонны рассматривать глобальный кризис как историческое следствие глобализации. В этом случае глобализация воспринимается как общность, унификация, размывание границ (экономических, культурных, идеологических и т. д.). Однако независимо от степени унификации отношений, углубления межгосударственных отношений и взаимосвязи разных регионов мира подобная целостность не в состоянии обеспечить функционирование глобальной системы как единого государства, поскольку разнородность, суверенитет международных субъектов сохраняются. В то же время кризис, возникший в политической, правовой и экономической структурах государства, нельзя объяснять его культурной или экономической общностью. Если государство переживает кризис во всех своих подсистемах (политической, экономической и правовой), то очевидно, что *проблема заключается в отсутствии согласия и гармонии как в системе ценностей, норм и правил, так и между указанными тремя подсистемами*. Подрывая связи между указанными тремя подсистемами, индивидуальные и групповые интересы ставят систему не только перед угрозой распада, но и, самое главное, способствуют отчуждению основополагающих ценностей. То же самое происходит и с глобальной системой. В настоящее время во всех данных системах наблюдаются кризисные явления. Поэтому восстановить систему на основе отчужденных норм и ценностей представляется невозможным.

Падение авторитета приоритетных ценностей и последовавшее за этим падение авторитета международного права (спровоцированное доминирующими политическими силами, отодвинувшими ценности на задний план ради защиты собственных стратегических, экономических, религиозно-психологических, групповых и индивидуальных интересов) приводят в конечном счете к политико-правовому и экономическому кризису. Экономические процессы могут разворачиваться только на основе устойчивого и долгосрочного доверия. В свою очередь долгосрочное доверие зиждется не на противостоянии, а на текущих стратегических и региональных интересах и ценностях.

Сохранение доминирующими силами авторитета и роли приоритетной ценности связано с выдвиганием на передний план проблемы ее защиты, что в свою очередь возможно лишь в процессе соперничества данной ценности с другими ценностями. Если устранение противоположности первоначально и сопровождается резким скачком глобальной экономики, развертыванием глобализационных процессов вокруг одной ценности (в течение 20 лет после окончания холодной войны), то в дальнейшем лишенная своей противоположности и нашедшая закрепление в праве ценность начинает отчуждаться, терять свой авторитет. Идеологический вакуум представляет угрозу реально протекающим процессам, становится

источником серьезного и неизбежного кризиса (достаточно сослаться на случаи, когда политические силы в ряде стран не защитили ценности от посягательств, применялись двойные стандарты в отношении базовых принципов международного права и т. д.).

Приоритет текущих стратегических экономических интересов крупных экономических структур, олигархических группировок в ущерб идеологическим и правовым принципам ведет к усилению власти олигархов как в экономике, так и в политике, что в свою очередь способствует ослаблению и развалу вместе с нормами и самих глобальных структур. Монополизация олигархической группировки как экономики, так и политики (невозможно обеспечить устойчивость экономической власти, не монополизировав политику) вызывает апатию наряду с политикой и в экономике. Апатия в политике, праве и экономике ведет к утрате доверия к международным организациям, доминирующим политическим, правовым и экономическим структурам. Необходимость обеспечения своих интересов в условиях утраты легитимности вынуждает к применению силы (например, США в Ираке).

Глобальный экономический кризис является не просто международным политико-правовым кризисом, а выступает как продолжение политико-экономического кризиса внутри самих ведущих государств мира. И нынешний экономический кризис также является следствием монополизации политической системы экономическими олигархами этих стран.

Если в политико-правовой сфере причиной кризиса явилась невозможность универсализации демократических принципов, то в экономической сфере этой причиной стала либерализация экономики, нашедшая свое выражение в преобладании в экономике последних десятилетий либеральных ценностей.

Рост виртуальных финансов, не подкрепленных материальными ресурсами, падение авторитета экономических ценностей, норм и правил организации бизнеса, углубление экономических различий между слоями населения при отсутствии опоры на культурно-интеллектуальный потенциал, апатия и утрата веры в принцип экономической справедливости, в эффективность предпринимательства и перспективы деловой активности, рост безработицы и сокращение производства, ведущая роль одних и тех же акторов в глобальной экономической системе и т. д. – все это привело к комплексному проявлению всемирного экономического кризиса.

Если и политическая система государства, и международные политические отношения превращаются в руках ведущих игроков в средство, а макроэкономические и международные экономические процессы контролируются олигархическими группировками, то это значит, что кризис на деле первоначально возник в рамках политической системы. Монополистическая деятельность определенной олигархической группировки, не имеющей надстройки, и создание ею виртуальных финансов, лишенных соответствующей материальной опоры, падение производства и рост инфляции закономерным образом ведут к кризису.

Вероятность распада глобальной структуры

Глобальный политический кризис развивается по двум направлениям: 1) Сохранение существующего положения международных организаций. Отсутствие реформ может впоследствии привести к потере шансов организации на сохранение, а попытка организоваться вновь чревата большими трудностями. Мир в таком случае погрузится в хаос; 2) Рост давления великих держав, требующих предоставления юридически оформленного контроля над ситуацией в мире, проталкивание ими в этих целях своих сторонников в Совет Безопасности и другие орга-

низации, что может довести соперничество между ними до опасного уровня. В свете сказанного новая организация должна опираться на нормы и принципы, на основе которых в дальнейшем можно было бы держать под контролем процессы и обеспечить должный порядок в мире, даже несмотря на то, что эти принципы и порядок могут служить определенным политическим целям.

Безусловно, следует принимать во внимание удельный вес политических игроков, вовлеченных в этот процесс, определить долю их участия в нем. В противном случае никакая норма и никакие стандарты не будут иметь юридической силы. Однако это участие должно иметь нормативно-правовое обеспечение. При этом нормы должны быть отобраны таким образом, чтобы данные субъекты взяли на себя лишь благие обязательства, служили бы миру и порядку.

Пути выхода из глобального кризиса

То обстоятельство, что кризис охватил всю глобальную структуру, выдвинув на передний план проблему норм и принципов каждой подсистемы (политической, экономической, правовой), делает необходимым создание новой философско-идеологической системы с соответствующими организационными структурами и международно-правовой базой или реконструкцию уже имеющейся. Речь идет о разработке новой идеологической системы и средств ее конкретизации, опирающихся на синтез и совершенствование христианско-демократических ценностей Европейского союза, исламских и региональных принципов, лежащих в основе Организации Исламской конференции, и конфуцианства, являющегося опорой китайской государственности. При этом актуализируется проблема разработки единой философской концепции. Этой цели служат научные изыскания С. Халилова, в частности поиски им «общечеловеческого идеала», стремление разработать философскую концепцию «Восток – Запад» (Халилов 2004). Новая философская система, опирающаяся на культурно-духовные проявления ислама, буддизма и христианства и характеризующаяся общечеловеческим содержанием, должна акцентировать внимание на общих ценностях ислама, буддизма и христианства и обрести духовно-нравственную форму, обладать общечеловеческой силой. В дальнейшем на основе этой философии должны быть разработаны политические принципы, предложена структура, найдены пути правового обеспечения, преобразования ценностей в нормы.

В качестве общих и высших ценностей должны выступать не демократические принципы и процедуры, а культурно-духовные, интеллектуальные критерии, такие как гуманизм, толерантность, общечеловеческие ценности и др. Основным критерием, предъявляемым к подсистемам – государствам, должен быть гражданский, легитимный, социальный и светский характер власти. В основу формирования власти должен быть положен критерий ее прогрессивности. Ревизия ценностей не должна производиться в форме технической процедуры, допускающей формализм, искажения, фальсификации и манипуляции.

Литература

Иноземцев, В. Л. 2008. Современная глобализация и ее восприятие в мире. *Век глобализации* 1: 31–44.

Халилов, С. С. 2004. *Восток и Запад: на пути к общечеловеческому идеалу. Философские этюды*. Баку: Университет «Азербайджан».

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

НЕ ОПОЗДАТЬ!

(Одна посылка – бесконечность следствий)

Ю. Ф. Карякин

Замечательному русскому мыслителю – философу, литературоведу, публицисту, политику – Юрию Федоровичу Карякину исполняется 80 лет. К этой славной дате мы публикуем статью философа, написанную в своей основе еще в прошлом веке, но не потерявшую актуальности и в наши дни.

Ключевые слова: *человечество, народ, человек, жизнь, смерть, экология, демократизация, ценности, нравственность, совесть, духовность, индивид, цивилизация, культура, генофонд, глобальные проблемы.*

Пять минут, всего, всего только пять минут
опоздал!.. Опоздал!!!

Ф. М. Достоевский

Я отказываюсь принимать конец человека...
Человек не просто выстоит, он восторгается.

У. Фолкнер

Есть горькие слова: «Можно, пожалуй, сказать, что назначение человека заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар непригодным для обитания». И не верится, что это – Ламарк, 1820 г.

Есть и такие, не менее горькие, слова: «Можно сказать, что мы живем на острове, сделанном из пироксилина. Но, благодарение богу, мы пока еще не нашли спички, которая подожгла бы его». Это – Вальтер Нернст, физик, нобелевский лауреат, год 1921-й. Но этому уже веришь, потому что знаешь: очень скоро, всего через 24 года, «спичку» не только нашли, но еще скорее, в невероятных и все возрастающих размерах, организовали изобретательство и производство таких «спичек».

Тенденции смертельно опасного (если его не остановить) экологического кризиса наметились давно. Земля – крохотная свечечка во Вселенной – грозит сгореть сразу с обоих концов.

Новое «дано»

К середине XX в. вся история разделилась вдруг и явно (а подкралось это разделение тихо и незаметно) на два периода: позади – долгий путь человечества, практически (и психологически) бессмертного, впереди – путь только что начавшийся, но – под знаком беды небывалой, под знаком нарастающей (пока) угрозы

самоубийства человечества. Мало того. Эта новая неожиданная периодизация относится не только к судьбе рода людского, но и – через деятельность людей же – к судьбе вообще всей жизни нынешней на Земле.

Известно: чем меньше посылок и больше следствий из них, тем содержательнее теория (сформулировано Анри Пуанкаре). Но сейчас перед нами – одна-единственная сухая и жестокая посылка, одно-единственное «дано»: человеческий род, вся жизнь стали практически – технически! – смертными. Это «дано» означает возникновение совершенно новых координат, ориентиров, критериев как мировоззрения, так и всей деятельности нашей. Эта посылка влечет за собой следствия неисчислимы. Вот лишь несколько из них.

О времени живом и мертвом

Первое – это абсолютно новое *времяощущение*. Бессмертие человеческого рода предопределяет одно отношение ко времени, смертность – абсолютно другое, а то или иное времяощущение уже и само по себе предопределяет возможности гибели или спасения.

Здесь, вероятно, нельзя обойтись без таких понятий-образов: *время живое и время мертвое*; живое, когда жизнь цветет, когда, по крайней мере, ее можно спасти, мертвое – когда ничего уже сделать нельзя, когда земной корабль наш улетел *не туда*, и не вернешь его обратно, не изменишь его курс.

Раньше у нас действительно была в запасе вечность, и мы жили как бы по песочным часам: проходил день, год, век – мы переворачивали их, и время начиналось заново, текло, как прежде. А теперь оно стало словно *вытекать* из бытия, из раненного нами бытия, вытекать, как кровь из раны.

Сколько верного написано о катастрофическом, обвальном, обрывном времени в эстетике Достоевского. Но вот, словно очнувшись, мы увидели это время воочию, догадались, наконец, что сами – давно, реально – *и живем* в этом самом катастрофическом, обвальном, обрывном времени, находимся в самом эпицентре борьбы времени живого и мертвого.

Раньше аксиомой было убеждение, что время само по себе уже работает на прогресс: чем больше времени впереди, тем больше, дескать, оно и работает. Но тем самым подспудно подготавливалась, провоцировалась безответственность: ничего, мол, ничего абсолютно не страшно, раз время за нас. Можно ли безоговорочно и бездумно повторять это сейчас? Но, может быть, точнее было бы сказать, что сейчас приходится *бороться за время, как бороться за жизнь: это одна и та же борьба*.

Раньше все расчеты, все надежды людские на лучшее будущее опирались на незыблемое убеждение в том, что будущее вообще будет непременно, а потому, рано или поздно, будет и лучшее будущее; в крайнем случае, допускали только его отсрочку. Раньше задержка на историческом пути означала: просто одним шагом от заветной цели *дальше*, просто одним часом до нее *дольше*. Теперь такая задержка может оказаться роковой: одним шагом к катастрофе *ближе*, одним часом до нее *быстрее*.

И вдруг постигаешь: «...эта живая жизнь есть нечто до того прямое и простое, до того прямо на нас смотрящее, что именно из-за этой-то прямоты и ясности и невозможно поверить, чтоб это было именно то самое, чего мы всю жизнь с таким

трудом ищем... Самое простое принимается всегда лишь под конец, когда перепробовано все, что казалось мудреней или глупей» (Ф. Достоевский).

Но потому-то: *не опоздать!*

«Последние» вопросы становятся первыми, утопия – реальностью

Бессмертие рода нашего, прежнее времяощущение (то есть неисчерпаемость времени живого), взнуздывая будничную, необходимую, но слишком часто суетную деловитость людей, невольно провоцировало *откладывание* «последних», «вечных» вопросов, откладывание их именно напоследок: «Обождут – на то они “вечные”!» Провоцировалось и принесение «вечного» в жертву «временному»: за нами, мол, не пропадет! Оказалось: может пропасть, может *все* пропасть – именно из-за этого постоянного привычного откладывания.

Но угроза гибели рода человеческого породила категорический императив, требующий сегодня сделать «последние» вопросы гуманистического идеала самыми первыми; вопросы философские, «вечные» – социальными, политическими, неотложными; вопросы, казавшиеся абстрактными, – самыми конкретными; вопросы, традиционно переживаемые в одиночестве великими умами и сердцами человечества, – вопросами масс, вопросами для всех и каждого. Происходит *великая спасительная демократизация великих вопросов* (не путем снижения их уровня, а путем возвышения людей к ним).

Веками, тысячелетиями люди учились и выучились – не слушать, не выслушивать, не дослушивать, не понимать друг друга.

Веками, тысячелетиями люди учились и выучились главным, решающим аргументом споров своих считать огонь, нож, пулю, казнь, войну, короче – убийство. Убийство – как критерий правоты, критерий истины...

Веками исподволь насаждалось и царило убеждение, будто чем дешевле человеческая жизнь (а она ценилась реально все дешевле, до нуля дошла по мере роста численности людей), тем, дескать, почему-то обеспеченнее, надежнее будущее человечества.

Веками шло чудовищное состязание различных изуверских теорий, каждая из которых обосновывала необходимость как можно более длинного проскрипционного списка (чем он длиннее, тем, мол, «чище» будет оставшееся человечество, а короткие списки воспринимались даже как несолидные, несерьезные, неавторитетные, что ли).

И вот выяснилось: «убий человечество»! И началось с «убий человека». Выяснилось: в проскрипционный список попал весь род людской, жизнь вся попала – от человека до одноклеточных.

Но тем самым люди и оказались перед выбором: либо выучиться слушать и понимать друг друга, пожелать этого как спасения и счастья, относиться к каждой личности, к каждой народности, к каждой расе как к неопределимому достоянию человечества, либо погибнуть в самоубийстве. И сейчас мы должны вспомнить, откопать, оживить, «преувеличить», если угодно, все до единого светлые моменты в истории людей, народов, человечества, моменты действительного миролюбия, взаимопонимания, спасительных, мудрых компромиссов.

Наше время таково, что «идеализм» (не в философском, конечно, смысле, а именно от слова «идеал») и становится единственно реальной, то есть спаситель-

ной политикой, а безыдеальная, бездуховная, безнравственная политика делается буквально самоубийственной.

Человечеству предстоит великими вопросами о смысле своего существования, своего духовного и социального бытия, вопросами, которые откладывались до бесконечности, – теперь всему человечеству и предстоит этими «вечными» великими вопросами отдалить выстрел и сделать его невозможным.

Новый хронотоп

Есть такая категория: *хронотоп*, то есть художественное время-пространство, или *изображение* времени-пространства (основной жанрообразующий принцип). В различные эпохи в разных литературах были разные хронотопы, однако у всех художников – от Гомера до Пушкина и Льва Толстого – они оставались (и казалось, навсегда) как бы видами одного, наполненного животрепещущим бытием хронотопа: в определенном времени-пространстве – живая жизнь, живые люди, вечно живой род человеческий, несмотря на смерть индивида.

А каким должен стать – становится – хронотоп сейчас?

Мы долго дискутировали и проглядели, что дискутируем при давно уже мнимой гарантированности будущего как такового. Какой будет литература будущего? Это всецело зависит от ее реальной роли в *спасении* самого этого будущего.

Одно ясно: самый грозный час в истории человечества – это и самый великий, ответственный, самый совестливый час литературы. Жизнь или смерть рода – вот что определяет все остальное, все жанры, стили, формы.

И если (или когда) человечество сможет перевести, наконец, дух и сказать себе: самое страшное уже позади, самоубийство, похоже, исключено, – то кому прежде всего оно будет этим обязано? Конечно, это будет делом усилий политиков, ученых, будет результатом небывалых социальных общенародных движений, но и – высшим проявлением писательской совести.

Механизм непримирения со смертью рода

Да, раньше веками, тысячелетиями все мироощущение, все мировоззрение наше (пусть даже религиозное, пусть даже бессознательное) основывалось на том, что хотя отдельный человек смертен, зато человечество практически бессмертно. Человек умирает. Но остаются дети. Остаются плоды труда его. Будут жить другие люди, народ, человечество. Есть историческая память. Герострат и тот совершил свой поджог исходя именно из этого (и таки добился своего: проклинают, но ведь помнят же). Даже трагедия вымирания, гибели какого-либо племени, народа, государства, целого общества, цивилизации целой восполнялась жизнью других племен, народов, государств, цивилизаций.

Работал и все совершенствовался именно этот механизм сознания (и подсознания, конечно), механизм, словно бы рассчитанный самой природой, запрограммированный ею именно на практическое бессмертие человечества, на практически бесконечное его развитие, – механизм примирения со смертью индивида.

«Смерть кажется жестокой победой рода над *определенным* индивидом и как будто противоречит их единству; но определенный индивид есть лишь некое *определенное родовое существо* и как таковое смертен» (К. Маркс). Иначе говоря, смерть отдельного человека и была утверждением жизни рода, его развития; отдельная смерть и *восполняется* общей родовой жизнью. Но чем может восполниться смерть всего рода? Над кем это будет «победа» и чья?

Как «завести» и пустить на полную мощность механизм непримирения со смертностью рода? Неужели нет его вовсе? Или – разладился за долгой ненадобностью?

«Человек есть существо родовое <...> Он должен проявить и утвердить себя как родовое существо и в своем бытии, и в своем знании» (К. Маркс). Человечество как единый род и есть высшая форма социальности, высшая форма реального гуманизма, тем более перед угрозой небытия.

Между прочим, в десятках энциклопедий вообще отсутствует само понятие «человечество», «человеческий род». «Человеко-час» есть, «человекообразные обезьяны» есть, «человечества» – нет. Нас – нет. Что подумают о нашем родовом самосознании инопланетяне и как мы им будем рекомендоваться при встрече?

Лучше быть разными в жизни, чем одинаковыми в смерти

Но в том-то вся острота, вся сложность проблемы, что выработка нового мироощущения, нового мировоззрения – *единства человеческого рода* – происходит при всех исторически сложившихся и существующих социальных, классовых, национальных, политических *противоречиях* – *внутри самого этого рода*. Их не отбросишь. От них не абстрагируешься.

Есть немало софизмов: лучше быть мертвым, чем верующим (или неверующим), христианином (или не христианином), мусульманином (или не мусульманином)...

И ведь слышим мы это не только от фанатиков, но и от обыкновенных банальных словоблудов, циников, попугаев, которые на деле трусят постыдно и мерзко: на смерть других согласны, на свою – ни за что, и сами, втайне, в этой подлой трусости своей, а еще больше в тупости, надеются выжить.

Лучше быть разными в жизни, чем одинаковыми в смерти, – человечество поистине выстрадало эту простейшую и мудрую, спасительную, возвышающую людей истину, выстрадало ее немислимо, непостижимо дорогой ценой, выстрадало, что сама эта разность, сами эти различия между людьми, народами, нациями, расами, странами и есть условие всеобщей жизни человечества, условие ее развития, иначе говоря: эти различия и есть живая жизнь реального человечества. *Быть разными в жизни и значит – жить*.

Право на жизнь... Нет права на жизнь без права на образ жизни, как нет права на образ жизни без права на жизнь. И нельзя противопоставлять одно другому. Право на жизнь и есть право на образ жизни, на социальный, политический, национальный, духовный образ жизни каждого народа, каждой нации, каждой страны (впрочем, я лишь пересказываю здесь Устав ООН).

Вы убеждены, что ваш образ жизни хорош и даже лучше других (для вас лучше)? Превосходно.

Вы хотите силой, угрозой, «крестовым походом», войной навязать его всем? Это и есть сегодня убийство и самоубийство человечества. Нельзя превращать исторический спор о том, чей образ жизни лучше, в войну, то есть в смерть всякого образа жизни вообще.

Нет, социальные, антагонистические противоречия не отменишь и сегодня, но способы, методы, пути, формы их разрешения не могут не модифицироваться, и, во всяком случае, они должны быть подчинены главнейшему – сохранению жизни рода человеческого, жизни вообще.

Поэтому и наука современная интенсивно разрабатывает *теорию компромиссов*. Мы должны создать инструмент для отыскивания разумных компромиссов. Надо понять, что без науки это сделать невозможно, мир стал чересчур сложен...

Благородна, прекрасна, естественна жертва жизнью своей ради ребенка, матери, друга, любимой, ради людей, родины, народа, ради правого дела, ради истины, чести, человеческого достоинства, ради человечества и самой живой жизни. Такая жертва веками воспевалась и воспевается как подвиг. И чем были бы люди без таких подвигов?

Преступна, безобразна, бессмысленна, противоестественна жертва жизнью всего человеческого рода ради... ради чего?! Нет и быть не может ничего на свете, ради чего можно было бы принести такую жертву. Нет и быть не может такой идеи, которая оправдала бы эту жертву. Так чего же ради? Ради смерти?! Лучше быть всем мертвыми, чем всем живыми?! И какой смысл, какая разница в том, с какими лозунгами на устах погибнут все?! Какое, какое значение будет иметь в этот последний момент жизни человечества любой лозунг: «Лучше быть мертвым», «Есть вещи поважнее мира», «Да здравствует...» Что «да здравствует»?! Кто, где, когда будет «здравствовать»?! «Да здравствует... смерть»?! Спросили бы о лозунгах у хиросимцев, у ста тысяч хиросимцев в момент их убийства...

Еще раз: одна посылка и бесконечность следствий

Века понадобились европейскому человечеству, чтобы перейти от язычества к христианству, и еще века – от теизма к деизму (от Бога-вседержителя, без чьего ведома ни один волосок не смел упасть с головы человека, до Бога, оставившего в своей власти практически лишь начало и конец света), от Птолемея к Копернику и Галилею. Десятки лет самые сильные умы мучительно переживали «драму идей», связанную с переходом от Ньютона к Эйнштейну и Бору, когда даже гении не признавали, не понимали друг друга. Но какая драма хоть отдаленно может быть сравнима с нынешней? Не видно и нет, конечно, никакой аналогии тому мировоззренческому перевороту, который должен произойти сейчас во всей массе людей, произойти к тому же беспрецедентно быстро.

Когда Анри Пуанкаре сформулировал свою идею (теория тем содержательнее, тем продуктивнее, чем меньше в ней посылок и больше следствий), он имел в виду математику. Подозревал ли он, что идея эта универсальна? Во всяком случае, она работает и в мировоззренческом плане, причем работает здесь так, как может быть, нигде еще не работала: всего одна-единственная посылка и – действительно бесконечность важнейших спасительных следствий, составляющих в своей совокупности именно *положительную* программу.

Формула эта (одна посылка – бесконечность следствий) представляется не просто удобным выражением или методическим приемом изложения. Вероятно, она имеет смысл принципиальный, методологический, именно мировоззренческий. Прежде всего она помогает начать упорядочивать небывалый хаос, состоящий из потока, лавины небывалых вестей. Эта формула – саморазвивающаяся, открытая. Она открыта для всех. Каждый человек, которому действительно дорога жизнь рода своего, который хоть на миг испытал, что значит «благоговение перед жизнью» (Альберт Швейцер), несомненно, найдет, что ему здесь сказать, подумать, сделать, какой вклад внести в эту бесконечность следствий: он в нее и входит, он в ней, так сказать, предусмотрен.

Вероятно, самый ближайший и конкретный смысл этой формулы и состоит вот в чем: *каким быть человеку* – каждому человеку, любому – при новой «посылке», при новом «дано»? Как научиться «геройству консеквентности» (Александр Герцен), геройству последовательности, как *переделаться*?

И, наверное, надо прежде всего понять: *вся истина спасения* не может родиться в одной голове, самой гениальной. Вместиться ей там – и то невероятно трудно, а скорее всего – невозможно. Но добывать ее, добывать ее *часть*, человек должен только сам и – в братстве, в кооперации со всеми, кто ее добывает так же.

Осознать, столь же честно, сколь и глубоко, *свою ограниченность* – уже великое дело, это первый, труднейший, но гигантский шаг вперед. Осознать свою ограниченность – значит осознать необходимость в уме, воле, знании, таланте, силе других. Только так можно найти свое место, свой максимум в общем труде, слить свои силы с силами всех других, а это уже и будет безграничность сил.

Раньше все вопросы ставились и решались в координатах практически гарантированной жизни человечества и природы. Теперь – в координатах выбора между жизнью и смертью. Причем спасти жизнь, одолеть смерть можно, ориентируясь только на самые высшие социально-духовные формы жизни.

Угроза практического апокалипсиса вызвала у многих апокалипсис гносеологический: возникло состояние, подобное *состоянию невесомости*, в которое человек попадает вдруг, неожиданно, без всякого предупреждения, без какой бы то ни было тренировки, а ведь и годами специально натренированные космонавты в кабинах, начиненных всевозможными приборами, – и те бывают потрясены этим состоянием: где «верх»? где «низ»? «север»? «юг»? на что опереться? Все, все перемешалось, кружится, разламывается голова, мутит, тошнит... Это – у космонавтов. А тут?..

У многих и возникло состояние мировоззренческой и психологической невесомости. Когда новые факты, вопросы протиснулись, пробились, ворвались к нам, настигли нас и заставили себя признать, они потрясли нас так, как ничто и никогда еще не потрясало. Как? Самоубийство всего человечества? Гибель всей жизни земной? Всей прошлой, настоящей, будущей культуры? Нерождение бесконечных будущих поколений? Истребление их в генах? И время, вечное время живое, сжимается на глазах, как шагреновая кожа?! Человек, высшее проявление жизни, «венец творения», может уничтожить как таковую всякую жизнь?! И смерть, самоубийство грозит человечеству, в сущности, на самой, самой ранней заре его жизни, при самых первых шагах его бесконечного, казалось, пути, когда только-только открылись перед ним фантастически прекрасные перспективы?! И плоды миллиардолетнего стихийного развития жизни, плоды тысячелетнего сознательного развития культуры могут быть обращены в ничто, в прах – за считанные мгновения?!.. Нет, это слишком, слишком противоестественно. Не может этого быть, потому что это-то уж действительно не может быть никогда...

Невыносимо трудно, порой почти невозможно осознать все это. Но еще невыносимее осознать, что новое «дано» – это «дано» *навсегда* (вместе с бесконечностью следствий). Новой периодизации уже не переделаешь, к прежней, гарантированной бесконечной жизнью, эпохе – не вернешься. Слишком хрупкой оказалась жизнь человечества и вся земная жизнь, и мы знаем еще далеко не все опасности, подстерегающие нас. Земля превратилась как бы в «лабораторию», и какой-нибудь

опрометчивый эксперимент, какой-нибудь непредвиденный взрыв может оказаться роковым. История навсегда стала борьбой за историю, жизнь человеческого рода – борьбой за эту жизнь, борьбой за жизнь природы. Будущее отныне нам не дано-даровано – его надо добывать, защищать, завоевывать...

Но вот тут-то и начинаешь, наконец, понимать значение вопросов, которые Достоевский вслед за Гоголем называл «непосильными». Начинаешь понимать, что и не осилить их – нельзя, но только – всем вместе.

Безгранично человеческое воображение, всеильным кажется разум, но есть вещи, которые вообще непознаваемы без непосредственной встречи с ними, без непосредственного переживания этой встречи. Ожог, боль от ожога – никаким воображением и никакой логикой нельзя представить себе, что это такое, пока не обожжешься сам. Без ожога (в прямом и переносном смысле) невозможно никакое познание, никакая гносеология. А еще больше невозможны они без любви к живой жизни, без «благоговения перед жизнью», но и – без непосредственной встречи со смертью. Есть такие вещи, которые и для отдельного человека абсолютно непостижимы никаким иным путем, кроме непосредственной встречи его со своей смертью, и только тогда он делает *самое-самое главное и самое простое открытие* из всех дарованных человеку: *открытие бесконечной ценности жизни живой*. По-видимому, так же и всему роду человеческому понадобилась встреча со своей смертью, со своей возможной смертью, понадобилась самая непосредственная угроза этой смерти, чтобы противостоять ей, чтобы избежать ее, победить, чтобы осознать, постигнуть, наконец, такое, что никаким другим путем непостижимо. Приходится признать как закон, что встреча со смертью – действительно ничем не заменимый способ познания «вечных» истин, по крайней мере – способ приобщения к ним. И никакое познание, никакая гносеология не может обойтись без таких встреч, не обрекая себя сделаться слишком рассудочной, механической, «роботной», ограниченной, а в конце концов – смертоносной.

Потребность синтеза научных знаний, единства искусства и науки осознана давно. Осознано, что тенденция к тому и другому заключена в самой природе науки и искусства, что противопоставление ученых писателям, художникам – это что-то вроде войны добровольно одноногих калек, войны между левоногими калекками и правоногими. Но оказалось, что одно дело – ставить и решать эти проблемы в координатах гарантированной жизни человечества и природы, другое – совсем другое – в координатах выбора между жизнью и смертью, когда *такой синтез, такое единство становятся одним из ничем не заменимых условий уже не просто «дальнейшего прогресса», а именно самой жизни*. Оказалось, вообще нельзя решить задачу спасения жизни на путях прежнего разделения (тем более противопоставления) знаний.

Сама опасность должна неминуемо породить такие постановки вопросов и такие решения, которые просто невозможны, невысказаны при старом, «нормальном» ходе вещей. Сама цель – спасти жизнь, спасти человечество путем его возвышения – не может не отыскать своих соответствующих форм, способов синтеза наук, единства искусства и науки. Сама цель и определит – определяет – свои средства. Возникло величайшее общечеловеческое небывалое дело – возникнет, возникает и общий язык.

Объективность законов нравственности

Взять весь комплекс человеческих качеств, чувств, страстей, положительных и отрицательных. Ум и глупость, знание и невежество, бескорыстие и корысть, мужество и трусость, доброжелательность и зависть, благородное честолюбие и ненасытное тщеславие, честность и бесчестие, совесть и бессовестность, красота и безобразие – все эти качества играют сегодня новую роль, все они несравненно «тяжелее» весят на чашах новых весов, на чашах жизни или смерти, все они неисследимым образом «суммируются», и результат этого «суммирования» и станет судьбой человечества и Земли.

Но ведь это фактически и есть вопрос об объективности законов нравственности. Что такое объективность законов вообще? Это не только *независимость их от человека*, это еще и *зависимость человека от них*. Объективность законов в том и состоит, что если не считаться с ними, то они рано или поздно, так или иначе, прямо или косвенно напомнят о себе, напомнят сурово, отомстят за себя, заставят себя признать, хотя бы от противного, хотя бы через катастрофу (да так, собственно, они и открываются).

Но есть ли объективные законы в самой субъективной области человеческих отношений – в области нравственной? Есть – утверждали многие мыслители, есть, несмотря на относительность, которая тоже несомненна. Они проявляются самым непосредственным образом на судьбе данного человека, на судьбе его родных, близких, на судьбе его племени и нации (уже весьма опосредованно), наконец, на судьбе всего рода человеческого (совсем уж неисследимо, но все равно небесследно). Есть – *доказала* вся мировая художественная литература (включая фольклор), от древневосточных и древнегреческих трагедий до «Братьев Карамазовых» и «Воскресения». Ведь вся эта литература постоянно и все глубже *моделировала художественно судьбу человечества на судьбе человека*, связывая, как никто, *личность с родом*, а это и есть объективная связь, объективная закономерность. Существует кардинальный факт: веками, тысячелетиями одни и те же произведения читаются с неослабевающим (а часто с нарастающим) живым интересом – почему? Да потому прежде всего, что задеваются самые глубокие, сокровенные, живые струны совести, которые и существуют в людях все эти века и тысячелетия, – и это ли не объективность?

Есть объективные законы нравственности. Есть, и они реализуются с такой же необходимостью, как и законы физики. И нарушение их карается с такой же неизбежностью, с какой карается человек, решивший в опровержение закона земного притяжения прыгнуть с Останкинской башни. Правда, здесь, в области нравственной, все происходит, разумеется, неизмеримо сложнее, чем в физике, но не менее объективно, и хотя развязка здесь длится дольше, чем прыжок с башни, но зато в своем роде она и пострашнее...

Однако надо признать, что веками, тысячелетиями существовал довольно сильный аргумент против этого, а именно: неисчислимы примеры успеха «любой ценой», неисчислимы реальные победы принципов «все дозволено», «цель оправдывает средства», неисчислимы случаи безнаказанности всевозможных преступлений. Этот аргумент нагнел из века в век и выступал все более победоносно.

Достоевский писал: «...в наш век негодяй, опровергающий благородного, всегда сильнее, ибо имеет вид достоинства, почерпаемого в здравом смысле, а благо-

родный, походя на идеалиста, имеет вид шута». Так он писал, но сам же повторял: «Я неисправимый идеалист: я ищу святынь и люблю их, мое сердце их жаждет, потому что я так создан, что не могу жить без святынь, хоть капельку посвятее; не то стоит ли им поклоняться!» Он повторял, а над ним то потихоньку посмеивались, то нагло хохотали...

А он повторял: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» (из романа «Идиот»).

Повторял, отвечая одному критику, «блеснувшему» известным выражением Ларошфуко («Лицемерие – дань, которую порок платит добродетели»): «Перифраза мудреца, дурак. Кто же не знает, что добродетель унижена, что добродетель никогда не платит дани, а если согласится, то она не добродетель. Она принуждена бывает. Но дело в том, что тут факт: как ни торжествует порок, но отчего же он не становится выше ее. Порочные люди всегда кем-то принуждаемы говорить, что добродетель все-таки выше и все-таки молятся добродетели. Это факт первой величины и ужасной глубины, факт из неразрешимейших, – вдумывались ли вы в него?» И это – закон.

О нем же говорил и Пушкин: «Человеческая природа, в самом гнусном своем уничтожении, все еще сохраняет благоговение перед понятиями, священными для человеческого рода».

Да, все это повторялось, изображалось несчетное число раз, но видимая и реальная безнаказанность еще более бессчетных преступлений оставалась.

Этот наглый, хохочущий, «победоносный» аргумент сейчас наконец бит, но бит ценой самой дорогой из всех возможных: *нарушение объективных законов нравственности стало смертельно опасным для всего человеческого рода. Бессовестность погубит, совесть спасет* – и уже не только отдельного человека, нацию, а все человечество, и погубит или спасет уже не только нравственно, духовно, но тем самым и физически. Веками и тысячелетиями невидимые обыкновенным глазом нравственные законы обрели вдруг физическую осязаемость и силу.

Это точь-в-точь как с отношением к природе: до поры до времени ее можно было ломать, кромсать, грабить, насиловать, ранить безнаказанно, можно было снисходительно посмеиваться или нагло хохотать над «шутами-идеалистами» вроде Руссо и Торо, плачущими или негодующими при виде этой картины. Но вот настал момент, когда это совокупное и постоянное безнравственное отношение к природе стало грозить гибелью и природе, и человечеству. Не остановит нас сама эта угроза – ничто не остановит приведение ее в действие.

Нравственность веками вырубалась так же, как веками вырубались леса, – все экстенсивнее и интенсивнее. Какой же может быть тут итог?

То, что называется ныне **глобальными проблемами**, было для всех истинных художников (именно по самой природе их творчества) производным от одной-единственной, самой *глобальной* (для них) проблемы – проблемы духовности, нравственности, гуманизма. Толстой со свойственным ему максимализмом (общим для него и с Данте, и с Шекспиром, и с Гёте, и с Достоевским) писал: «Только кажется, что человечество занято торговлей, договорами, войнами, науками, искусствами; одно дело только для него важно и одно только дело оно делает – оно уясняет себе те нравственные законы, которыми оно живет. Нравственные законы уже есть, человечество только уясняет их себе, и уяснение это кажется не-

важным и незаметным для того, кому не нужен нравственный закон, кто не хочет жить им. Но это уяснение нравственного закона есть не только главное, но единственное дело всего человечества». Что это – максимализм? Конечно. Но без этого максимализма не было бы никаких великих художественно-духовных открытий. Это во-первых. Во-вторых, ведь и «ставки» нынче (и давно уже) самые максимальные: о жизни и смерти человечества идет речь – как же здесь обойтись без максимализма? В-третьих, это кредо означает прежде всего взятие максимальной ответственности за судьбу мира *на себя*. А в-четвертых, не соглашаясь, конечно, с противопоставлением нравственных законов торговле, договорам, наукам, искусствам, вдумаясь: разве нет глубочайшего смысла в этизации всех этих вещей?

Вдумаемся: «...цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель»¹. Это – всеобщий закон нравственности или нет? Имеет он свою объективность или не имеет? Не доказывает ли жизнь отдельного человека (то есть миллиардов), не доказывает ли вся история, что если есть неправота средств, значит, что-то не в порядке и в самих целях? Это – точный сигнал их скрытой неправоты. Цель не оправдывает средства, а определяет их. Неправые средства и есть выражение неправых целей. Цель в этом случае становится лишь средством (маскировкой), а средства – целью, самоцелью.

Восстановление духовного генофонда

«Внезапный» интерес к своему прошлому, сочетание мифологии с современностью и вместе с тем явная ориентация на будущее – это характерно сегодня для культуры, литературы почти всех стран. Это и связано прежде всего (сначала интуитивно, но затем все более осознанно) с ответственностью перед лицом жизни и смерти всего человечества, когда люди не могут не почувствовать, не осознать, что они накопили за века и тысячелетия, что имеют, что могут навсегда потерять и что, наконец, может помочь им спастись, а точнее – без чего им тоже не спастись. Я рискнул бы сравнить этот могучий зов с инстинктом заболевшего зверя, рыщущего по лесам и лугам в поисках каких-то целебных трав и корней. Так и тут: корни, травы жизни – перед лицом смерти – ищутся и отыскиваются. Тут генофонд духовный восстанавливается. Память, совесть историческая кричит. Тут о спасительной «экологии культуры» (Дмитрий Лихачев) идет речь, *о собирании всех жизненных, жизнетворческих сил для борьбы со смертью*. Тут уснувший было механизм неприятия родовой смерти словно очнулся, вздрогнул и – начинает работать. Мы ведь еще в самом начале этого пути, мы пока лишь крохами питаемся из тех неисчерпаемых, невообразимых духовных богатств, которые накоплены человечеством.

Тут как раз и правомочно сопоставление: экология как таковая и «экология культуры». Неразрывная прежде цепь «природа – человек – культура – природа» оказалась разорванной, из нее выбиваются все новые и новые звенья (а восстанавливаются они несравненно меньше), так что у природы и у человека *может просто сил не хватить* для спасения.

Работа по раскопкам, восстановлению, оживлению, культивированию всего духовного опыта человечества – это работа навсегда, так же навсегда, как генетика в биологии.

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. 1954. *Соч.*: в 39 т. Т. 1 (с. 65). М.: Изд-во полит. лит.-ры.

Осанна или анафема апокалипсису?

Размышляя над всеми этими вопросами, нельзя избежать и такого: а эсхатология? А христианский апокалипсис? Ведь все это давным-давно известно. Были и бесчисленные пророчества насчет «конца света», были и ожидания этого конца. Были, да не сбылись...

Но сейчас – абсолютно другое. Сейчас апокалипсис грозит уже практически, технически. Сейчас перед нами не темные пророчества, не мистические «знаки», не метафорические иносказания, отнесенные к неопределенному будущему, а именно реальные, во многом (хотя и далеко не во всем) вычисленные, очевидные, конкретные данные, конкретные вопросы, требующие конкретных неотложных ответов. Эта «маленькая» разница все, все меняет. Природа была здоровой, а теперь у нее, может быть, рак легких (что делается с атмосферой!), лейкомия (что – с водой!), авитаминоз сильнейший, обмен веществ нарушается, истончаются сосуды, сухожилия перерезаются и т. д. и т. п.

Да, все верующие оглядывались на «Откровение святого Иоанна Богослова», но практически-то, реально, в подавляющей массе своей ежедневно – из века в век – жили так, как будто ничего этого и нет, как будто реально это не грозит. Никто, за исключением одержимых, почему-то не спешил расстаться со своей «грешной», «ничтожной» жизнью на «грешной», «ничтожной» земле. И почему-то наименьшим успехом пользовались те «рекомендации», по которым людям вообще надо было сразу прекратить размножение и разом перейти к делам небесным.

Отличие нового мироощущения, мировоззрения от христианско-эсхатологического состоит, во-первых, в том, что если в христианстве «последние дни», «конец света» отделены от Страшного суда (сначала одно, потом другое), то здесь – «светопреставление» может быть, а уж *того* Страшного суда не будет. Однако и здесь есть свой страшный суд – суд своей совести и суд всей совести людской.

Христианство предполагает бессмертие души, в раю ли, в аду, но все равно – бессмертие, предполагает воскрешение всех умерших во плоти (Страшный суд и есть такое воскрешение – для отправки в рай или в ад), а здесь для такого обещания, а тем более для такой гарантии оснований нет.

У христианина почти всегда остается надежда (хотя официальная церковь очень неубедительно квалифицирует ее как «ересь»), что и самым большим грешникам будет явлена в конце концов безграничная божеская милость, остается надежда на помилование, на своеобразную если не «реабилитацию», то хотя бы на «амнистию», на «досрочное освобождение» из ада.

Христианской эсхатологии, если она последовательна, присуще не просто естественное принятие апокалипсиса, не просто примирение с ним, а надрывная апологетика и мистическая эстетизация его. Здесь же, в новом мировоззрении, ни о каком примирении с апокалипсисом, тем более ни о какой апологетике, эстетизации его, не может быть и речи. И если уж он наступит, то никакой художественности при этом не будет. Апокалипсис, если он ударит, то не «сверху», а «снизу», и это не кара небесная, а самоказнь, не красота, а плод совокупной пошлости, мерзости, низости.

В истории реальных, практических взаимоотношений между верующими и неверующими (как и среди самих верующих) в разные эпохи выходили на первый план всегда не общие, абстрактные вопросы, а вопросы вполне конкретные, исторически, социально обусловленные: отношение к науке (скажем, к астрономии:

Птолемей или Коперник?), к той или иной власти, политике, собственности. Всегда эти конфликты так или иначе «заземлялись», «переводились» на язык текущей практической общественной жизни.

В самом христианстве, как раз под воздействием уже технически осуществимого, практически грозящего апокалипсиса, *и вызревает беспрецедентный раскол, именно по вопросу: принимать или не принимать апокалипсис*, тот, который в «Откровении», и тот, который угрожает в действительности? Самое главное, может быть, противоречие христианства, скрытое до поры до времени, должно наконец взорваться. Все это чрезвычайно обостряет и без того серьезнейший кризис церкви, теологии, всего религиозного сознания.

Об алиби. Время – тоже родина

Конечно, это трагедия, когда не слушали, недослушивали, не понимали и не хотели понимать Ламарка, Достоевского, Вернадского, Рассела, Эйнштейна, Швейцера... Конечно, есть страшный иску не просто огорчиться этим, отчаяться, но и вознегодовать. А все-таки настоящее мужество – это начинать все снова, снова и снова, чтобы докричаться, достучаться, доломиться до людей, несмотря ни на что.

Но ведь правда и то, что обжигает иногда и леденит вдруг такая ночная мысль: а не живем ли мы уже в мертвом времени, не замечая того, не ведая о том, не желая, боясь ведать, двигаемся лишь по инерции, заключены в корабль, который действительно летит *не туда*, а мы, внутри, заняты своими делами, расчетами, обидами. Надеждами – а зачем? зачем? зачем дети? зачем труд, планы? Оно, время, еще есть, течет, несется сломя голову, но оно – мертвое, необратимое, в нем уже ничего, ничего нельзя сделать, ничего изменить, и никому уже не повернуть, не перевести корабль на другую – спасительную – орбиту...

Эта мысль обесмысливает все. Это чувство оцепеняет. Это и есть смерть до смерти.

Но его, это чувство, надо высказать, ее, эту мысль, надо вытащить наружу, чтобы стряхнуть их, чтобы выжечь. В них есть страшный соблазн и страшный секрет. Всмотримся, разглядим, не побоимся признать: их соблазн, их секрет чудовищно просты – *снять всю ответственность с себя, с себя лично*. И ничего, ничего больше за этим абсолютно не стоит. Страх ответственности (тем более что беспримерной). Соблазн безответственности (тоже беспримерной). И все. Убегать, дезертировать в алиби.

Так просто? Да! Есть вещи проще простого, но потому-то именно и боимся мы их признать, скрываясь за мнимой сложностью: «Ах, все сложнее...» Нет! В решающие моменты все проще, все упрощается до предела пределов, все окончательно поляризуется, все выявляется в неприкрытой наготе своей. Так и тут: все проще, только этот страх, только этот соблазн, только *погоня за утраченным навсегда алиби*.

Могучий родовой инстинкт человечества должен быть помножен на могучий родовой его разум, на (если так можно сказать) физические и сверхфизические усилия его духа.

Алиби – отсутствие человека в данном месте в данный момент, там и тогда, где и когда совершается преступление. Но сегодня, сейчас, на Земле готовится (да, в сущности, уже идет, уже совершается) самое-самое страшное преступление про-

тив человечества, против жизни всей, против Земли. Все, все это знают: вот где (вся Земля) оно готовится, вот когда (сейчас, сейчас!) оно грозит произойти. Все мы живем на этой Земле, в это время. Никто не может сказать: «Меня здесь сейчас нет, я ничего об этом не знаю». Какое тут для кого может быть алиби? Уже и уголка нет такого в пространстве, уже и щели нет такой во времени, где можно было бы его, это алиби, найти и спрятаться с ним. И преступники главные все известны: все те, для кого «есть вещи поважнее мира», все те, кто исповедует «лучше быть мертвым», все те, кто проповедует «победу» в ядерной войне (равнодушие и трусость по отношению к ним, главным преступникам, – тоже преступление).

Нынешнее реальное время-пространство – это время-пространство либо самого большого преступления, либо самого большого подвига, но во всяком случае это время-пространство – без алиби. Это относится и к нынешнему художественному времени-пространству, к новому хронотопу.

Вспомним Толстого. Он был одержим мыслью: «Весь мир погибнет, если я остановлюсь!» Он повторял себе, себе прежде всего, – мыслитель, писатель «всегда, вечно в тревоге и волнении: он мог и решить и сказать то, что дало бы благо людям, избавило бы их от страдания, дало бы утешение, а он не так сказал, не так изобразил, как надо; он вовсе не решил и не сказал, а завтра, может, будет поздно...».

Почерпнем силы и у Достоевского: «О том, что литературе (в наше время) надо высоко держать знамя чести. Представить себе, что бы было, если б Лев Толстой, Гончаров оказались бы бесчестными? Какой соблазн, какой цинизм и как многие бы соблазнились. Скажут: “Если уж эти, то...” и т. д. То же и наука». Еще: «Но пуще всего не запугивайте себя самих, не говорите: “Один в поле не воин” и пр. Всякий, кто искренно захотел истины, тот уже страшно силен. Не подражайте тоже некоторым фразерам, которые говорят: “Не дают ничего делать”. Все это фразеры и герои поэм дурного тона, рисующиеся собой лентяи. Кто хочет принести пользу, тот и с буквально связанными руками может сделать бездну добра». И еще: «Прежде чем проповедовать людям – “как им быть?” – покажите это на себе. Исполните на себе сами, и все за вами пойдут. Что тут утопического, что тут невозможного – не понимаю!.. Исполни на себе прежде, чем других заставляя, – вот в чем вся тайна первого шага... знаю сам, что существующее нельзя сделать несуществующим, – но знаете, господа, иногда и можно».

Почерпнем и у Герцена: «У вас не будет последователей, пока вы не научитесь переменять кровь в жилах».

И из только что опубликованной рукописи молодого М. Бахтина: «В данной единственной точке, в которой я теперь нахожусь, никто другой в единственном времени и единственном пространстве единственного бытия не находится. И вокруг этой единственной точки располагается все единственное бытие единственным и неповторимым образом. То, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может». М. Бахтин называет это «факт моего не-алиби в бытии». И еще: «Ответственный поступок и есть поступок на основе признания должествующей единственности... Только не-алиби в бытии превращает пустую возможность в единственный действительный поступок». То есть сама наша жизнь, дарованная нам Жизнью, уже есть наше не-алиби в бытии. Мы рождены – для не-алиби, на не-алиби, на неповторимую ответственность за судьбу Жизни.

Если даже раньше так чувствовалось и понималось, то что уж говорить о нашем времени, когда соблазн, цинизм, запугивание самих себя, неспособность «пе-

ременять кровь в жилах», отказ от своего не-алиби в бытии, слабоволие, опоздание, а может, даже преодоление усталости своей и могут стать абсолютно непоправимыми.

А вот отклик из нашего времени: «Не обязательно гением быть, чтобы ощутить внутренний, неотменимый приказ: не останавливайся, не имеешь права, и именно ты, а иначе мир погибнет!.. Признав главное – главным, а неглавное – не главным, думать прежде всего о главном, без чего и все остальное не имеет никакого будущего и просто смысла!» (Алесь Адамович). Выполнение этого внутреннего приказа и есть теперь высшая мера, высший критерий, высший ориентир человеческого подвига.

Все больше в мире «лучших людей» (вспомним: «появятся в минуту опасности»), которые без этого внутреннего приказа не хотят писать, работать. Не могут – вдруг раз и навсегда разучились! Жить – не могут. Дезертирами бы себя прокляли. Одна «идея-чувство» их жжет: успеть! Успеть узнать и понять главное! Успеть предупредить и переубедить всех, кого можно и кого, кажется, нельзя! Успеть отдать! Но сколько и таких, кто и сейчас мучается одним-единственным чувством, живет им, растрavляет: недодали, недооценили, недонаградили, недозвzл – успеть! Успеть – даже не взять, а дозвzть! Но какое тут-то, сейчас-то тщеславие, какие счета, когда вон уже до какой черты все дошло?

Была бы живая жизнь живого человечества, было бы Солнце не мертвецом, Земля – не могилой, были бы дети живы и, наконец, лучше, добрее, умнее нас. Какая еще награда может быть для людей выше?

И никуда не уйти нам от прямого личного ответа на прямой личный вопрос: на какое время ты работаешь – на живое или на мертвое? *Тем* ли занят? *То* ли делаешь? *Так* ли? Не побоишься себе признаться: еще не тем, еще не то, еще совсем, совсем не так? Не опоздаешь?..

ПРЕДПОСЫЛКИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

М. Грубец

В данной статье внимание сосредоточено на правах человека как на возможном консенсусе между культурами в рамках интеллектуального диалога. Автор стремится внести вклад в интеллектуальное преодоление столкновения цивилизаций и ищет пути к преодолению навязывания прав человека иным культурам. Показано, что метод межкультурного утверждения прав человека без учета особенностей отдельных культур и цивилизаций вызывает у людей сопротивление унижению и злоупотреблению, которое над ними при этом совершается. Первая часть статьи посвящена краткому обзору проблематики спора и диалога, вторая – межкультурному и межцивилизационному характеру этого спора, в третьей на основе вышеизложенного рассматриваются права человека, а последняя, заключительная, часть касается правовых документов о правах человека.

Ключевые слова: права человека, Всеобщая декларация прав человека, культура, ООН, цивилизация, спор, диалог, межкультурный диалог, конфуцианство, глобальный капитализм, общественное устройство, транскультурные нормы, глобализационные тренды.

Термин «права человека» по-разному интерпретируется различными социальными группами и разными культурами. Поэтому неудивительно, что происходят социальные конфликты и столкновения цивилизаций. Свою статью «Unrecognized Rights-Agents, Misrecognized Rights-Holders...» (Грубец 2007) я посвятил проблеме прав человека в процессе борьбы за социальную справедливость в условиях глобализации; в данной же статье внимание будет сосредоточено на правах человека как на возможном консенсусе между культурами в рамках межкультурного диалога. Таким образом, эту статью можно рассматривать как вклад в преодоление столкновений цивилизаций и в искоренение навязывания прав человека иным культурам.

Мне бы хотелось показать, что межкультурное содействие в вопросах развития прав человека в отдельных культурах является одной из самых эффективных форм противодействия недооценке людей. Однако это требует такой формулировки прав человека, которая основывалась бы на ценностях отдельных культур и диалоге между ними. Первая часть статьи посвящена краткому обзору проблематики спора и диалога, вторая – межкультурному и межцивилизационному характеру этого спора, в третьей части будут рассматриваться сами права человека, а в последней части – законодательные аспекты.

Такая интерпретация, ориентированная на участие в создании «единства в многообразии», отнюдь не столь очевидна, поскольку внимание большинства людей сосредоточивается либо только на межкультурном диалоге и вопросах

плюрализма культур, либо только на правах человека и вопросах универсальности цивилизации для всех человеческих существ. Попытку наладить связь между обоими дискурсами можно рассматривать как неотъемлемую часть в деле искоренения распространенного идеологического злоупотребления правами человека, которое деформирует межкультурный диалог и общепринятые права человека вместе с условиями для их реализации.

1. Спор и диалог

В современном глобализованном мире, для которого характерна высокая степень взаимодействия людей из разных культур, касается ли это экономической, коммуникативной или других сфер, часто возникают межкультурные споры. Это не значит, что речь всегда идет о войнах. Споры принимают различные формы – от цивилизованных до агрессивных (Agnason 2003). В то время как столкновение культур и цивилизаций стремится к поляризации и обострению конфликта, межкультурный диалог посредством дискуссии между отдельными культурами или цивилизациями пытается помочь их взаимному признанию¹.

Эти формы решения споров возникли не как отдельные мыслеформы, но исходят из развития взаимных конфликтных отношений между людьми и потребности их разрешения. Непризнание определенных групп населения в долгосрочной исторической перспективе вызывает у них справедливое недовольство и заставляет их требовать своего признания. Причем некоторые виды непризнания могут быть вызваны искусственными спорами, цель которых – легитимизировать определенные экономические, властные или иные интересы. Несмотря на то, что некоторые столкновения между культурами являются фиктивными, поскольку внушаются людям, в то время как для реальной жизни они не имеют принципиального значения, факт существования «самоисполняющегося пророчества» оказывает по меньшей мере частичное влияние на превращение этих споров в важные реальные столкновения. Примером может служить спор между Западом и исламскими государствами. Отношения между людьми вследствие этого складываются как сложный комплекс реальных и фиктивных споров.

Критикуя то или иное положение, люди реагируют на лишение преимуществ и на другие формы репрессий, с которыми они сталкиваются, и тем самым фиксируют отдельные проблемы, которые необходимо решить. На фоне приобретенного опыта они познают позитивные моменты реальности и пытаются их развить. При этом критика существующих форм неприятия и попытки исправить это положение в случае относительно благоприятных условий могут происходить в цивилизованной форме – в виде межкультурного диалога. Тем самым в понимание конфликта включается понятие консенсуса, которое может помочь направить усилия на достижение необходимого результата.

С помощью критической дискуссии межкультурный диалог делает попытку идентифицировать существующие и формировать новые общественные нормы, которые могли бы стать универсально признаваемыми отдельными культурами. Поскольку дело касается не только коммуникации между двумя культурами, то есть диалога (*dia-log*) в буквальном смысле слова, то точнее было бы говорить о полилоге (*poly-log*)². Учитывая, что термин «диалог» широко распространен

¹ О значении и роли диалога и коммуникации по отношению к признанию см.: Taylor 1992; Fraser, Honneth 2003.

² Кроме сайта <http://polylog.org> см. также журнал «Polylog. Zeitschrift für interkulturelles Philosophieren». С «Полилогом» сотрудничает «Общество межкультурной философии» – содружество, в рамках которого реализуется научная дискуссия, охватывающая все народы и культуры.

и не ограничивается обычно своим буквальным значением, связанным только с двумя участниками дискуссии, в то время как термин «полилог» использует только ограниченный круг специалистов, можно остановиться на первом понятии. В конце концов, проблема не сводится только к разговору специалистов о межкультурном диалоге, она гораздо шире и касается его междисциплинарных и общественных форм. Так, широко понимаемый концепт диалога ни в коей мере не может подменить собой решение проблем в различных социальных, экономических, политических и других сферах. Тем не менее он может предоставить условия для существенной межкультурной основы рассмотрения проблем.

Дискурс, который является предметом моего исследования, включает в себя два основных элемента. Первый элемент – формирование диалога «снизу», то есть с точки зрения культур и их взаимоотношений внутри цивилизаций. Второй – результат, который из этого диалога может возникнуть в виде универсальных прав человека. Именно такой подход, который постепенно формулируется и подвергается многочисленной критике с точки зрения отдельных культур, мог бы стать универсальной и унифицированной составляющей (ср.: An-Na'im 1992). Одним словом, цель заключается в том, чтобы посредством *межкультурной* коммуникации достичь общепризнанного *транскультурного консенсуса* – изменить такое сложившееся современное надкультурное положение, которое не является общепринятым.

2. Культура и цивилизация

Что я имею в виду, когда говорю о диалоге, который должен быть *межкультурным*? Прилагательное «межкультурный» на первый взгляд можно понять как собирательный термин, включающий в себя отношения либо между отдельными культурами или цивилизациями, либо между культурными или цивилизационными сферами. Такой подход поднимает вопрос об отношении между терминами *культура* и *цивилизация*. Предварительным ответом может быть определение их как синонимов, но при условии, что сначала будут определены границы и возможные недоразумения при использовании этих терминов. Их частое взаимозамещение относится не только к западным языкам. Так, например, арабское слово *umran*, занимающее важное место в учении Ибн Хальдуна уже с XIV в., может переводиться и как *цивилизация*, и как *культура* (Ibn Khaldun 1989).

Некоторые авторы синонимному подходу предпочитают только слово «цивилизация». Так, Ясуаки Онума (Yasuaki Onuma) указывает, что термин «цивилизация» подходит больше, поскольку слово «культура» может также пониматься в узком смысле, когда речь касается исключительно произведений искусства или произведений с эстетической функцией (см., например: Onuma 1999: 103–123). В этом он, безусловно, прав. Кроме того, даже если бы мы не учли этого замечания, существует еще одна возможность использования слова «культура», которая связана только с одним видом прав человека, а именно с культурными правами. Так же и здесь: понятие «культурный» используется в узком смысле слова, что связано с более широкой проблематикой межкультурного спора о правах человека, включая права культурные (Kroeber, Kluckhohn 1963).

Однако и слово «цивилизация» часто используется неоднозначно. Во-первых, оно означает всю человеческую цивилизацию (то есть используется в смысле всего человечества), во-вторых, оно служит для обозначения одной из цивилизационных или культурных сфер (говорится, например, о цивилизации или культуре западной, исламской или конфуцианской) (Benjamin 1973).

Первое значение основано на выделении специфической ступени развития человеческого общества или культуры (см., например: Diamond 1997). Цивилизация пытается преодолеть примитивную ступень развития культуры; в принципе, от примитивной культуры она начинает отличаться в тот момент, когда характерной для нее становится комплексная организация общества. Тогда как примитивные общества кажутся относительно статичными, цивилизация отличается наличием процесса развития. Подробнее можно говорить о постепенном развитии – от орд до племен и от появления вождей до государства и надгосударственных образований. При этом критериями для различения этих типов культур становятся: плотность населения, типы колонизаций, родственные или общественные отношения, увеличение объемов производства продуктов питания, введение разделения труда, равноправные или централизованные формы принятия решений, неформальные или правовые способы решения конфликтов и т. д. Первоначально такая траектория развития имела только свои региональные формы, и их различные исторические этапы до сих пор анализировались подробнее, чем планетарная форма этой траектории³. Но когда цивилизационная стадия развития большинства человеческих культур расширилась до планетарного масштаба, дискуссия свелась к обсуждению одной цивилизации. Следовательно, развитие в такой интерпретации происходит от культуры к цивилизации, что, однако, не исключает дискуссии о регрессе или прогрессе (Adorno, Horkheimer 1988 [1944]; ср. с альтернативным пониманием: Toynbee 1934–1961).

Такое понимание вполне совместимо с проведением связи между цивилизацией и практико-техническими сторонами общества, однако термин «культура» в этом случае будет использоваться в противоположном смысле, то есть отнюдь не как более примитивный, а, наоборот, как более совершенный продукт развития. Различение между культурой и цивилизацией опирается на вычленение цивилизации на основе технических параметров общества, каковыми являются, например, письмо, урбанизация и т. д. Культуре в связи с этим присуждается – и иногда не без трудностей – более изысканная роль, связанная с ценностями и гуманистическими идеалами (Tönnies 2005 [1887]; Spengler 2006 [1919–1922]).

Когда такое определение слова «цивилизация» используется по отношению к отдельным конкретным цивилизациям: западной, исламской, конфуцианской и т. д., – его недостатком является то, что оно не позволяет говорить о межкультурном диалоге с культурами, которые еще не достигли цивилизационной ступени развития. Вследствие этого диалог сводится только к разговору между технически развитыми цивилизациями, остальным же культурам остается довольствоваться своим пребыванием во властной или иной от них зависимости.

Кроме того, использование только одного слова «цивилизация» как для множественного, так и для единственного числа приводит в тенденции к проблематическому стиранию различий между культурным (плюралистическим) и космополитическим (сингулярным) значениями слова. Такая многозначность накладывает свой отпечаток и на межкультурную, и на транскультурную дискуссии. Использование слова «цивилизация» для множественного числа может косвенно вести к тому, что в дискуссии опускается признание различий между отдельными куль-

³ См.: Eisenstadt 2002. Эволюцию образов социального признания в западных обществах за последние столетия изучает, например, Аксель Хоннет (Honneth 1992). Аналогично Юрген Хабермас регистрирует развитие моделей коммуникативного поведения за длительный период (Habermas 1981). Из авторов, которые в этой связи прямо говорят о термине «цивилизация» за длительные промежутки времени, см., например: Elias 2000.

турами и проявляется стремление к унифицированному подходу, когда при определении культур делается акцент только на одной цивилизации, то есть на цивилизации всего человечества. Такой подход, однако, не бывает воплощением действительного универсализма, который в диалоге культур пытался бы нужным и ненавязчивым способом объединить существующие позитивные элементы отдельных культур и предложить универсально приемлемые элементы, которые бы отдельные культуры добровольно использовали. Но чаще такой подход бывает воплощением имперской позиции – рефлексующей или нерефлексующей, – когда под прикрытием слова «цивилизация» предпочитается и продвигается одна культура в ущерб другим. История колониализма, особенно колониализма, легитимизированного *европейским универсализмом*, или, точнее, *псевдоуниверсализмом*, является неблагоприятным последствием этого (Wallerstein 2006). Подобные прегрешения допускают и представители метатеоретической точки зрения, когда без участия других культур и с точки зрения лишь одной культуры пытаются определить, какие общие концепты, ценности и т. д. являются релевантными и в итоге должны быть рассмотрены как универсальные (Said 1994; см. также: Kögler 2005).

Один из способов избежать этих проблем – во-первых, оставить за понятием «цивилизация» также его более широкий смысл и тогда использовать его только для единственного числа, для обозначения всей человеческой цивилизации, и, во-вторых, признать за понятием «культура» его плюралистическую связь с отдельными сообществами. Хотя слово «культура» можно использовать в различных более частных толкованиях этого понятия, как я уже о том упоминал выше (от понимания ее как собрания произведений искусства до аспектов различных сфер – например культурные права, – до цивилизаций, не достигших высокого уровня развития, использующих технический прогресс, также и к понятию культуры как синониму цивилизации), но это всегда касается лишь различных частных ее аспектов, и ни в коей мере ее как единого целого, поскольку под этим понятием в большинстве данных случаев имеется в виду не общечеловеческая культура, а различные ее проявления, то есть культурный плюрализм. Здесь можно указать на Майида Теграниана (Majid Tehranian), который в своем анализе проблематики цивилизации и решения конфликтов пишет, что более реальным является рассуждение об одной человеческой цивилизации и различных человеческих культурах (Tehranian 2007).

В то же время мы должны отказаться от заикливания только на одной из этих категорий: либо на понятии «цивилизация» в единственном числе, либо на «культуре» – во множественном. Необходимо признать их обе как в смысле различия между отдельными культурами, так и в смысле общих ценностей, которые объединяют человечество как целое в единую цивилизацию⁴. Принципиально то, что с помощью такого определения можно признавать плюрализм взглядов, начинать анализ «снизу», от отдельных культур, и направляться к их взаимосвязи и соединению в единой цивилизации. С этой точки зрения представляется полезным для слова «культура» резервировать множественное число, а для слова «цивилизация» – единственное. При этом между первой и второй социальной конструкцией этих понятий существует непрерывный обмен. Кроме того, я хотел бы добавить, что и противоположно определяемые концепты культуры и цивилизации также могут достичь содержательно подобной интерпретации⁵. Решающим явля-

⁴ В дискуссиях о национальном государстве обычно разделяют политику признания или отделения и политику универсализма или равенства (Taylor 1994).

⁵ Можно сказать, что до определенной степени речь идет о терминологической полемике, а не о полемике содержательной. См.: Onuma 1999.

ется вычленение позиций с помощью понятий, а никак не привязанность к этим понятиям.

Одной из проблем, возникающих в связи с вышеприведенным замечанием, является культурный партикуляризм, который открыто признает свою специфическую, не универсальную позицию. Поскольку последователи культурного партикуляризма акцентируют принципиальные различия между отдельными культурами, то они часто склоняются к мнению, что отдельные культуры не могут найти общих для всех этих культур ценностей, а потому не могут по некоторым вопросам объединиться в единую цивилизацию, в сообщество человеческих существ. Отсутствие потенциального всеобщего согласия подводит эту позицию вместе с культурным империализмом к столкновению культур. В этом смысле слово «культура», как и слово «цивилизация», имеет дополнительную негативную коннотацию, поскольку оба могут отсылать к *Kulturkampf* или к *Clash of Civilizations*⁶ («столкновению цивилизаций»).

Подчеркивая непреодолимые различия между отдельными культурами, сторонники культурного империализма и культурного партикуляризма часто смотрят на культуры сегрегационно, как на исторически изолированные единицы и неизменные данные бытия. Отдельные культуры в этом случае понимаются как специфические данные образования (Wallerstein 2006). Однако позиция эссенциализма нарушается попытками создать не только случайные элементы межкультурного согласия, основанные на частичном совпадении различных культурных ценностей, но также и элементы транскультурного согласия, требующего открытости отдельных культур по отношению к переопределению их ценностей.

В межкультурном диалоге эссенциализм воспринимается с трудом. Против него выступает критика обобщения (генерализации) культур, подчеркивающая постепенное формирование культурных образцов в качестве социальных конструкций, что означает отрицание транскультурного эссенциализма⁷. С другой стороны, отрицание эссенциализма не должно вести к релятивизму, который также представляет собой отказ по отношению к невозможному транскультурному согласию.

Трактовка культур в межкультурном и транскультурном диалоге требует также более точной идентификации субъектов культуры такого диалога. Согласно Лоуренсу Блуму (Lawrence Blum), можно выделить три категории субъектов, ни одна из которых не может быть определена раз и навсегда, а может изменяться во времени (Blum 1998: 53, 57 nn)⁸. Во-первых, можно говорить об *индивиде*, который сформирован некоей культурой, то есть об индивиде с определенной культурной идентичностью (или идентичностями). Во-вторых, мы можем говорить о *группе лиц*, вычлененной на основании некоей культуры, то есть о *группе* с определенной культурной идентичностью. Наконец, в-третьих, можно анализировать одну целостную культуру.

Первая категория субъекта не является в межкультурном диалоге центром внимания, поскольку он в первую очередь занимается анализом отношений между большими единицами культуры, а не между индивидами. Они, конечно, тоже важ-

⁶ Авторы, которые развивают эти идеи, часто используют данные слова как синонимы, о чем свидетельствует название известной книги Хантингтона (См.: Huntington 1996. Ср. с альтернативными интерпретациями: Senghaas 2007).

⁷ Наглядный обзор отношений между эссенциализмом, релятивизмом и подобными взглядами предлагает на примере эволюции феминистского мышления в своей статье Нэнси Фрэйзер (Fraser 1977). Ср.: Samson, Smith 1996.

⁸ Ср. полемику с этим рассуждением: Ingram 1998.

ны, однако в споре целостных культур в дискуссию вступают не миллионы отдельных личностей, а их представители, которые отстаивают индивидуальные и групповые права. Тем не менее необходимо следить, чтобы представители отдельных культур отстаивали не свою личную позицию, а в большей степени свою собственную культуру. Но и в случае, когда репрезентация удачна, необходимо помнить, что такие посланники культуры могут представлять не более чем преимущественно главное направление данной культуры, а естественно, желательна также ссылка на второстепенные течения. В связи с этим в *интракультурных* рамках встает вопрос о *мультикультурном* диалоге между большинством и меньшинствами, между мужчинами и женщинами и т. д. (Taylor 1994; Senghaas 1998). В ⁹меньшей мере внутрикультурные споры касаются также социальных вопросов. Как пишет в контексте восточноазиатских экономик Яш Гхай (Yash Ghai), в данном вопросе не существует лишь одного подхода к правам, например главы компаний отдают предпочтение иным законам, чем профсоюзные работники (цит. по: Ghai 1999). В рамках межкультурного диалога необходимо учитывать эти важные социально-экономические факторы, которые я рассматривал в другой своей статье (Hrubec 2007).

Во вторую категорию, образованную группами лиц, выделяемыми по «культурным» критериям, входит в узком смысле, например, большая часть населения Франции и в широком смысле, например, также большая часть населения всего Запада, или население Западной Европы, США и других, схожим образом вычлеченных по культурным, экономическим и политическим критериям, стран, таких как Канада, Австралия и т. д. Аналогично можно говорить об исламских меньшинствах как во Франции, так и в Европейском союзе вообще. Хотя это и не правило, но часто эти меньшинства культурно родственны этническому большинству населения другой страны, например меньшинство немецких турок в Германии – этническому большинству населения в Турции. При этом, разумеется, меньшинства и большинство нельзя рассматривать как фиксированные, соотношение между ними со временем может значительно меняться или даже полностью поменяться местами.

В третью категорию, каковую представляют целые культуры или цивилизации, в случае если это понятие использовать неточно, войдут результаты деятельности групп, выделенных по культурным критериям, начиная от произведений искусства и различных общественных обычаев и заканчивая всем комплексом жизни общества, складывающимся из разных социальных, политических, правовых элементов, искусства и др. В более широком смысле и с точки зрения долгосрочной перспективы к этим результатам можно отнести также и само население, которое можно рассматривать как результат производства культуры. Само население, однако, с точки зрения данной категории обычно чаще воспринимает себя не столько как объект, сколько как созидающий субъект, который во взаимодействии с окружением постепенно создает культурные обычаи, правила, предметы и т. д.

Что же означает принадлежность в межкультурном диалоге к третьей категории, то есть к целым культурам? Так, Чарльз Тейлор (Charles Taylor) говорит о целых культурах, когда высказывается о потребности признавать за культурами значимость не только для диалога, но прежде всего для их собственной жизни. Он отмечает, что мы должны анализировать и признавать равную ценность культур

---

⁹ Ср.: Onuma 1999.

(Taylor 1994: 64). В изложении Тейлора равное уважение по отношению к различным культурам аналогично признанию равного достоинства индивидов.

Возникает, однако, вопрос об уместности применения к отдельным индивидам такого же равного подхода, который применяется по отношению к таким их общим характеристикам, как, например, человеческое достоинство или гражданство, а также признание культур (Blum 1998: 57). Такой подход представляется проблематичным по двум причинам. Первой является гносеологическая дискуссия, заключающаяся в трудности измерения ценности отдельных культур. Оценить, например, афроамериканскую или цыганскую культуру означало бы рассматривать их как определенный вид целостности, которому приписывается некая измеряемая ценность. Второй аргумент касается сложности сравнения ценности отдельных культур, даже когда такая ценность могла быть измерена. Это означает не тяготение к релятивизму, а лишь признание проблематичности сравнения целых культур. Требование признания равной ценности проистекает из справедливых, исторически обоснованных опасений, порожденных презрительным евроцентрическим – а ныне вообще западочентрическим (West-centric) – отношением к остальным культурам. Одним из источников такого отношения выступает именно тщательное оценивающее сравнение культур, которое во многих случаях приводит к выводу о том, что евро-американская цивилизация превосходит другие цивилизации или культуры.

Если мы откажемся от такого безжалостного сравнения культур и попробуем переосмыслить формулировку Тейлора, в первую очередь обращая внимание на равное признание *групп лиц, определяемых некоей культурой*, тогда есть надежда, что мы избавимся от высокомерного западочентризма. Потом будет легче понять требования политики признания. Необходимо избежать интерпретации, которая одинаково игнорирует разные группы индивидов с отличающейся культурной идентичностью, и подхода, который ее точно измеряет и затем иерархически классифицирует.

Такие доводы возвращают нас назад, ко второй категории субъектов, к группам лиц, пусть уже это малые общности в позиции меньшинств или бóльшие общности в форме большинства, или, наконец, даже целые «культуры», понимаемые здесь как группы индивидов, а не как культурная единица, которая *не включает* человеческие субъекты.

Группы индивидов в то же время могут иметь два принципиальных требования, часто связанных с требованиями правовыми: одним является требование на их признание в качестве субъектов с отличной культурной идентичностью, которая не будет игнорироваться, а вторым – требование, чтобы эти группы в качестве субъектов диалога и переговоров были признаны другими как равные остальным группам. Такое понимание субъектов межкультурного диалога хотя и не является вполне идеальным и потребовало бы определенного переформулирования, которое, однако, в целях данного текста не является необходимым, тем не менее представляется более подходящим, чем подход, оперирующий с целыми культурами или цивилизациями без признания групп лиц. В эпоху глобализации, когда национальные государства теряют свое доминирующее положение в мире, подход, основанный на признании культурнообусловленных групп индивидов, является более дальновидным по сравнению с современным устаревшим подходом, приме-

няемым в международном праве, который абсолютно фиксирован на национальных государствах¹⁰.

Эти вопросы образуют комплексную проблематику, динамику решения которой часто определяет отнюдь не академический дискурс, а дискурс медиальный и политический. Одним из актуальных вкладов в эту общественную межкультурную дискуссию являются дебаты, которые вызвало объявление прошлого года *Европейским годом межкультурного диалога*¹¹. При этом термину «межкультурный» было отдано предпочтение перед термином «межцивилизационный», поскольку множественное число слова «цивилизация» в последнее время в политических и медиальных дискуссиях вызывает ассоциации, связанные прежде всего со столкновением цивилизаций. Учитывая намерение достичь с помощью такого *межкультурного* диалога в рамках других дискуссий, развивающих иные культурные сферы за границами Европы, *транскультурного*, то есть космополитического, результата, стоит вспомнить также недавнюю 60-ю годовщину Всеобщей декларации прав человека, которой, благодаря главным образом ООН, было уделено большое внимание¹².

3. Права человека

В связи с вышеизложенным можно сказать, что связующим звеном между культурами, которые первоначально связаны с культурно обусловленными группами лиц и цивилизации в контексте всего человечества, выступает *межкультурный* диалог. Важной составляющей такого диалога является стремление найти такие *транскультурные* ценности, которые могли бы разделять все культуры, а тем самым и вся человеческая цивилизация. Стремление договориться об определенных признаваемых всеми основных нормах делает права человека важной темой (Maritain 1949). В такой межкультурной дискуссии мы часто встречаемся с двумя крайними позициями. Поскольку на одной стороне находятся эссенциалисты, а на другой – релятивисты, дискуссия принимает характер, аналогичный дебатам о культурах, как это было показано выше.

Если не затрагивать *внутрикультурную* дискуссию на эту тему, то о *межкультурном* диалоге можно сказать, что как эссенциалисты, так и релятивисты предоставляют определенные убедительные аргументы, хотя их основополагающие позиции являются спорными (ср.: Ignatieff 2001). Для эссенциалистов права человека не являются всего лишь вымыслом, они усматривают в них более глубокое содержание. По их мнению, это либо права естественные, то есть данные от природы и естественно принадлежащие всем человеческим существам, либо они имеют

¹⁰ Важно добавить, что признание должно быть направлено не только на современный опыт группы индивидов, но и на весь исторический опыт данной группы. Например, признание только современной составляющей группы афроамериканцев предало бы забвению исторический опыт расизма и сопротивления против него, являющиеся частью афроамериканской идентичности, которая не должна быть забыта, если мы стремимся к полному включению афроамериканцев в единое общество. Ср.: Blum 1994; 1998: 56.

¹¹ Европейский год межкультурного диалога был объявлен решением Европейского парламента и Совета Европы (1983/2006/ES). Available at: <http://www.interculturaldialogue2008.eu>. Ср.: межкультурный диалог в рамках ЮНЕСКО: http://portal.unesco.org/culture/en/ev.php-URL_ID=11406&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html

¹² Празднование 60-й годовщины Всеобщей декларации прав человека происходило в рамках различных мероприятий ООН под лозунгом «Достоинство и справедливость для каждого из нас» («dignity and justice for all of us»): <http://www.ohchr.org/EN/UDHR/Pages/60UDHRIntroduction.aspx>

божественное происхождение и т. д. Все эти взгляды, несмотря на различия в аргументах, соотносятся со спорной мыслью о том, что человеческие права – это субстрат/материя/сущность, которую нужно обнаружить и утверждать во всех культурах¹³.

Релятивисты справедливо указывают на тот факт, что формулирование и внедрение прав человека было и до сих пор остается результатом ограниченного выбора, который осуществляла та или иная группа лиц. Этот выбор часто преподносится как универсальный перечень прав, навязывающийся в ущерб нормам, которых придерживаются отдельные культуры. В прошлом так насаждались нормы во время различных колониальных экспансий, благодаря чему, например, европейский колониализм с его псевдоуниверсальностью прав человека, кажется, и прославился больше всего (Wallerstein 2006). В этом отношении практика существования сверхдержавы выступает достойным продолжением этого наследия. А различный культурно окрашенный фундаментализм в разных концах света представляет обратную сторону той же медали. Подобный псевдоуниверсализм необходимо отвергнуть точно так же, как вышеупомянутый культурный империализм.

Тем не менее стремление эссенциалистов достичь универсальных прав, если бы оно не основывалось на неразделяемой остальными выборочности, достойно подражания. В этом отношении релятивисты терпят поражение. Но все поражения не должны вести к выводу, который делают релятивисты, – о том, что в вопросе универсальных ценностей невозможно достичь согласия и о необходимости релятивизма. Социальное конструирование общепринятых прав, основанных на разных культурах, остается возможным, как и многочисленные попытки по их реализации посредством межкультурного диалога¹⁴. Псевдоуниверсалистское злоупотребление правами человека свидетельствует определенным образом о силе самой идеи, так как является примером того, насколько различные группы лиц считают полезным маскировать свои частные интересы под общепринятыми взглядами на права человека. С другой стороны, позитивным вкладом релятивизма является его принятие плюрализма культур и уважение по отношению к ним. Но если в конце концов мы не хотим оказаться на позиции релятивистского равнодушия к геноциду, канибализму, пыткам и другим жестоким практикам в отношении людей, мы должны допустить, что всякое признание другого должно включать в себя и определенные границы, которые нельзя переступать.

Формулирование общепризнанных границ такого типа предполагает наличие между участниками диалога взаимопонимания (Schmied-Kowarzik 2002; Holenstein 1999). Несмотря на то, что язык (или языки) любой конкретной культуры имеет свою собственную специфику, которой нет ни у какой другой, это не означает, что несходство абсолютно и что отсутствует какой-либо простор для взаимовлияния и для совпадения категорий, которые могли бы быть связаны для достижения согласия по определенным вопросам (об источниках рассуждения об этом согласии см.: Taylor 1999). Такие совпадающие, общепризнанные категории можно рассматривать как социальные конструкции, исходящие из сходных подходов к сходным проблемам, с которыми сталкиваются различные культуры, либо их можно

¹³ Если бы такое *интракультурное* понимание прав устраивало то сообщество, в котором оно возникло, и если бы это сообщество не пыталось навязать его другим сообществам, то недостатком такого понятия было бы «только» то, что это не имело бы никакого отношения к правам *человека*, то есть правам, принадлежащим всем человеческим существам.

¹⁴ См. у Акселя Хоннета: «...сами люди обладают способностью предоставить друг другу универсальные права, которые должны гарантировать им реализацию по-человечески достойной жизни» (Honneth 2000: 255 ff).

рассматривать как культурные универсалии (Wiredu 1996) или как речевые универсалии (Holenstein 1998; 1985), если употреблять терминологию Квази Виреда (Kwasi Wiredu) или Элмара Холенштейна (Elmar Holenstein). Неважно, что является основанием для этого, уже длительное время существуют внешние условия для социально образуемых универсалий в глобальном масштабе, так как ни одна из крупных сфер культуры не является сегодня изолированной и все они подвержены взаимному влиянию. По меньшей мере с XV в. происходила мощная всемирная экспансия Запада, который сам, но в гораздо меньшей степени, оказался под влиянием культур, с которыми столкнулся. Глобализационные тенденции последнего времени такие контакты между культурами только усилили. Этот факт не является доказательством достижения какого-то единства, тем не менее он подтверждает как минимум осознание общих проблем, которые необходимо решать. Во всех культурах наблюдаются определенные совпадения, хотя перечень их проблем неодинаков. Несмотря на то, что иерархия этих проблем различна среди культур, она является предметом дискуссий, уже приносящих некоторые ощутимые результаты. Одним из них и является как раз определенная мера согласия при разработке перечня прав человека.

Отождествлять возникновение прав человека только с западной цивилизацией и провозглашать западных авторов, например Джона Локка (John Lock), Джона Стюарта Милла (John Stuart Mill) и других мыслителей, их создателями было бы ошибочным. Универсальные характеристики прав человека можно найти в разных культурах, в которых в ходе истории формулировались требования к общению и поведению людей в виде моральных, религиозных, философских и других систем норм. Хотя с XVIII в. в связи с Американской и Французской революциями эти права постепенно формулировались в западном контексте, во многих культурах эволюция подобия прав человеческих существ имеет гораздо более длительные традиции.

Однако нельзя упустить из виду, что важной страницей истории прав человека является не только их формулирование, но и активное осуществление в процессе исторического развития. Учитывая этот факт, важно осознать, что разные эквиваленты некоторых из человеческих прав существовали в прошлом в различных незападных культурах, в которых западные страны эти права часто устраняли своей колониальной политикой. Поэтому для интерпретации развития и утверждения прав человека необходимо освободиться от иллюзии об однозначной цивилизационной роли одной из культурных сфер, а именно Запада. Это не должно означать отказа от формулирования прав человека с точки зрения Запада, который должен быть одним из участников межкультурной дискуссии, но не самым главным.

Поиск способов реализации прав человека в западной культуре часто был связан с вестфальской эрой национальных государств. Рамки концепции государственного суверенитета в западном мышлении являются исходной точкой для обоих доминантных течений: как для идеи о суверенитете людей, так и для рассуждений о правах частных лиц по отношению к произволу господина и притеснению большинства населения. Эти рассуждения иногда переходят в разногласия, которые связаны этими двумя интерпретациями, соединяя общественную автономию граждан с частной автономией индивидов.

Юрген Хабермас (Jürgen Habermas) объясняет взаимосвязь обоих слагаемых автономии в контексте прав человека, которые понимает как институционализацию «условий коммуникации», в которых может формироваться политическая воля (см.: Habermas 1998a: 170–192; ср. также: 1998b; 1998c). Суверенитет народа,

на котором основывается демократия, и права переплетаются во взаимозависимости частной и государственной автономии.

Причем Хабермас осознает проблемы всемирно осуществляемого насаждения демократии, о чем свидетельствуют высказывания в его разных текстах (Habermas 1998b). Многочисленные понятия демократии, которые посредством демократического централизма охватывают пространство от формальной демократии и демократического популизма до разнообразных версий исламской демократии, также как и сопротивление насильственному и часто лишь риторическому введению демократии за границами Запада, на примере войны в Ираке, заставляют ее сторонников проявлять осторожность (см.: Cohen 2006). Акцент на межкультурном диалоге и толерантности по отношению к различающимся режимам подчеркивают не только социалистические и социально-либеральные авторы, например Джон Ролз (John Rawls), причем они используют при этом понятие международного права, основанного на законах государства.

Для достижения в рамках межкультурного диалога взаимного согласия и признания необходимо различать по крайней мере четыре вида моделей общественного устройства общества, о которых говорится в диалоге. Эти модели содержат разные представления о культурном, политическом, общественном и экономическом устройстве общества.

Во-первых, можно стремиться к наименее требовательной модели, к *modus vivendi*, которая обеспечит определенный консенсус в условиях современной структуры власти. Эта модель бывает составной частью в практическо-политических идеях и компромиссах. Во-вторых, можно стремиться к *межкультурной модели*, которая толерантна к отличиям в разных культурах и одновременно в качестве границы своей допустимой толерантности рассматривает договор о *базовых* правах человека. Данная модель сложнее, чем *modus vivendi*, поскольку в своей нормативной концепции она выходит за границы существующей структуры власти участников диалога, но она менее требовательна, чем модель, включающая *все* права человека. Достижение желаемого согласия по полному перечню прав человека потребует преодоления неоднозначности при их определении. В-третьих, возможно толерантно признавать другие культуры, но в рамках нашей культуры или в узких рамках нашего народа можно иметь более специфически сформулированное представление о правах человека, которое могут не разделять другие культуры или народы. В этой связи можно отметить, что со Второй мировой войны в западноевропейских странах проявлением согласия между социальными и христианскими демократами явилось создание процветающего государства, сторонники которого могли бы надеяться на положительный прием в иных культурах. В то же время существуют политические концепции, которые заявляют права на обретение легитимности. В рамках Европейского союза и США мы можем, например, быть сторонниками гораздо более требовательного демократического и социального устройства общества, чем то, которое было здесь реализовано до настоящего времени в рамках местного понимания прав человека и основанного на нем режима. В-четвертых, в рамках каждой культуры, каждого государства или каждого меньшинства существуют различные социальные группы и лица, которые могут отдавать предпочтение своей собственной так называемой всеохватывающей модели, которая базируется на определенных философских, религиозных или иных представлениях¹⁵. Эти общности не стремятся навязывать эту модель иным

¹⁵ Ролз разделяет всеобъемлющие учения и политические концепции, которые уходят от этих учений (Rawls 1993: 11 ff).

общностям или лицам и осознают то, что данная модель не разделяется всей нацией. Но они могут демонстрировать ее другим и пытаться обосновать ее убедительность.

Если мы попытаемся найти больше, чем только *modus vivendi* (первую модель), то приблизимся к межкультурной модели (вторая модель). Относительно этой модели Аксель Хоннет считает, что права человека в настоящее время в большинстве своем воспринимаются не только как условия коммуникации, но также как требования к взаимоуважению людей, как основа для формирования необходимых социальных, экономических и гражданских условий, обеспечивающих чувство собственного достоинства или уважения (Honnet 2000). Причем эти требования соотносятся с требованиями, предъявляемыми к сосуществованию людей в сообществе, главным из которых выступает доступная для всех реализация человеческого существования. Однако людям для реализации своего человеческого существования в рамках сообщества необходимы гарантии по меньшей мере нескольких типов базовых прав человека.

На основополагающее значение сообщества, основываемое на взаимоотношении между его членами, обращают особое внимание также конфуцианские авторы из Китая и других стран с конфуцианской культурой, и это несмотря на то, что на некоторые вопросы они дают различные ответы. Эти отношения, как отмечает К. Ихара (С. Ihara), представляют собой разные формы признания, которые принимают подобие человеческого достоинства, ценности, равенства, самоуважения и уважения по отношению к остальным (Ihara 2004). Признание человеческого достоинства и равенства человеческих существ выводится здесь из принадлежности к сообществу. При этом ритуалы *ли* (*li*), или отношения в сообществе, служат как потребностям индивида в качестве основы для его собственного совершенствования, «культивирования» самого себя, так и потребностям общественного устройства (Rosemont 2004).

Конфуцианский идеал сообщества совместно с этическим пониманием социальных ролей и с упором на гармоничные отношения – это принципы, которые с точки зрения конфуцианства могли бы встать во главе прав человека, призванные служить продвижению человечности. Согласно Д. Вонгу (D. Wong), обе традиции (как ориентированная на права, так и ориентированная на сообщество) требуют такого понимания сообщества, которое оказалось бы способно предложить креативное решение споров и сделало бы возможным сохранение взаимоотношений между людьми при «сохранении лица» (Wong 2004). Основой для этого может служить интерсубъективное понимание конфуцианской добродетели, *жень*. Как средоточие гуманности, «которая в символе имеет пиктограмму человека с его отношением к другому человеку, она выступает просто категорией отношения – *agens societas* (*агент социализации*)» (Kral 2005: 107). Ее можно использовать при решении споров в человеческих отношениях и таким образом предотвратить спорные законодательные решения в ходе судебных процессов. В этом смысле можно говорить о том, что права имеют общие корни в сообществе.

Упор на сообщество естественно наталкивается на сильные индивидуалистические тенденции некоторых западных либерально ориентированных теорий. Конфуцианцы, подобно западным коммунитаристам, критикуют то чрезмерное значение, которое придается индивидуальным правам. Генри Роземонд (Henry Rosemont), с одной стороны, считает, что если бы в качестве самых основополагающих прав были взяты политические права, понимаемые индивидуалистически, то укрепить идею прав человека в конфуцианской традиции было бы сложно (ср.: Rosemont

2004). С другой стороны, он отмечает, что права человека можно ввести в конфуцианское понимание принадлежности людей в сообществе. В межкультурном диалоге это начинают понимать и либеральные авторы (например: Rawls 1999: 72 ff).

К. Ихара (С. Ihara) указывает, что с конфуцианской точки зрения индивидуальные права ценятся особенно тогда, когда их необходимо употребить в контексте регресса отношений в сообществе (ср.: Ihara 2004). Добродетели как отношения, основанные на признании, должны были бы играть, по мнению Дж. Чана (J. Chan), первостепенную роль, причем правовыми механизмами они должны дополняться только в том случае, когда перестают действовать (Chan 1999). Такое понимание, однако, вовсе не чуждо социально ориентированным течениям в западной традиции. Согласно различным конфуцианским авторам, главные направления западного мышления и практики могут найти в вопросе прав человека консенсус с конфуцианством (Bary, Tu 1998; ср.: Angle 2002).

Признание прав женщин, в том числе гражданских и социальных, может быть также успешно осуществлено. Это станет возможным, если культурное и религиозное сообщества окажутся в более выгодном положении, чем в случае, когда поиск решения проблем осуществляется только на абстрактном уровне. Как утверждает Норани Отман (Norani Othman), в мусульманских странах в последние два десятилетия развитие произошло благодаря использованию определенной религиозной и культурной парадигмы многих женских групп (Othman 1999; ср.: An-Na'im 1992; 2002; Göle, Ammann 2006). Общие подходы, которые используют западные и незападные женские движения, заключаются в опоре на ту данную социальную систему, из которой исходят предрассудки и в рамках которой против них борются. Следовательно, оптимальное понятие прав человека, которое было бы в согласии с исламскими ценностями, должно быть основано на *иджтимахе* (*idzhtihad*), то есть на критической переоценке мусульманских канонических текстов, включая *шариат*.

Значимое основание прав человека также находится в их социальном и экономическом аспекте. Яш Гхай справедливо отмечает, что определенные взгляды и ценности по отношению к правам в первую очередь обусловлены материальными отношениями даже несмотря на то, что не существует идентичности идеологии и реальности (Ghai 1999). На примере Азии он акцентирует внимание на влиянии глобализации на материальное положение людей и тем самым на понимание прав и их практическую реализацию. Лесли Склэйр (Leslie Sklair) в связи с глобализацией анализирует два кризиса: во-первых, классовую поляризацию и, во-вторых, экологические проблемы неустойчивого развития (Sklair 2008). Оба кризиса, по его мнению, связаны с культурой и идеологией потребительства, которые определяют динамику глобального капитализма. Против них он ставит культуру и идеологию прав человека, в которых видит потенциал для решения обоих упомянутых кризисов с помощью альтернативной, социальной глобализации. Человеческие права здесь понимаются как права, имеющие социальный и экономический аспекты, которые приносят пользу демократизации.

С точки зрения иной перспективы подобный мотив формулирует Джеффри Флинн, который также говорит о материальных условиях межкультурного диалога (Flynn 2008). Он считает необходимым уйти от обычного фокусирования взгляда на межкультурном диалоге. С одной стороны, автор интересуется более широким социальным и экономическим контекстом, в котором существует межкультурный диалог, с другой – обязанностями, особенно социальными и связанными с экономическими правами человека. Межкультурный диалог едва ли сможет возникнуть

в ситуации экстремальной нищеты многих людей, которая преимущественно господствует в развивающихся странах. Только ее устранение позволит легитимно создать институты, которые могли бы существовать в космополитической среде. Такой подход, однако, требует сосредоточиться не только на морально-правовом дискурсе, но заметнее, чем до сих пор, на дискурсе этически-политическом, то есть на дискурсе, основанном на отношениях в рамках сообщества. Этот акцент, кроме всего прочего, означает проявление большего интереса к практической реализации норм.

Поскольку ответственность за утверждение прав человека до сих пор несут отдельные государства, которые в эпоху глобализации с учетом своего слабеющего влияния по отношению к сильным глобальным экономическим акторам все менее способны гарантировать реализацию этих прав в жизни, то в современной поствестфальской эре особенно необходимо изучать и продвигать права человека начиная с уровня локального сообщества через государственный и международный уровни до уровня глобального посредством межкультурного диалога.

4. Заключение: «Великая хартия вольностей» для всего человечества

Все вышеизложенное требует в заключение постановки более эмпирического вопроса о создании правового документа типа «Великой хартии вольностей» для всего человечества. В рамках современного международного права первым таким правовым документом, как хорошо известно, явилась *«Всеобщая декларация прав человека»*.

Урок Второй мировой войны привел к созданию Организации Объединенных Наций, а в 1946 г. – к созданию Комиссии ООН по правам человека, которая уже с начала своего основания занималась разработкой универсальной декларации прав человека. Сначала в этой комиссии сотрудничали представители 18 государств, причем над формулированием декларации работала группа из восьми человек из Австралии, Чили, Китая, Франции, Ливана, СССР, Великобритании и США. Впоследствии на основе выработанных формулировок секретариат ООН подготовил предложения, которые послужили материалом для последующих дискуссий и предложений по их изменению со стороны других государств-участников.

Декларация была принята в 1948 г. на Генеральной Ассамблее ООН в присутствии 58 государств-участников из многих культурных регионов. 48 из них высказались в пользу декларации, 8 от голосования воздержались, а представители двух стран в момент голосования отсутствовали. Следовательно, можно сказать, что если первоначальный проект был разработан группой лиц, которая не была достаточно репрезентативной по отношению к народам и различным культурам мира, то впоследствии дискуссия и одобрение документа были уже реализованы значительно более широким, хотя и не всеобъемлющим, представительством.

Содержание декларации является результатом усилий по формулированию перечня обязательных к исполнению норм, которые могли бы быть приняты буквально всеми отдельными народами и культурами. Поскольку в формулировании этой декларации участвовали представители разных культурных регионов и они стремились найти общие для всех нормы, то декларацию можно рассматривать как транскультурный результат межкультурного диалога. Без сомнения, этот результат не является абсолютно совершенным, он не мог реализовать все требования, предъявляемые к межкультурной репрезентации и транскультурному консенсусу, тем не менее можно говорить об одной из немногих первых формулировок гло-

бальных норм. В эпоху планетарных, военных и других агрессивных взаимодействий такое межкультурное видение транскультурно признаваемых ценностей является особенно важным шагом. Транскультурные нормы прав человека являются определенным общим нормативным фундаментом, опорой в предотвращении различных военных и других конфликтов.

Хотя декларация не является юридически обязательной, тем не менее она стала основой для создания нескольких десятков документов, которые имеют статус обязательных для участников договора правовых документов. Назовем хотя бы Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах¹⁶. Оба пакта были единогласно приняты многими государствами на Генеральной Ассамблее ООН и до настоящего времени были ратифицированы большинством стран¹⁷. Последующие правовые документы эти пакты уточняют и дополняют различными социальными, экономическими, культурными, политическими, гражданскими, экологическими и другими правами.

Различные права должны быть по отношению друг к другу достаточно четко определены. ООН в этой связи настаивает на трех основных характеристиках прав человека: универсальности, нераздельности и взаимосвязанности. Я хотел бы обратить внимание на факт, что экономические, культурные, гражданские, политические и социальные права, если их проранжируем в порядке английского алфавита, взаимно обуславливаются и поддерживаются.

Необходимо осознать, что ратифицированные права человека, приведенные в международных документах, являются пока требованиями, которые реализованы не полностью. Именно по этой причине сегодня говорится о *базовых* правах человека, исполнение которых должно быть в первую очередь достигнуто и осуществлено. Одновременно необходимо не отказываться от дискуссии о более широком наборе прав человека, который уже был определен в международных документах. Для реализации прав человека, однако, необходима опора, в качестве которой служит список базовых прав человека, который может получить более сильную поддержку, а тем более широкое применение. От него уже легче будет перейти к более широкому перечню или же к их пересмотренным и постепенно определяемым формам. Это, однако, является предметом комплексной и сложной межкультурной дискуссии.

В конце этой статьи мне бы хотелось подчеркнуть необходимость для каждой из сторон диалога иметь реальную социальную возможность и условия представлять свои предложения в процессе межкультурного формирования транскультурных норм. Предложения должны быть обсуждены с целью принятия совместного варианта. Поскольку было бы неправомерно формулировать квазитранскультурные права человека как ответвление западных национальных прав, важно, чтобы мы не только были открыты для глобального пересмотра наших позиций и пред-

---

¹⁶ Пакты были приняты в 1966 г., почти через 20 лет после подготовительного процесса в рамках ООН. Пакты вступили в действие на десять лет позже, в 1976 г., после необходимого процесса ратификации (*Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах* [1966, 1976]; *Международный пакт о гражданских и политических правах* [1966, 1976]).

¹⁷ К 18 апреля 2008 г. 158 стран ратифицировали Международный пакт об экологических, социальных и культурных правах, 161 страна – Международный пакт о гражданских и политических правах. См.: Ratifications and Reservations. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/ratification/4.htm>. Что касается пакта об экономических, социальных и культурных правах, то страны Европейского союза пакт ратифицировали, США – нет. См.: Ratifications and Reservations. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/ratification/3.htm>

ложений, исходящих от иных культур и стран, но и чтобы мы включились в обсуждение на различных уровнях, с подходящими моделями (хотя бы четырьмя) устройства общества и с точки зрения различных перспектив диалога, как об этом говорилось выше.

Литература

Adorno, T. W., Horkheimer, M. 1988 [1944]. *Dialektik der Aufklärung: Philosophische Fragmente*. Frankfurt a/M.: Fischer.

Angle, S. C. 2002. *Human Rights and Chinese Thought: A Cross-Cultural Inquiry*. Cambridge: Cambridge University Press.

An-Na'im, A. A.

1992 (ed.). *Human Rights in Cross-Cultural Perspectives: A Quest for Consensus*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

2002. *Cultural Transformation and Human Rights in Africa*. London: Zed Books.

2005. The Interdependence of Religion, Secularism, and Human Rights. Symposium Talking Peace with Gods. Part 2. *Common Knowledge* 11(1): 56–80.

Arnason, J. P. 2003. *Civilizations in Dispute. Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden; Boston: Brill.

Bary, T. de, Tu, W. 1998. *Confucianism and Human Rights*. New York: Columbia University Press.

Benjamin, N. 1973. Civilizational Complexes and Intercivilizational Encounters. *Sociological Analysis* 34(2): 79–105.

Blum, L. A.

1994. Multiculturalism, Racial Justice, and Community: Reflections on Charles Taylor's 'Politics of Recognition'. In Foster, L., Herzog, P. (eds.), *Defending Diversity: Contemporary Philosophical Perspectives on Pluralism and Multiculturalism* (pp. 175–205). Amherst: University of Massachusetts Press.

1998. Recognition, Value, and Equality. *Constellations* 1.

Chan, J. 1999. A Confucian Perspective on Human Rights for Contemporary China. In Bauer, J. R., Bell, D. A. (eds.), *The East Asian Challenge for Human Rights* (pp. 212–237). Cambridge: Cambridge University Press.

Cohen, J. 2006. Is there a Human Right to Democracy? In Sypnowich, Ch. (ed.), *Egalitarian Conscience: Essays in Honour of G. A. Cohen* (pp. 226–248). Oxford: Oxford University Press.

Diamond, J. 1997. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. New York: W. W. Norton & Co.

Eisenstadt, S. N. (ed.) 2002. *Multiple Modernities*. New Brunswick, Transactions Publishers.

Elias, N. 2000. *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations*. London: Wiley-Blackwell.

Flynn, J. 2008. Human Rights, Transnational Solidarity, and Duties to the Global Poor. In Hrubec, M. (ed.), *Interkulturní dialog o lidských právech. Zpadní, islamské a konfucianské perspektivy (An Intercultural Dialogue on Human Rights. The Western, Islamic, and Confucian Perspectives)* (pp. 135–175). Prague: Filosofía.

Fraser, N. 1977. Multiculturalism, Antiesentialism, and Radical Democracy. In Fraser, N., *Justice Inter-ruptus: Critical Reflections on the 'Postsocialist' Condition* (pp. 173–188). New York; London: Routledge.

Fraser, N., Honneth, A. 2003. *Redistribution or Recognition?* London; New York: Verso.

Ghai, Y. 1999. Rights, Social Justice, and Globalization in East Asia. In Bauer, J. R., Bell, D. A. (eds.), *The East Asian Challenge for Human Rights* (pp. 241–263). Cambridge: Cambridge University Press.

Göle, N., Ammann, L. (eds.) 2006. *Islam in Public*. Istanbul: Istanbul Bilgi University Press.

Habermas, J.

1981. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt a/M.: Suhrkamp.

1998a. *Zur Legitimation durch Menschenrechte*. In Habermas 1998b: 170–192. Frankfurt a/M.: Suhrkamp.

1998b. *Die postnationale Konstellation. Politische Essays*. Frankfurt a/M.: Suhrkamp.

1998c. *Faktizität und Geltung*. Frankfurt a/ M.: Suhrkamp.

Holenstein, E.

1985. *Sprachliche Universalien: Eine Untersuchung zur Natur des menschlichen Geistes*. Bochum: Brockmeyer.

1998. *Kulturphilosophische Perspektiven*. Frankfurt a/M.: Suhrkamp.

1999. *Menschliches Selbstverständnis*. Frankfurt a/M.: Suhrkamp.

Honneth, A.

1992. *Kampf um Anerkennung*. Frankfurt a/M.: Suhrkamp (In English: *The Struggle for Recognition*. Cambridge, Polity Press, 1995).

2000. Universalism als moralische Falle? In Honneth, A., *Das Andere der Gerechtigkeit* (pp. 255–281). Frankfurt a/M.: Suhrkamp.

Hrubec, M. 2007. Unrecognized Rights-Agents, Misrecognized Rights-Holders: Social Justice in the Global Context. In Harris, J. (ed.), *Contested Terrains of Globalization: GSA Conference Proceedings* (pp. 27–49). Chicago: Global Studies Association.

Huntington, S. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.

Ibn Khaldun 1989. *The Muqaddimah: An Introduction to History* / Ed. by N. J. Dawood. Princeton: Princeton University Press (full text 1958).

Ignatieff, M. 2001. *Human Rights as Politics and Idolatry* / Ed. by A. Gutmann. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Ihara, C. K. 2004. Are Individual Rights Necessary? A Confucian Perspective. In Shun, K.-L., Wong, D. B. (eds.), *Confucian Ethics. A Comparative Study of Self, Autonomy, and Community* (pp. 11–30). Cambridge: Cambridge University Press.

Ingram, J. 1998. Comment on Lawrence Blum. *Constellations* 1: 69–73(5).

Kögler, H.-H. 2005. Recognition and Difference. The Power of Perspectives in Interpretative Dialogue. *Social Identities* 11(3).

Kral, O. 2005. *Cinska filosofie. Pohled z dejin*. Lasenice: Maxima.

Kroeber, A. L., Kluckhohn, C. 1963. *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions*. New York: Vintage Books.

Maritain, J. 1949. *Human Rights: Comments and Interpretations*. New York: Columbia University Press, UNESCO.

Onuma, Y. 1999. Towards an Intercivilizational Approach to Human Rights. In Bauer, J. R., Bell, D. A. (eds.), *The East Asian Challenge for Human Rights* (pp. 103–123). Cambridge: Cambridge University Press.

Othman, N. 1999. Grounding Human Rights Arguments in Non-Western Culture: Shari'a and the Citizenship Rights of Women in a Modern Islamic State. In Bauer, J. R., Bell, D. A. (eds.), *The East Asian Challenge for Human Rights* (pp. 169–192). Cambridge: Cambridge University Press.

Rawls, J.

1993. *Political Liberalism*. New York: Columbia University Press.

1999. *The Law of Peoples with 'The Idea of Public Reason Revisited'*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Rosemont, H. Jr. 2004. Whose Democracy? Which Rights? A Confucian Critique of Modern Western Liberalism. In Shun, K.-L., Wong, D. B. (eds.), *Confucian Ethics. A Comparative Study of Self, Autonomy, and Community* (pp. 49–71). Cambridge: Cambridge University Press.

Said, E. W. 1994. *Culture and Imperialism*. New York: Vintage.

Samson, C., Smith, N. (eds.) 1996. *The Social Construction of Social Policies. Methodologies, Racism, Citizenship and the Environment*. New York: St. Martin.

Schmied-Kowarzik, W. (Hg.) 2002. *Verstehen und Verständigung. Ethnologie – Xenologie – Interkulturelle Philosophie*. Würzburg: Königshausen und Neumann.

Senghaas, D.

1998. *Zivilisierung wieder Willen. Der Konflikt der Kulturen mit sich selbst*. Frankfurt a/M.: Suhrkamp.

2007. *On Perpetual Peace: A Timely Assessment*. New York: Berghahn Books.

Sklair, L. 2008. Globalizace lidských práv (The Globalization of Human Rights). In Hrubec, M. (ed.), *Interkulturní dialog o lidských právech. Západní, islamské a konfucianské perspektivy (An Intercultural Dialogue on Human Rights. The Western, Islamic, and Confucian Perspectives)* (pp. 49–81). Prague: Filosofia.

Spengler, O. 2006 [1919–1922]. *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. München: Taschenbuch.

Taylor, C.

1992. *The Ethics of Authenticity*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.

1994. *Multiculturalism. The Examining the Politics of Recognition* / Ed. by A. Gutmann. Princeton: Princeton University Press.

1999. Conditions of an Unforced Consensus on Human Rights. In Bauer, J., Bell, D. A. (eds.), *The East Asian Challenge for Human Rights* (pp. 124–144). Cambridge: Cambridge University Press.

Tehrani, M. 2007. *Rethinking Civilization: Resolving Conflict in the Human Family*. London; New York: Routledge.

Tönnies, A. 2005 [1887]. *Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Toynbee, A. J. 1934–1961. *A Study of History*. Oxford: Oxford University Press.

Wallerstein, I. 2006. *European Universalism*. New York: New Press.

Wiredu, K. 1996. *Cultural Universals and Particulars: An African Perspective*. Bloomington: Indiana University Press.

Wong, D. B. 2004. Rights and Community in Confucianism. In Shun, K.-L., Wong, D. B. (eds.), *Confucian Ethics. A Comparative Study of Self, Autonomy, and Community* (pp. 31–48). Cambridge: Cambridge University Press.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

РОССИЯ И ИДЕИ ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЫ

Б. М. Смитиенко

Идеи объединения Европы возникли давно, еще в начале XVI в. Позднее они в различных вариациях развивались многими выдающимися мыслителями, учеными, философами, политиками, писателями. В реальной практике Европа никогда не была единой ни этнически, ни политически. Формирование общего европейского образовательного пространства предполагает не унификацию, а координацию, взаимообогащение национальных систем образования и образовательных культур при сохранении национального своеобразия и цивилизационных различий. Роль России в этом процессе весьма существенная. Как крупнейшая в мире евразийская страна, имеющая значительные геополитические и геоэкономические преимущества, Россия объективно должна развивать многовекторную внешнюю политику.

Ключевые слова: *Россия, Европа, объединенная Европа, экономика, политика, культура, экономическая интеграция, Европейский союз, Западная Европа, Восточная Европа, экономическое развитие, глобальная безопасность, геополитика, сотрудничество, стратегическое партнерство.*

Анализируя в настоящее время, на исходе первого десятилетия XXI в., в условиях глобализации экономики реальные проблемы экономического взаимодействия России и европейских государств, прежде всего Европейского союза, отметим тот немаловажный факт, что идеи объединения Европы (а значит, и взаимодействия нашей страны с этой объединяющейся Европой) не являются детищем лишь второй половины XX столетия, когда начались процессы европейской экономической интеграции. Такого рода идеи возникли очень давно, еще в начале XVI столетия об этом писал Эразм Роттердамский (цит. по: Rougemont 1966: 86). Позднее эти идеи в различных вариациях развивались и другими выдающимися мыслителями, учеными, философами, политиками, писателями. Так, например, идеи единой Европы были основными в работах Эмерика Крюссе, в «Великом плане» герцога де Сюлли (XVII в.), в европейских проектах Уильяма Пенна и Шарля де Сен-Пьера (XVIII в.) и т. д. Обращаясь сегодня, в начале XXI столетия, к работам этих мыслителей и политиков, можно увидеть идеи, которые очень близки современным подходам к процессам единения Европы. Так, например, Уильям Пенн, один из руководителей квакерского движения в Англии, опубликовал в конце XVII в. работу под названием «Очерк о настоящем и будущем мире в Европе». Это было, по существу, новое слово в развитии «европейской идеи», поскольку в нем сочетались попытки соединить христианский гуманизм и пацифизм с прагматическим

подходом, позволявшим учитывать реальную политическую структуру Европы, разделенной на множество государств. У. Пенн разносторонне охарактеризовал выгоды, которые можно получить от обеспечения мирного порядка в Европе. Это не только сохранение человеческих жизней и плодов человеческого труда, восстановление авторитета христианства и воплощение его нравственных идеалов, но и позитивное воздействие мира в Европе на экономическую и культурную жизнь – развитие ремесел, торговли и путей сообщения в Европе, строительства, образования, искусства. Одной из центральных идей У. Пенна было создание «Европейской лиги, или конфедерации». Ее высшим органом должно было стать собрание представителей европейских государств (конгресс, верховный совет, парламент или палата). При этом главную функцию этого европейского форума У. Пенн связывал с мирным разрешением конфликтов между странами или (в ситуации, когда одна из конфликтующих сторон не подчиняется принятому решению и прибегает к насильственным методам) санкционированием и организацией совместных действий остальных государств с целью принудить ее к подчинению и возмещению ущерба пострадавшей стороне. Характерен подход У. Пенна к определению участников Европейской лиги: он называет при этом все европейские государства, завершая их перечень на востоке Польшей и тогдашней Курляндией, но считает, что «было бы достойным и справедливым» принять в эту лигу «турок и москвитов». Прогноз У. Пенна в значительной степени состоялся (Турция уже многие годы стремится вступить в нынешний Европейский союз, а Россия имеет опыт реализации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве), а в его комплексном взгляде на европейское сотрудничество видны самые современные по нынешним меркам подходы.

Идеи европеизма в XIX столетии развивались параллельно с идеями универсализма и космополитизма. Определенную популярность в этот период приобрел лозунг «Соединенных Штатов Европы». Так, в 1849 г. в своей речи на Парижском конгрессе мира именно эту мысль развивал знаменитый французский писатель Виктор Гюго. Характерно, что и он видел Россию в качестве неперемennого участника мирной процветающей Европы. В начале XX в. идеи создания «Соединенных Штатов Европы» снова стали популярными.

Ясно, что для европейской общности объективно существуют естественные и исторические предпосылки. Это географические факторы, связанные с относительной компактностью территории Европы (особенно ее западной части) в сравнении, например, с необъятными просторами Азии и других материков, преобладанием равнин, не разделенных горными хребтами, существованием множества судоходных рек. Впрочем, эти же предпосылки имели и негативные последствия для европейских государств, облегчая вторжение врагов. Исторически при этом расшатывалась родоплеменная замкнутость, возникали межплеменные связи, рождались, исчезали и снова возникали государственные образования, объединявшие различные этнические группы, соответственно перекраивались государственные границы. Как обоснованно пишет в связи с этим Ю. А. Борко, «по-видимому, именно в этот период начинают складываться такие черты европейца, как высокая мобильность, относительная открытость, готовность к межнациональным контактам, способность к восприятию чужого опыта» (Борко 2003: 45).

При этом Европа в реальной практике никогда не была единой ни этнически, ни политически. Только в самом начале ее истории периодически возникали «квазиконтинентальные» государства, искусственно объединенные силой и охваты-

вавшие полностью или частично Западную, Южную и Срединную Европу: древняя Римская империя (I в. до н. э. – V в. н. э.), франкская империя Каролингов (VIII – сер. X в.) и Германская, или Священная, Римская империя. Следует отметить, что именно последняя часто упоминается как прообраз единой католической и монархической Европы. Возникнув во второй половине X в. и номинально просуществовав до 1806 г., Священная Римская империя уже с самого своего создания была достаточно «рыхлым» и неустойчивым образованием, фактически конгломератом феодальных государств и их владений. Поэтому роль Священной Римской империи как одного из первых проводников «европейской идеи» была на самом деле достаточно незначительной.

Видимо, существенно большее значение имели духовные истоки европеизма, связанные со взглядами на Европу как на регион, который являет миру свой особый – европейский – тип цивилизации.

Однако эти прекрасные идеи единения Европы на практике длительное время находились в очевидном контрасте с европейскими реалиями, которые были совсем другими – династические распри, религиозная и национальная нетерпимость, конфликты и войны. Показательна в этом смысле речь, которую произнес в сентябре 1970 г. в Цюрихском университете У. Черчилль, напомнивший о том, что Европа является «самым возделанным регионом на земле», «источником христианской веры и христианской этики», «родиной большинства творений культуры, искусства, философии и науки». Назвав в качестве причин европейской трагедии «серию ужасных националистических ссор», У. Черчилль предупредил, что крушение или порабощение Европы вернуло бы ее к «временам раннего Средневековья со всей жестокостью и убожеством» (Churchill 1970: 373). Нельзя, впрочем, считать, что сегодняшняя Европа представляет собой идеальный образец межнациональной гармонии – здесь есть свои проблемы и противоречия, однако острота их в сравнении с указанными периодами в целом снизилась.

Практически идеи единения Европы были реализованы лишь во второй половине 50-х гг. XX столетия, когда она вступила на путь международной экономической интеграции. Можно полагать, что именно тогда начался переход Европы от националистических антагонизмов к иному ее состоянию и качеству, которое определяют как «солидарная Европа».

Идея единой Европы приобрела практический смысл в результате совпадения во времени и взаимодействия четырех основных факторов (см.: Борко 2003: 42–43). Первый из этих факторов связан с трагическим опытом двух мировых войн, в основе которых были конфликты взаимоотношений именно в Европе. И выбор здесь оказывается достаточно очевидным: либо мир, либо закат европейской цивилизации, который предсказывал еще в 1918 г. Освальд Шпенглер. В основе второго фактора лежит тот факт, что завершился в целом процесс «кристаллизации» западной экономической системы, главными составляющими которой являются рыночная экономика, дополненная механизмами социальной защиты, политическая демократия, правовое государство (несмотря на сохраняющиеся в этих областях проблемы). Третьим фактором стали далеко зашедшая интернационализация экономической жизни и понимание того, что протекционистские барьеры не только тормозят экономический и социальный прогресс, но и создают предпосылки возрождения национализма, а это чревато новыми конфликтами и войнами. Четвертым фактором стала идея единой Европы как особого типа цивилизации, основанной на культурном наследии греко-римской античности, христианской этике,

гуманистических традициях времен Ренессанса, Реформации и Просвещения, принципах либерализма.

Возникло явление, которое иногда определяют как «европейское сознание», в основе которого лежит понимание Европы как чего-то большего, чем простого конгломерата народов, которым по объективным историческим причинам предстало быть соседями (и в этом смысле составляющей «европейского сознания» является европейское «добрососедство»). Одновременно с этим развивались положения не просто об уникальности, но и особой исторической «избранности» Европы, при этом весь остальной мир рассматривался как «Неевропа» (в чем проявлялись определенный снобизм, высокомерие в отношении «остального мира»).

Если первая половина XX в. была для Западной Европы периодом упадка, то во второй половине столетия она добилась серьезных успехов и, по существу, вступила в период нового возрождения. Определяющую роль в этом позитивном развитии Западной Европы (к которой затем подключился ряд стран Центральной и Восточной Европы) играет процесс международной экономической интеграции. В рамках этого процесса были пройдены этапы зоны свободной торговли, таможенного союза, общего рынка, формирования Экономического и валютного союза. Сейчас решаются задачи более тесной политической интеграции. Впрочем, продолжающееся расширение Европейского союза, на наш взгляд, в значительной мере усложняет решение этих задач и делает само интеграционное образование в Европе менее концентрированным и более «рыхлым» и аморфным. Начавшийся в 2008 г. мировой финансово-экономический кризис негативным образом отразился на развитии экономики Европейского союза и интеграционного процесса в его рамках, прежде всего на развитии Экономического и валютного союза («зоны евро»). Наиболее остро весной 2010 г. эти проблемы проявились в Греции, что даже поставило под сомнение перспективы дальнейшего развития зоны евро.

Важно то, что в последние годы в рамках Европейского союза были действительно достигнуты качественно новые, более высокие и достойные человека социально-экономические стандарты жизни и реализована впервые в новой истории комбинация «свободы и достатка» для большинства (см.: Гринберг 2006: 13).

Вместе с тем не следует преувеличивать значения объединительных тенденций во взаимодействии стран, входящих в настоящее время в состав Европейского союза, как в экономической, политической, социальной, культурной и других сферах. В реальной практике все оказывается делом более сложным и противоречивым. Учитывая это, известный специалист в области западной культуры Ж. Барзун пишет, что не плюрализм, а сепаратизм стал сильнейшей тенденцией рубежа тысячелетий, идеал плюрализма дезинтегрировал и сепаратизм занял его место, возобладала идея, что «салат лучше, чем плавильный тигель» (Barzun 2000: 25). Хорошо известны тенденции сепаратизма в Великобритании (Северная Ирландия, Шотландия, Уэльс), во Франции (бретонцы, корсиканцы, баски и эльзасцы), на севере и юге Италии, в Испании (каталонцы и баски) и т. д. В значительной степени общей тенденцией для большинства стран ЕС являются снижение рождаемости, депопуляция коренного населения и одновременно резкий рост иммиграции, особенно мусульманского населения. Неслучайно в Западной Европе получил распространение термин «Еврабия». Как пишут авторы доклада Национального совета по разведке США «Глобальные тенденции – 2025: Трансформированный мир», «новые члены ослабят совокупную силу Европейского союза. Мусульманские иммигранты сделают Европу более пестрой и менее консолидированной. Пробным

камнем расширения влияния Европейского союза будет вопрос о приеме Турции до 2025 г. Европа будет в большей степени зависимой от России в сфере энергии. Более других сблизятся с Россией Германия и Италия» (NIC 2008).

Действительно, степень влияния Европы на мировой арене будет зависеть от ее способности достичь большего политического единства. Вступление в перспективе в ЕС новых восточноевропейских государств может осложнить его последующее эффективное экономическое развитие. Возможное вступление в ЕС Турции влечет за собой как угрозы (из-за размера Турции и ее религиозных и культурных отличий), так и благоприятные возможности (в том случае, если между ней и другими членами ЕС будет достигнуто взаимопонимание по основным вопросам). «В процессе “притирки” могут быть найдены новые решения, которые помогут Европе адаптировать и интегрировать свое растущее мусульманское население» (Уткин, Федотова 2009: 87).

Впрочем, на протяжении примерно четырех десятилетий до относительно недавнего времени успехи западноевропейских стран, входящих в состав ЕС, не внесли кардинальных изменений в соотношение сил между США и Западной Европой, и разрыв в макроэкономических показателях между ними был значительным. Однако сейчас, после формирования Экономического и валютного союза, повышения роли евро в мировой валютной системе и увеличения числа стран – участниц ЕС с 15 до 27, ситуация изменилась.

Европейский союз становится все более авторитетной экономической и политической силой на мировой арене. В связи с этим Европейскому союзу так или иначе придется определиться в своих отношениях с «бесспорным» лидером «западного мира» – Соединенными Штатами Америки. Одновременно с этим в мировой экономике и политике все больше выходит на передний план фактор не просто Китая, но и «большой китайской (“конфуцианской”) экономики», а также Индии и Бразилии, входящих вместе с Россией в такое новое образование, как BRIC. Поэтому Европейскому союзу нужно «определяться» в своих взаимоотношениях не только с США, но и с новыми растущими лидерами мировой экономики.

Та добровольная зависимость от США, на которую согласилась и к которой в определенной степени привыкла Западная Европа (несмотря на имевшиеся здесь «отклонения» – например, устойчивый антиамериканизм в послевоенной Франции) во времена холодной войны, в настоящее время уже не вполне согласуется с новой ситуацией в мировой экономике и политике. И отстоять свои позиции в новом мире Европа сможет только при условии единства, хотя, как обоснованно пишет Ю. А. Борко, «в новое столетие она вошла тремя колоннами – интегрированная Западная Европа, жаждущая интегрироваться Центральная Европа и задержавшаяся на развилке истории Восточная Европа вкупе с несколькими государствами, расположенными в западной части Балкан. И для каждой из этих трех групп проблема “единой Европы” выглядит по-разному» (Борко 2003: 426–427).

Вместе с тем идеи единой Европы немислимы без России, потому что история нашей страны тесно переплетена с историей Европы. Россия – важнейшая составная часть Европы, хотя она представляет собой крупнейшее в мире евразийское государство. Значение России для остальной Европы (разумеется, при объективном анализе) трудно переоценить.

Об этом свидетельствует вся история наших взаимоотношений. Действительно, первое русское государство – Киевская Русь – возникло на торговом пути «из варяг в греки». В период татаро-монгольского нашествия именно Россия «закрыла собой» Западную и Центральную Европу, сама оказавшись на три долгих столетия под татаро-монгольским игом. Сбросив с себя татаро-монгольское иго, Россия в конце XV в. возобновила свои политические и торгово-экономические связи с Европой. Упорные войны России с Османской Портой положили в конце концов пределы османской экспансии в Европе. Именно о Россию разбились бредовые идеи Наполеона и Гитлера о мировом господстве. Поэтому исторически современная Европа и европейская цивилизация самым своим существованием во многом обязаны именно России. Можно вполне уверенно утверждать, что европейская цивилизация никогда не вышла бы на свой современный уровень без вклада в нее культуры, науки и образования, медицины, литературы, музыки и живописи России. Понимание этого очевидного факта присутствовало еще в письме выдающегося немецкого ученого Готфрида Вильгельма Лейбница Петру Великому, в котором он отмечал, что Россия могла бы стать христианским мостом, связывающим Европу и Китай в целях высшего синтеза цивилизации (Сборник... 1873: 207–313).

Есть и другая, не менее важная сторона российского вклада в общеевропейское развитие, связанная с отрицательным опытом развития. Как обоснованно пишет академик Н. П. Шмелев, «без романтических мессианских устремлений России и ее кровавых ошибок современная европейская цивилизация вряд ли сумела бы найти тот баланс между человеческой инициативой и социальной ответственностью, между экономической эффективностью и общественной солидарностью, который составляет сегодня основу ее политической и социально-экономической стабильности и ее растущего международного влияния» (Шмелев 2006: 17–18).

Россия трижды предпринимала решительные попытки преодолеть экономическое и культурное отставание от передовых европейских государств – первый раз при Петре Великом, затем в период между отменой крепостного права и началом Первой мировой войны, третья попытка имела место после 1917 г. При этом первые две попытки принесли временный успех и сблизили Россию с Европой, но своей конечной цели не достигли. Третья попытка догнать развитые страны Запада, которая была предпринята коммунистической властью в СССР, успеха не имела и фактически завершилась распадом союзного государства и усилением отставания от развитых европейских стран (см. подробнее: Борко 2003: 7–8). Сейчас руководство России активно работает в направлении преодоления этого отставания, усилившегося в результате поспешных, мало продуманных реформ 90-х гг., и в начале XX столетия здесь произошли позитивные сдвиги. Однако мировой финансово-экономический кризис 2008 г. затормозил социально-экономическое развитие России, что, конечно, негативным образом проявляется и в нашем взаимодействии с Европейским союзом.

Идеи сближения России и Европейского союза со стороны ЕС нашли свое отражение в ряде доктрин, концептуальных документов. В их числе – концепции «общеевропейского дома», «конфедерации Западной и Восточной Европы» (Ф. Миттеран), «Европы концентрических кругов» (Ж. Делор), такие религиозные доктрины, как концепция «христианской цивилизации», «европейского блага» и др. Уже в XXI в. появились концепции «Большой Европы», «Европы друзей» и др. В основе

данных концепций и доктрин лежат объективные процессы интернационализации всех сфер общественной жизни Европы. Хотя восточная стратегия ЕС унаследовала основные принципы стратегических подходов конца XX в., однако в ней появились новые моменты – политического, экономического и геостратегического характера. Как отмечал, в частности, Дж. Пиндер, коллективная стратегия предусматривала «диалог политиков высокого уровня», создание «стабильной и открытой, плюралистической демократии в России, основанной на принципах правового государства и поддержания процветающей рыночной экономики». Он также подчеркивал, что Россия становится фактором стабильности и формирования нового европейского порядка, и призывал в связи с этим к активному сотрудничеству с Россией для обеспечения европейской стабильности, содействия глобальной безопасности и поиска ответов на общий вызов на континенте (Пиндер, Шишков 2003: 155).

В настоящее время отношения России и Европейского союза претерпевают определенную эволюцию. Главное состоит в том, что они перешли от деклараций к непосредственной практике экономического и политического взаимодействия. В условиях перехода к новому миропорядку вопросы партнерских взаимоотношений России и Европейского союза приобретают огромное значение именно в аспекте единства Европы и повышения ее авторитета на мировой политической и экономической арене. Нас объединяют цивилизационное, культурное и, несмотря на конфликты между конфессиями в предшествующие столетия, религиозное родство, отношения взаимозависимости и общая заинтересованность в обеспечении национальной, европейской и общемировой безопасности. Несмотря на имеющиеся проблемы, в целом реализуются идеи концепции «четырёх общих пространств»: пространства внешней безопасности; пространства внутренней безопасности, свободы и порядка; общего экономического пространства; общего культурного и образовательного пространства. При всей обобщенности и некоторой «расплывчатости» этих ориентиров взаимного сотрудничества они тем не менее определяют основное направление и основной «лейтмотив» движения России и Европейского союза навстречу друг другу, их сближения и взаимопроникновения во всех основных сферах общественной жизни.

Эти идеи «четырёх общих пространств» были сформулированы в мае 2001 г., когда в ходе очередного саммита «Россия – ЕС» в Санкт-Петербурге председателем Европейской комиссии Р. Проди была выдвинута идея создания Общего европейского экономического пространства (ОЕЭП), поддержанная руководством России. Указанные идеи ОЕЭП, предварительно разработанные в аналитических и прогностических центрах ЕС, выступают как ответ на вызовы современной эпохи: кардинальные геополитические и геоэкономические сдвиги и «новый гегемонизм» США, современные требования научно-технической революции в условиях глобализации, социальные изменения, происходящие в Европе. Можно сказать, что концепция Р. Проди представляет собой продукт традиционной восточной стратегии Европейского союза с учетом специфики начала XXI в. При этом ее глубинный смысл, как и ранее, связан с преодолением раскола Европы на ее западную и восточную части, а также с «освоением» экономического и цивилизационного пространства Восточной Европы на основе европейских (западных) ценностей. Однако, несмотря на отмеченные обстоятельства, выдвинутая Р. Проди идея ОЕЭП имеет основательное, глубокое содержание, так как она отражает прошлое,

настоящее и возможные перспективы сближения двух гигантских географических пространств. Важно то, что данная концепция направлена на придание новых импульсов стратегическому партнерству России и Европейского союза, повышение конкурентоспособности этих полюсов развития, геополитической значимости и усиления роли как ЕС, так и России в «Большой» (или Объединенной) Европе.

Анализ главной – экономической – составляющей сотрудничества России и ЕС показывает, что к настоящему времени не удалось в полной мере реализовать те направления экономического взаимодействия, которые были зафиксированы еще в 1994 г. в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Российской Федерацией и Европейским союзом (оно начало действовать в 1997 г.). Многие положения СПС устарели (например, в нем не учитывается уже состоявшееся признание Евросоюзом рыночного статуса экономики России) и не соответствуют достигнутому современному уровню экономического взаимодействия России и ЕС, а также перспективам его дальнейшего развития. В настоящее время высказываются вполне обоснованные мнения о необходимости заключения, в дополнение к СПС, специального соглашения по инвестиционным вопросам в целях повышения роли финансовых органов ЕС в финансировании и гарантировании в России частных инвестиций стран – членов этой организации. Однако мировой финансово-экономический кризис 2008 г. во многом осложнил решение данной проблемы.

В ходе намечаемого формирования в перспективе Общего европейского экономического пространства сторонам придется подготовить ряд других соглашений и программ, которые неизбежно выйдут за рамки СПС. Изменение или замена СПС новым соглашением потребует и в случае вступления РФ в ВТО, что фактически сделает ненужными значительную часть его положений.

Принципиальная проблема реализации СПС состоит в том, что оно фактически явилось «декларацией о намерениях», и вопрос о том, что означает «стратегическое партнерство» между Россией и ЕС, пока еще остается открытым. Остается также открытым вопрос о том, способны ли Россия и ЕС подняться на тот уровень отношений, который соответствует понятию стратегического партнерства.

На саммите в Санкт-Петербурге в сентябре 2003 г. идеи Общего европейского экономического пространства конкретизировались в идеи «системы пространств», и концепции ОЕЭП было дано расширительное толкование. Стали рассматриваться четыре пространства – общеэкономическое пространство; общее пространство свободы, юстиции и внутренней безопасности; внешней безопасности; и, наконец, общее пространство науки и образования, включая культурные аспекты. Как обоснованно показывает профессор Л. И. Глухарев, «система пространств» – это не статичная структура, а процесс с собственной экономической базой и политической логикой, который становится многомерным и приобретает несколько измерений: экономическое, политическое, геополитическое, цивилизационное и др. И создание четырех указанных пространств представляет собой длительный, сложный, конфликтно-компромиссный процесс. Действительно, Европейский союз развивается на основе западных цивилизаций, а Россия – на базе евразийских, где немаловажное значение имеет мусульманский фактор. В этой связи система «четырех пространств» неизбежно будет полицивилизационной. Ее динамика будет зависеть и от духовно-нравственных факторов, так как толерантность и общ-

ность мировоззрения являются важными факторами сотрудничества и разрешения конфликтов (Глухарев 2006: 144–149).

Определенный успех в последние годы был достигнут в реализации таких инициатив Евросоюза, как «Северное измерение» и «Еврорегионы». Первая из них начала реализовываться в 1999 г. Ее важной составной частью является развитие трансграничного сотрудничества между сопредельными административными единицами стран-участниц (Финляндия, Швеция, Норвегия, Исландия, государства Балтии, Польша и Россия). «Еврорегионы» представляют собой, по существу, локализованную форму внешнеполитического трансграничного взаимодействия отдельных членов Евросоюза со странами-соседами (в том числе и с Россией). Учреждение в марте 2009 г. Европейским советом новой инициативы – «Восточное партнерство», к которой были привлечены шесть государств (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдавия, Украина), было отрицательным образом оценено в России, где она рассматривается как вызов со стороны Евросоюза в регионе, который Российская Федерация считает зоной своих интересов. Проблема состоит в том, что согласно широко распространенной в России точке зрения Европейский союз, декларативно выступая за отмену разделительных линий в Европе, на практике способствует их созданию и укреплению и принуждает постсоветские страны, связанные определенными политическими и правовыми обязательствами с Москвой, делать стратегический выбор между Европейским союзом и Россией (см.: Бусыгина, Филиппов 2010: 130).

Огромное значение приобретает сотрудничество России и Европейского союза в области науки и образования. Новым этапом в стратегии ЕС является переход к «Европе знаний». Европейским советом на совещании в Лиссабоне в марте 2000 г. было принято решение о превращении экономики ЕС в первом десятилетии XXI в. в «наиболее конкурентоспособную и динамичную экономику в мире, о переходе к экономике, основанной на знаниях». Одновременно была поставлена задача формирования европейского пространства научных исследований и нововведений (Opfer... 2003: 17). Лиссабонский процесс выводит на качественно новый уровень процесс унификации высшего образования, связанный прежде всего с Болонской конвенцией, участником которой с 2003 г. является и Россия, и продвигает его на уровень интеграции, формируя европейское пространство образования и науки в масштабах ЕС (27 стран).

В конечном итоге движение к «обществу знаний» в рамках ЕС неизбежно становится общеевропейским процессом, включая и Россию. И сотрудничество ЕС и России по формированию ОЕЭП и «системы пространств» может дать этому процессу новый импульс и широкие перспективы. Формирование общего европейского образовательного пространства предполагает не унификацию, а координацию, взаимообогащение национальных систем образования и образовательных культур при сохранении национального своеобразия и цивилизационных различий. Роль России, имеющей огромный интеллектуальный потенциал, культурное наследие и мощные образовательные ресурсы, в этом процессе должна быть весьма существенной, Россия способна придать этому процессу новые мощные импульсы.

Россия активно сотрудничает с Европейским союзом в области охраны окружающей среды. Именно идя навстречу пожеланиям Евросоюза и выступая при этом против позиции США, Россия в октябре 2004 г. ратифицировала Киотский

протокол в области охраны окружающей среды (который, подчеркнем, до сих пор отказываются подписывать США).

В мае 2006 г. Россией и Европейским союзом были подписаны важные для двух сторон соглашения о реадмиссии и облегчении визового режима.

Наконец, трудно переоценить место России в формирующейся системе европейской безопасности.

В связи с отмеченными обстоятельствами становится понятным, почему, впервые в истории став в мае 2006 г. председателем Комитета министров Совета Европы (СЕ), Россия выступила с лозунгом «Европа без разделительных линий». Это отвечает долговременным интересам России и ее действительному стремлению к объединению Европы на демократических, цивилизованных началах.

Оценивая сложившиеся к настоящему времени формы и направления взаимодействия России и ЕС, следует отметить, что Россия по традиции, а также, разумеется, и с учетом своих собственных национальных интересов взаимодействует не только с наднациональными структурами Евросоюза, но и с отдельными странами – членами ЕС. Характерно при этом, что двустороннее сотрудничество оказывается нередко существенно более плодотворным и продвинутым. Лиссабонский договор в данном случае сохраняет «окно возможностей», конкретизируя в правовом поле ЕС вариант развития сотрудничества с третьими странами в формате групп заинтересованных стран-членов (ст. 20 Договора о Европейском союзе и ст. 326–334 Договора о функционировании Европейского союза). Такое «продвинутое сотрудничество» может осуществляться группой стран в составе не менее девяти заинтересованных стран-членов (при условии открытого членства в проекте). Важно, что тем самым из отдельных сфер отношений «Россия – ЕС» могут устраняться деструктивно действующие государства. Однако, к сожалению, это «продвинутое сотрудничество» в направлении третьих стран не распространяется на сферу общей внешней политики и политики безопасности и сферу обороны. Определенную возможность развивать «продвинутое сотрудничество» дает и поощрение приграничной кооперации в формате регионов двух и более стран – членов Евросоюза и России, и к действующим в настоящее время в данной области шести проектам можно было бы добавить новые. Кроме того, уже признанным элементом институционального механизма становится «Группа евро», за которой кодифицировано право самостоятельных решений без вмешательства стран извне «еврозоны», что открывает дополнительные возможности оперативного взаимодействия Европейского центрального банка и Центрального банка РФ (в том числе по мерам преодоления и профилактики финансово-экономических кризисов) (см. подробнее: Иванов 2010: 142–145).

Вместе с тем укрепление экономических и политических позиций России в современном мире не сводится, естественно, только к развитию взаимоотношений с европейскими странами и такой объединяющей многие из них структурой, как Европейский союз. Более того, на общехозяйственное развитие Российской Федерации начинает негативно влиять сложившийся гипертрофированный «евроцентризм» во внешнеэкономических связях в ущерб другим их направлениям. На торговлю с ЕС в настоящее время ориентированы почти 85 % российской внешнеторговой инфраструктуры и основная часть кредитных заимствований. Локомотивом же мирового хозяйственного развития в начале XXI в. выступает Азия. Но на вос-

точное направление ориентировано всего около 1/5 внешней торговли России. В числе прочего это усугубляет экономическое отставание Сибири и Дальнего Востока, куда «сигналы роста» из ЕС не доходят или доходят лишь весьма слабо.

Россия как крупнейшая в мире с точки зрения своей территории евразийская страна объективно должна развивать многовекторную внешнюю политику. Это касается взаимоотношений с США, Китаем, Индией, другими государствами и их объединениями и союзами. Важнейшей сферой экономических и политических взаимоотношений России является постсоюзное пространство, где решаются задачи развития эффективных связей с сопредельными странами – бывшими республиками СССР. Здесь актуальны проблемы дальнейшего совершенствования экономических и политических взаимоотношений в рамках Союзного государства России и Белоруссии, Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России, Евразийского экономического сообщества.

Учитывая то, что к середине XXI столетия по имеющимся сегодня оценкам Китай по масштабам ВВП превзойдет США, Индия приблизится к Китаю, а центр международной экономической (а возможно) и политической жизни переместится в Азиатско-Тихоокеанский регион, Россия не может развивать плодотворные взаимовыгодные отношения с ними, оставаясь только в рамках европейской «идентичности». Поэтому специфическое евразийское положение России, предопределяющее ее значительные геополитические и геоэкономические преимущества, объективно требует активной многовекторной внешней политики.

В основе взаимоотношений со всеми этими странами, их группировками и союзами лежат прежде всего национальные экономические и политические интересы России. Реализация этих интересов на практике предполагает динамичное социально-экономическое развитие России, восстановление и упрочение ее позиций и авторитета как ведущей мировой державы.

Литература

Борко, Ю. А. 2003. *От европейской идеи – к единой Европе*. М.: Изд. дом «Деловая литература».

Бусыгина, И., Филиппов, М. 2010. Евросоюз: от частного к общему. *Россия в глобальной политике* 1: 130.

Глухарев, Л. И. (ред.) 2006. *Европа перемен: концепции и стратегии интеграционных процессов*. М.: Крафт+.

Гринберг, Р. 2006. Россия и Евросоюз: как совместить их интересы и ценности. *Человек и труд* 2.

Иванов, М. 2010. Лиссабонский договор и интересы России. *Россия в глобальной политике*. М.

Пиндер, Дж., Шишков, Ю. 2003. *Евросоюз и Россия: перспективы партнерства*. М.: Альба-Плюс.

Сборник писем и материалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873.

Уткин, А. И., Федотова, В. Г. 2009. *Будущее глазами Национального совета по разведке США: глобальные тенденции до 2025 года. Изменившийся мир*. М.: Институт экономических стратегий, Международная Академия исследований будущего.

Шмелев, Н. П. 2006. Россия и современная Европа: взгляд с двух сторон. В: Глухарев 2006.

Barzun, J. 2000. *From Down to Decadance: 500 Years of Western Cultural Life*. New York: Harper-Collins Publishers.

Churchill, W. 1970. A Speech at Zurich University, 19 September 1946. In Bruggmans, H., *L'idée européenne, 1920–1970*. Bruges: De Tempel.

National Intelligence Council (NIC). *Global Trends 2025: A Transformed World*. November 2008. Available at: www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html

Opter pour la croissance: connaissance, innovation et emploi dans une société fondée sur la cohésion. Commission Européenne. N.p., 2003.

Rougmont, D. 1966. *The Idea of the Europe*. New York; London: Macmillan.

НОВЫЙ ЭТАП СТРАТЕГИИ РОССИИ НА КАВКАЗЕ В ОТВЕТ НА ТЕРАКТЫ

С. А. Марков

В статье анализируется современная российская политика на Кавказе. Показывается, что сегодня именно исламистские террористические организации – главная политическая сила, ведущая военную борьбу с Россией. Они пользуются различного рода ресурсами: кадровыми, финансовыми, идейно-политическими. Главная социальная группа, представляющая интерес для террористических сетей в кадровом отношении, – молодежь кавказских мусульманских республик. У исламизма отличная от сепаратизма идеология, механизмы функционирования, регионы распространения, участники и сочувствующие. Соответственно и политика должна была быть изменена. За время паузы в кавказской политике противник в лице радикального исламизма успел укрепиться организационно, финансово и идеологически. И начал новый виток вооруженного противостояния с Россией. Сейчас, когда стала более понятна новизна проблемы, ускоренно формируется качественно новая российская политика на Кавказе.

Ключевые слова: стратегия, Россия, Кавказ, теракты, Кавказский халифат, конфликт, ислам, исламизм, межнациональный, политика, образование, молодежь, сепаратизм, идеология, экономическое развитие, инвестиции, межконфессиональный, гражданское общество.

Причины терактов

С высокой вероятностью организаторы терактов – это террористическое подполье радикально исламистского толка, действующее на Северном Кавказе и тесно связанное с международным исламистским террористическим интернационалом. Это их стиль: взрывы террористок-смертниц среди мирных жителей, часто пассажиров транспорта. К тому же сегодня именно исламистские террористические организации – главная политическая сила, ведущая военную борьбу с Россией.

Чеченский сепаратизм вряд ли к этому причастен, поскольку после военной победы над армией Ичкерии, после заключения эффективного политического союза Путина с частью чеченских националистов, после больших успехов Кремля и Рамзана Кадырова по восстановлению мирной жизни в Чечне чеченский сепаратизм практически исчез как политическая сила. Даже в Чечне нам в последние годы противостоят не сепаратисты, а исламские радикалы, отрицающие национальность, стремящиеся не отсоединиться, а объединить под властью шариата весь Кавказ. Версии же о том, что это могли организовать уважаемые политики

из числа противников Медведева, Путина или их сторонников – плод большого воображения людей, помешавшихся на конспирологии.

Цели терактов

Теракты только кажутся бессмысленными, но они имеют четкие цели. Финальная цель терактов высшего уровня – **создание всемирного Исламского халифата**, жизнь в котором должна быть устроена по аналогии режима талибов в Афганистане. Цель второго уровня – **создание кавказского Исламского халифата** как плацдарма для борьбы за Всемирный халифат. Цель третьего уровня – **создание хаоса на Северном Кавказе**, чтобы в этом хаосе захватить власть и потом создать исламский Кавказский халифат. Для создания хаоса важно **стимулировать конфликты**. Есть несколько конфликтов, которые террористы пытаются разжечь:

- конфликт между христианами и мусульманами, чтобы стимулировать радикализм в российской мусульманской умме (сообществе). Возможно, именно поэтому громкий теракт в Москве был проведен на Страстной неделе, в преддверии христианской Пасхи;

- конфликт между кавказцами и остальной Россией, чтобы стимулировать отчуждение между ними. Они хотят разжечь ненависть и страх москвичей в отношении кавказцев, чтобы у тех возникли ответные ненависть и разочарование в отношении Москвы;

- клановые и межнациональные конфликты непосредственно в северокавказских республиках;

- конфликт между властью и обществом, недоверие и ненависть населения к власти, неспособной обеспечить безопасность.

Непосредственная цель нижнего уровня – **запугать общество и власть**, посеять хаос и парализовать волю тех, кто борется против радикальных исламистов. Теракт был устроен на Лубянке в то время, когда на работу, видимо, съезжаются работники центрального аппарата ФСБ. Таким образом, **теракт был непосредственно направлен против ФСБ**, которая несет главное бремя борьбы против радикальных исламистов. ФСБ – главный враг террористов, против которого они воюют. Второй теракт, видимо, был запасным вариантом первого, и бомба была взорвана на случайно выбранной станции метро. Но враг террористов – не только ФСБ, но и все современное общество, и мы все – как его составляющие.

Каковы должны быть политические последствия? Нужна система активной обороны?

Конечно, нужно повышать пассивную оборону инфраструктуры, но трудно выявить террористов среди 8 миллионов пассажиров только в московском метро ежедневно. А как их обнаружить среди двух миллионов людей, кто ездит в автобусах? А среди трех миллионов в Санкт-Петербурге? А в других городах? **Нужна прежде всего не пассивная, а активная оборона**, то есть надо уничтожить террористов, разрушить террористические сети, сломать систему вербовки новых террористов, уничтожить центры подготовки «живых бомб».

Террористические сети на Кавказе пользуются различного рода ресурсами: кадровыми, финансовыми, идейно-политическими. По ним и надо нанести удар.

Главная социальная группа, представляющая интерес для террористических сетей в кадровом отношении, – **молодежь кавказских мусульманских республик**. Ее уязвимость: **высокая безработица**, идеологический вакуум. Наша задача – выиграть борьбу с террористами за влияние на кавказскую молодежь. Для уменьшения безработицы нужно создавать рабочие места, прежде всего в доминирующей сфере экономики Кавказа – сельском хозяйстве, которое, кстати, очень трудоемкое. То есть с точки зрения антитеррористической борьбы инвестиции в сельское хозяйство должны быть приоритетными, так как на каждый вложенный рубль здесь самая высокая отдача не прибылью, а рабочими местами. Хотя ясно, что прибыль тоже есть, так как Северо-Кавказский регион изобилует природными ресурсами и хорош для сельского хозяйства. Ясно, что частные инвестиции с трудом придут в регион, сотрясаемый терактами. Люди на Кавказе хотят трудиться, но не могут продавать свою продукцию из-за неразвитости и монополизированности посредничества между сельскохозяйственными производителями и торговлей. Поэтому государство должно срочно создать сеть сельскохозяйственных закупочных компаний, которые сделали бы выгодным труд сотен тысяч частных и коллективных крестьянских хозяйств. Второе направление инвестиций – вложения в инфраструктуру, которые повышают экономическую привлекательность региона и создают рабочие места. Третье – стимулирование малого и среднего бизнеса путем уменьшения коррупционного давления на него. Также нужно посмотреть, какие из «лежащих на боку» советских промышленных предприятий еще можно восстановить, привести в порядок и отпустить в рыночное плавание. Резкое увеличение числа рабочих мест на Северном Кавказе – важнейшая политическая предпосылка победы над терроризмом. Это понимает Дмитрий Медведев, назначивший главой СКФО имеющего бизнес-опыт Александра Хлопонина, перед которым была поставлена задача экономического развития Кавказа.

Второе направление, пока менее осознаваемое, – **идеологическая борьба**. На Кавказе, **по сути, два ислама**. Один – традиционный, связанный с национальными адатами (традиционными нормами), российский, умеренный, миролюбивый, привычный, спокойный. Второй – радикальный, связанный с террористами-исламистами, импортируемый, пытающийся навязать шариат (религиозное мусульманское право) и ликвидировать адаты. Надо помочь нашему мирному российскому исламу победить импортированный, радикальный. Надо строить наши мечети с нашими имамами, создавать наши медресе и исламские университеты. Сократить до минимума обучение кавказской молодежи в интернациональных исламских центрах и взять их выпускников под жесткий контроль.

Часть идеологической борьбы – **развитие светской, позитивной, гражданской системы ценностей**. Представители традиционалистского сознания, которых много среди кавказской молодежи, бывают морально шокированы при столкновении с идеологией потребительского общества в ее современной российской радикальной форме. Эта идеология безудержного потребительства активно пропагандирует асоциальные, аморальные образцы поведения. После того, как моральные и социальные нормы буквально выжигаются асоциальным полукриминальным потребительским радикализмом, образуется ценностный вакуум, который и заполняется радикальными исламистскими идеями, противопоставляющими асоциальности потребительской идеологии свои исламистские формы социальности,

связывающие мораль с шариатом. Это означает, что когда коммерческое телевидение в погоне за прибылью де-факто пропагандирует асоциальные формы поведения, когда государство не может остановить почти насильственную алкоголизацию населения, когда правоохранительные органы закрывают глаза на открытую проституцию, – они укрепляют идеологический ресурс террористических сетей, делая их критику морального состояния общества более убедительной. Укрепляя моральный климат в обществе, мы тем самым забираем у террористов тысячи потенциально сочувствующих им.

Нужно **развивать светскую систему образования на Кавказе**. В кавказских селах и крупных аулах молодые люди должны иметь возможность учиться в школе. Нужно сдвинуть пропорцию платного – бесплатного образования, поскольку чрезмерное платное образование недоступно для детей из бедных семей, которые становятся легкой идеологической добычей для радикалов. Нужно увеличить в учебных планах часы по гуманитарным курсам: истории, философии, социологии, политологии, психологии, культуре, литературе. На этих уроках формируется гражданское сознание. В последние годы происходит «вымывание» этих дисциплин из учебных курсов университетов и школ. Это грубая политическая ошибка, за которую мы расплачиваемся и слабостью гражданского общества, и размытием гражданской ответственности, и повышением идеологической привлекательности террористов. Кроме основного образования надо развивать дополнительное: музыкальные, театральные кружки, проекты массового спорта, школьные и студенческие конференции, летние школы. «Кавказский Селигер» очень нужен, и не один. Молодежные летние, зимние лагеря с серьезной идеологической работой нужны для разных групп молодежи. А мы будем делать «Кавказский Форос».

Третье направление – укрепление силовых структур. Нужно серьезно сократить в них коррупцию, недоверие между силовиками и обществом. Главной работой силовиков должно стать не «крышевание» бизнеса, а защита безопасности. Для этого надо сократить их число, увеличить зарплату и ответственность. Силовики должны перейти от стратегии массовых проверок, зачисток, блокпостов к более точечной работе, прежде всего, конечно, необходимо усиление агентурной работы. Нужно не запугивать людей, а внедрять агентуру в радикальные сети.

Четвертое направление – удар по финансовым ресурсам. Их у террористов три: два внешних и внутренний. Надо обрезать внешние каналы финансирования. Первый – это террористические деньги от Аль-Каиды и подобных ей организаций. Второй внешний канал – частично «нормальные» деньги, идущие на социальные и религиозные проекты из мусульманских стран, но террористические сети смогли установить частичный контроль над каналами их распределения в России. Надо отсечь их от этих каналов. К сожалению, за время определенной паузы террористические сети смогли построить и третий канал – систему внутреннего финансирования, которая базируется на «крышевании» бизнеса в северокавказских республиках и, видимо, даже городах-миллионниках. В тенденции эта система стремится к формированию своеобразного «северокавказского ХАМАСА», который является не только военным, политическим и идеологическим феноменом, но и социально-экономической структурой. Нельзя допустить, чтобы у нас сформировался «северокавказский ХАМАС». Нужно выявить и разрушить систему «крышевания» бизнеса исламистскими террористическими сетями.

Гражданскому обществу – нанести свой персональный удар по террористам

Одна из целей террористов – посеять межнациональную и межконфессиональную рознь. Главной целью атаки в Беслане было разжечь конфликт между осетинами и ингушами. Тогда не удалось, но они будут пытаться снова и снова. Нашим ответом должно стать не просто противостояние межнациональной розни, а развитие дружбы народов. Отсюда призыв к гражданам – находите себе друзей другой национальности и дружите с ними! Если вы христианин, живущий в Москве, найдите себе нового друга – мусульманина, кавказца, и так мы вместе предотвратим будущие террористические удары.

Был ли провал политики Кремля на Кавказе?

Запад отреагировал на теракты в нашей стране противоречиво. С одной стороны, западные политические лидеры продемонстрировали рекордно высокий уровень поддержки и солидарности с Россией. А генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен даже заявил о необходимости значительного расширения сотрудничества с Россией вплоть до совместной противоракетной обороны. Но с другой стороны, западные газеты полны публикаций, что эти теракты – закономерная расплата России за провал путинской политики на Кавказе. Так ли это? Я думаю, что речь идет не о провале, а о затянувшейся паузе. Путинская политика борьбы с чеченским сепаратизмом полностью победила, но переход к новому этапу политики на Кавказе затянулся. Кстати, это верно в отношении не только кавказской, но и общей политики. Путинская политика стабилизации после олигархического всевластия и анархии 90-х гг. XX в. была успешно реализована. Но переход от стабилизации к развитию (модернизации, инновациям) затянулся. Несколько лет было своеобразное почивание на лаврах.

На Кавказе Путин полностью разгромил чеченский сепаратизм, ликвидировав его как политическую силу. Путинская политика прекрасно сочетала усиление непреклонности и профессионализма военного давления на сепаратистов; политический союз с частью чеченских националистов, символом которого стал союз с Ахметом и Рамзаном Кадыровыми и курс на чеченизацию власти в Чечне; массивная экономическая помощь для восстановления экономической, социальной и политической инфраструктуры в Чечне. Можно сказать, что Путин финансировал не только режим Кадырова, но и прежде всего – возвращение в Чечню цивилизации, которое происходит быстро, но не мгновенно. Политика Путина против сепаратизма в Чечне была сверхуспешной. Даже Доку Умаров, который пытается присвоить себе авторство терактов в московском метро, начинал как чеченский сепаратист, но уже более десяти лет назад перешел на позиции радикального исламизма. С этой идеологией он противостоял бывшему лидеру чеченских сепаратистов Аслану Масхадову уже на президентских выборах в Ичкерии в 1997 г.

Успешно разгромив чеченский сепаратизм, Москва немного расслабилась, ожидая, что после ликвидации эпицентра кавказской нестабильности в Чечне ситуация на Кавказе постепенно нормализуется без дополнительных усилий. И был упущен момент смены главного противника на Кавказе: от чеченского националистического сепаратизма к радикальному интернационализированному исламизму. У исламизма отличные от сепаратизма идеология, механизмы функционирования,

регионы распространения, участники и сочувствующие. Соответственно и политика должна была быть изменена. С этой переменной Москва запоздала. За время этой паузы в кавказской политике противник в лице радикального исламизма успел укрепиться организационно, финансово, идеологически и начал новый виток вооруженного противостояния России. Сейчас, когда стала более понятна новизна проблемы, ускоренно формируется качественно новая российская политика на Кавказе.

Судя по выступлению Дмитрия Медведева в Дагестане 1 апреля 2010 г., российская власть в основном выработала очень адекватную стратегию новой политики на Кавказе. Кстати, эта стратегия сформулирована не «с потолка», а после дискуссии, которая велась в экспертных и политических кругах в Москве и на Кавказе в последний год, когда уже обозначились новые тенденции. Медведевым сформулированы цели:

- реформа правоохранительных структур;
- повышение эффективности точечных (кинжальных) ударов по руководству и боевикам террористических сетей;
- создание системы «выманивания» рядовых исполнителей из «леса»;
- инвестиции в экономическое развитие Кавказа с целью сокращения безработицы и повышения уровня жизни;
- укрепление системы светского образования;
- помощь традиционному исламу;
- оздоровление ценностной ситуации в обществе на Северном Кавказе;
- укрепление межконфессиональных, межнациональных отношений в обществе.

Для успеха медведевской стратегии борьбы с радикальным исламизмом нужно, чтобы она была столь же ресурсно обеспеченной и неуклонной, как и предыдущая путинская стратегия борьбы с сепаратизмом и исламизмом.

ОТ КАКОГО НАСЛЕДИЯ МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОТЕРИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

И. И. Кальной

Статья посвящена вопросу, решение которого развенчивает миф о тождестве России и Советского Союза через социально-философский анализ становления и развития России, через ее диалектику объективных условий и субъективного фактора. Упразднение этого мифа может быть первым шагом на пути установления добрососедских отношений между Европой, Азией и Россией.

Ключевые слова: историческая память, наследие, миф, субъективный фактор, объективные условия, проблема, культура, идеология, славянофильство, реформа, глобализация, глобальные проблемы, добрососедские отношения, постсоветское пространство.

Реалии постсоветского пространства актуализируют вопрос приоритета Слова или Дела. И эта актуальность возросла на порядок в условиях перестройки 80-х гг. XX в. Перестройка вызвала возбуждение обыденного сознания. Она несла в себе надежду изменить сложившуюся ситуацию, отредактировать путь к светлому будущему. Но уже первые шаги перестройки с ориентиром на процесс, а не на взвешенный и мудрый результат вызвали разочарование, породив чувство тревоги и безысходности.

Старая шкала ценностных ориентиров рухнула, перестала работать. Капитулировала вертикаль власти, в агонии пребывала горизонталь коммуникации. С полок магазинов исчезли продукты и товары первой необходимости. Страну захлестнула волна безнадежности. Подобно «Титанику», Советский Союз погружался в бездну небытия, порождая растерянность и истерию на всех уровнях системы координат функционирования общества. Вертикаль власти всех уровней предлагала варианты выхода из тупика, игнорируя хрестоматийную истину общечеловеческого опыта о том, что вначале было Слово, а потом уже разумное Дело.

Квазизащитники Советского Союза предлагали за 500 дней или за два месяца решить проблему выживаемости. Одни рекомендовали использовать опыт Польши, другие апеллировали к опыту Франции или Германии, третьи советовали адаптировать модель латиноамериканского или китайского развития. Но никто не принял во внимание необходимость решать проблему через поиск адекватного ответа историческому вызову, основу которого составляет идея решения проблемы, а не техники, технологии, средства. Осуществлять поиск этой идеи нужно не через обращение к чужому опыту в целях его заимствования, а через анализ своей истории.

Не прошло и 20 лет, как вместо «Титаника» на волнах мирового океана остались только спасательные плоты и шлюпки: СНГ (Союз Независимых Государств) постсоветского пространства. Каждое «средство массового спасения» стремилось удалиться на дистанцию от воронки, куда ушел «Титаник», чтобы не повторить его судьбу. Поскольку на статус правопреемника Советского Союза не без основания претендовала Россия, все бывшие составляющие Союза начали осуществлять политику с ориентиром на достижение независимости и суверенитета, используя противостояние России (см. опыт Грузии, Украины, Латвии, Литвы, Эстонии).

Каждое «средство массового спасения» демонстрировало свой способ бытия в мире, свою форму проявления этого бытия, свою форму осуществления. Форма осуществления заявила о себе через триаду: прошлого, настоящего и будущего времени. Каждый интервал имеет свою специфику. Прошлое обеспечивает историческую память, настоящее работает на регламент жизнедеятельности общества. В своем единстве настоящее, опираясь на историческую память, редактирует проект будущего. Если в качестве доминанты выступает настоящее с ориентиром на приоритет ситуативной политики, то оно деформирует историческую память и создает возможность трансформации проекта в прожект.

Форма осуществления независимых образований постсоветского пространства оказалась проблемной. Суть проблемы заключалась в определении отправной точки отсчета своей исторической памяти. Можно было начать свою историю с 90-х гг. XX в., как с чистого листа, и числить себя в реестре «начинающих», пребывающих в своем становлении. А можно апеллировать к истории той ойкумены, где зародился первый диалог человека и природы (среды его обитания). Второй вариант казался предпочтительнее. Он таил в себе претензии заявить о своем возрасте, опыте и самобытности. Но этот вариант требовал определить отношение к общей истории Советского Союза, истории «Титаника», и либо подтвердить «родственные» отношения с ближайшими соседями, либо разорвать эти отношения, противопоставив подлинной истории «свою историю», замешанную на мифологии прошлого и конъюнктурных соображениях настоящего. Тот, кто делал ставку на этот вариант, как правило, становился на путь мифологизации своей истории и абсолютизации своего интереса, предпочитая всемирной истории региональную. В результате появлялась возможность осуществить «инвентаризацию» ближайшего прошлого и очистить пантеон от героев советского прошлого, поместив туда оппонентов Советского Союза.

Во всех этих драматических сюжетах за кадром остается вопрос: от какого наследия мы отказываемся и к какому наследию привязываемся в результате потери исторической памяти или ее искажения по конъюнктурным соображениям? Сложившаяся ситуация требует определиться с вопросами: когда и почему возник феномен Советского Союза, насколько правомерно отождествлять Советский Союз и Россию? Рассматривая их, следует помнить, что Союз был создан в 1922 г., в то время как Россия задолго до этой даты отметила свое официальное тысячелетие.

А теперь пришло время, дорогой читатель, сделать историко-философский анализ становления России, принимая во внимание, что философия – это не только эпоха, схваченная в мысли человека как чела своего века; это еще и душа культу-

ры, которая зарождается в определенной ойкумене (заселенном пространстве), где складывается первичный диалог человека и среды его обитания. В процессе этого диалога человек изменяет природу, а природа изменяет (воспитывает) человека. В итоге складывается протокультура (культура в ее становлении) с ориентиром на воспроизводство и формирование уникальной и неповторимой культуры определенной общности людей конкретного менталитета. Но в чистом виде диалектика объективных условий и субъективного фактора не осуществляется. Всегда существует возможность адаптации другой культуры, которая становится реальностью либо в условиях эскалации извне, либо в результате взаимодействия, которое предполагает наличие соседей и возможность их влияния.

В нашем случае протокультура России получила к собственной (родовой) языческой культуре добавки извне, со стороны византийской культуры и культуры кочевых народов. Первая «прививка» была осуществлена в результате целенаправленного влияния Византии на становление культуры России. Остается только гадать на кофейной гуще, что было бы, если бы Россия в качестве отправной точки своего развития располагала только языческой культурой. Вторая «прививка» была следствием татаро-монгольского ига, в результате которого степная культура стала достоянием обыденного сознания. Обыденное сознание легко усваивает то, что не требует особых усилий.

В итоге сложилась синкретическая культура своеобразного единства языческой (коренной) и привнесенных византийской и кочевой культур. Эта культура изначально несла в себе возможности последующих драм и трагедий в России, острота и горечь которых усиливалась или ослаблялась конкретным состоянием диалектики объективных условий и субъективного фактора (среды обитания и лиц, заявляющих о себе своей незаурядностью или бездарностью, патриотизмом или продажностью).

Чтобы уяснить достоинства и недостатки этой культуры и определить ее потенциал и перспективы, следует обратить внимание на социально-философский анализ России как одного из фрагментов бытия в мире. Способ его существования, формы проявления и осуществления являются визитной карточкой России в ее становлении и развитии.

Предпосылкой возникновения России была специфическая «ойкумена»: необъятные просторы богатой земли и люди языческой культуры, которые, если верить одной из исторических версий, положили начало обустройству Индии. Вряд ли эта версия подлежит верификации, но если она имела под собой историческое основание, то это свидетельствует о мощном потенциале языческой культуры славян. Что касается верифицируемой истории, то сложившаяся языческая культура адаптировала византийскую и монгольскую (степную) культуры на уровне психики и сознания и заявила о себе как синкретическая культура с присущим ей потенциалом. Последующее обустройство России шло под знаком формирования идеологии, в рамках которой формировалась стратегическая цель развития России и моделировалась тактика ее осуществления.

В становлении официальной идеологии особую роль сыграло христианство. Через церковь и монастыри прививалось уважительное отношение к разумному Слову. Первые просветители – *Кирилл* (826–869) и *Методий* (820–885) – вносят определенный вклад в формирование нравственных ориентиров. Первая польза

от разумного Слова – «разумение невежества своего». Суть второй пользы – осознание необходимости мудрого и достойного поведения. Внесли свой вклад в становление официальной идеологии и митрополиты церкви: *Иларион Киевский, Никифор Грек и Климент Смолятич*.

Иларион Киевский был духовным наставником Ярослава Мудрого. Ему принадлежит трактат «Слово о законе и благодати», где он не только своеобразно толковал тексты Ветхого и Нового Заветов, но и открывал дорогу к самобытности развития отечественной мысли. С его точки зрения, право сопряжено со свободой человека, а закон – с «суею земных страстей». Ветхий Завет ориентирован на утверждение закона, Новый Завет – на осуществление права. В смене одного Завета другим Иларион Киевский видит жизнеутверждающую силу права как нормативного регулятора жизнедеятельности общества, а в смене доминанты в пользу права и свободы – сущность развития истории человечества, ее смысл. Позицию равновесия духовной и светской власти отстаивал наставник Владимира Мономаха Никифор Грек. Соотношение разума и чувств, знания и веры рассматривал Климент Смолятич. Он полагал и обосновывал, что чувства – опора души, а разум – ее руководитель.

Краткий анализ творчества духовных наставников князей Киевской Руси свидетельствует о формировании российской идеологии с установкой на рационализм, но в лоне христианства. Сохраняя преемственность с Киевской Русью, Россия складывалась как самостоятельное государство.

Дальнейшее формирование отечественной культуры шло через противостояние двух тенденций ее развития. Одна тенденция ратовала за самобытность России, а вторая стремилась вписать ее в общий процесс развития Европы. Первоначально эти тенденции проявляются внутри духовенства, которое раскололось на иосифлян (сторонников жесткой централизации государства и доминирующей роли светской власти) и нестяжателей, ратовавших за духовное обновление церкви с ориентиром на чистоту помыслов, очищение от коварства и стяжательства, утверждение приоритета содержания религии над ее формой. Необъятные просторы, этническое многообразие настоятельно требовали укрепления вертикали власти в системе координат общественного развития. Это и привело к тому, что концепция *Нила Сорского* (1433–1508) о чистоте помыслов и укреплении духа уступила конъюнктурным соображениям *Иосифа Волоцкого* (1439–1515). Произведение И. Волоцкого «Просветитель» стало настольной книгой Ивана Грозного, подтвердив тезис о том, что даже «праведную цель нельзя осуществлять неправедными средствами».

У истоков Просвещения стоит и фигура *А. М. Курбского* (1528–1583). Ему принадлежит «История о Великом князе Московском». Это своеобразный жанр обличительной публицистики. А. Курбский заявляет о необходимости открытия Киево-Могилянской академии как одного из центров духовной жизни, направленной на возрождение идей *Нила Сорского*. Истоки академии складывались первоначально в культурно-просветительном центре Острога в 1576 г., где кроме А. Курбского можно было встретить первопечатника Ивана Федорова, Г. Смотрицкого – автора «Грамматики славянской», по которой спустя два века учился Михаил Васильевич Ломоносов. Одним из первых ректоров академии был *Феофан Прокопович* (1681–1736), будущий глава «ученой дружины» Петра I. В акаде-

мии учился *Григорий Сковорода* (1722–1794), автор философии «сродности и сердца». Их последующая деятельность оставила заметный след в формировании культуры России и ее духовного потенциала.

Проникновение в Московию западной учености привело к новому противостоянию латинствующих (сторонников европейского образования) и грекофилов (староверов). Позицию староверов наиболее адекватно выразил *Аввакум Петров* (1621–1682) с его ставкой на истины веры и только веры. Феномен протопопа Аввакума необычайно сложный, но за прозаической противоречивостью просматривается целостная натура, ориентированная на укрепление духа и чистоту помыслов как духовной, так и светской власти. Об этом свидетельствуют и его жизнь, и его смерть. Усилиями латинствующих адептов «западной учености» (*Симеон Полоцкий* и *Стефан Яворский*) в Москве была открыта Славяно-греко-латинская академия.

В отношениях грекофилов и латинствующих не только проявилось прошлое противостояние нестяжателей и иосифлян, но и намечилось будущее противостояние славянофилов и западников.

Новая волна просветительского движения связана с деятельностью так называемой «ученой дружины» Петра. Это *Феофан Прокопович*, *В. Н. Татищев*, *А. Д. Кантемир*. «Духовный регламент» *Феофана Прокоповича* обосновывает идею приоритета государства над церковью. Он реанимирует идеи *Иосифа Волоцкого*, инициировавшего в свое время процесс секуляризации общественного сознания и централизации светской власти. *Василию Никитичу Татищеву* (1686–1750) принадлежит первая классификация наук, в основе которой лежит полезность. Переводческой деятельностью занимался *Антиох Дмитриевич Кантемир* (1708–1744), актуализировав проблему терминологии письменного языка, развода литературный и вербальный языки.

Классический период отечественного Просвещения представляет *Михаил Васильевич Ломоносов* (1711–1765). Емкую и поэтически образную характеристику мыслителя дал *А. С. Пушкин*: «Он (Ломоносов. – *И. К.*) создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». Просветительскую эстафету Ломоносова приняли профессора Московского университета *Д. С. Аничков*, *Я. П. Козельский*, *С. Е. Десницкий*. Они рассматривали вопросы совершенствования общества и разумного устройства государства, основания религии, размышляя, почему труд перестает быть нравственной силой и как ее возродить.

Свой след в просветительской деятельности оставил и историк *М. М. Щербатов*, автор произведения «О повреждении нравов в России». Он обвинял Петра I в том, что его реформы погубили самобытность России, ориентировав ее исключительно на европейский путь развития.

По времени отечественное Просвещение занимает период с середины XV до первой трети XIX в., когда за «словом» просветителей последовало «дело» декабристов.

Своей деятельностью просветители подготовили творчество *А. Н. Радищева* (1749–1802), радикализм которого дает Екатерине II повод считать его «бунтовщиком хуже Пугачева», ибо его «Путешествие из Петербурга в Москву» имело характер криминального намерения. Творчество Радищева сыграло свою роль в формировании идеологии декабризма.

Просвещение оказало влияние и на «Философические письма» *П. Я. Чаадаева* (1794–1856). В своих произведениях он реализовал критическую направленность, унаследованную от своего деда – М. М. Щербатова. По его мнению, Россия пребывает в спячке. Проснувшись, она должна идти не вслед за Западом, а выйти на свою дорогу. Чаадаев верит, что у России есть свое будущее, свое предназначение. России еще «предстоит дать ответ на важнейшие вопросы, которые занимают человечество».

Отечественная мысль в своем становлении ориентируется на производство и воспроизводство той культуры, которая требовала мудрого и взвешенного решения дилеммы: свобода или хлеб, при ясном понимании того, что если человек выбирает свободу, то он обретет и хлеб. Если же он выбирает хлеб, то он теряет и хлеб, и свободу.

Самобытность России стала объектом философского анализа К. С. Аксакова, И. В. Киреевского, А. С. Хомякова.

Получив европейское образование, *Иван Васильевич Киреевский* (1806–1856) отвергает западный путь развития, ибо там, по его мнению, господствует католицизм. Для католика нормой является повышенная социальная активность, перерастающая в насилие. Умственный радикализм католика является предпосылкой его политического радикализма. Посему отечественная мысль должна опираться на «верующий разум, а не на умственный силлогизм».

Самобытность народа *Константин Сергеевич Аксаков* (1817–1860) видел в том, что он лишен стремления к власти. По своей природе он негосударственен. Ему ближе община, которая предпочитает путь мира. Она живет заповедями Христа с ориентиром на естественное право и власть авторитета. Что касается государства, то оно живет по своим декретам, опираясь на авторитет власти. По мнению Аксакова, настало время возродить принцип взаимного невмешательства в дела друг друга.

Идею самобытности народа и его соборности развивает *Алексей Степанович Хомяков* (1804–1860). Критически оценивая европейский рационализм, он отдает предпочтение отечественной культуре, где оптимально сочетаются разум и вера, свобода и необходимость. Это единство позволяет вести речь о соборности людей российской культуры. Соборность – это не физическая общность людей, а их духовное единство, ориентированное на паритет человека и мира, на их стремление к диалогу и гармонии. Стержнем соборного сознания является верующий разум, не имеющий ничего общего с рассудком. Основой соборности являются община в деревне и артель в промышленности. Они объединяют хозяйственное и нравственное начала, составляют потенциал будущего.

Усилиями К. С. Аксакова, И. В. Киреевского, А. С. Хомякова складывается концепция славянофилов. Эту концепцию адаптирует *Николай Яковлевич Данилевский* (1822–1885). В своей работе «Россия и Европа» он обосновывает тезис о том, что Запад пережил «апогей своего цивилизационного величия» и на очереди теперь возвышение славянства. Идеи Данилевского чеканит его последователь *Константин Николаевич Леонтьев* (1831–1891). По мнению Леонтьева, задача, которая стоит перед Россией, заключается в том, чтобы сохранить свой потенциал, уберечь себя от губительного «европейничанья» и возродить собственные основания. Славянофильские идеи соборности не обошел своим вниманием и *Федор Ми-*

хайлович Достоевский (1821–1881). Он полагал, что потеря соборности равносильна потере человеческого в человеке, ибо только верующий разум может обуздать эгоизм человеческой природы, обеспечить претензии человека быть челом своего века.

Славянофильство, порожденное Просвещением, заявило о целесообразности и необходимости собственного пути развития, который принципиально отличается от пути западного развития.

Просвещение вызвало к жизни не только оригинальное учение славянофилов о самобытности народа и его соборности, но и инициировало концепцию радикализма с установкой «слово» сделать «делом» обновления страны, оно явилось связующим звеном дворянского просветительства с дворянской революционностью. Будучи движением за справедливость, декабризм открыл целую эпоху политического радикализма, носителями которого выступили *революционный демократизм, народничество* и *«русский марксизм»*.

Революционный демократизм складывается в 40–60-х гг. XIX в. Он оформляется с претензией организовать народные массы на «святое дело» – революцию. Идеологом революционного демократизма можно считать *Виссариона Григорьевича Белинского* (1811–1848). Блестящий публицист и критик, Белинский оказал сильнейшее влияние на общественное движение, несмотря на довольно частую смену собственных ценностных ориентиров.

В. Г. Белинский верит, что придет время, когда восторжествует справедливость и равенство, но это время можно приблизить, и он готов этому содействовать. Его не смущает физическая ликвидация угнетателей ради будущего блага угнетенных. Усилиями публицистики Белинского кардинально меняются представления о революции. Революция – уже не философская категория разума (немецкая классическая философия) и даже не инструмент государственного переворота (декабризм), а организованная война против угнетателей, ориентированная на их уничтожение.

Исследуя творчество В. Г. Белинского, Н. А. Бердяев обозначил феномен идеолога революционного демократизма как проявление «некультурности радикализма», отражающего «некультурность консерватизма». В результате вандализм самодержавия породил вандализм революции и его носителей.

В созвездии представителей революционного демократизма особое место занимает фигура *Александра Ивановича Герцена* (1812–1870). В отличие от Белинского и его адептов Герцен в своей концепции социализма уповал на реформы, полагая, что нет необходимости отмечать социальные преобразования в стране «грудями трупов». Но при этом вовсе не обязательно ориентироваться на западный опыт. Наблюдая процесс осуществления европейских революций 1848 г., А. И. Герцен приходит к выводу, что социальная революция носит перманентный характер. Однажды начавшись, революция не может завершиться. А посему лучше не вызывать ее к жизни. В поисках перспективы развития России и ее обустройства Герцен обращается к русской общине. В ней, по его мнению, заложен потенциал не революции, а эволюции. Как и Чаадаев, Герцен верит в Россию. Ее будущее более предпочтительно, чем перспективы Запада.

Идею крестьянского социализма отстаивал *Николай Гаврилович Чернышевский* (1828–1889). Он полагал, что Россия может прийти к социализму, минуя ка-

питализм. По его мнению, философия должна не только ответить на вопрос, что такое человек, но и определить те условия, которые обеспечивают ему возможность счастья. В поисках такой философии Чернышевский обращается к антропологическому материализму Л. Фейербаха. Немецкий мыслитель полагал, что по природе человек – носитель любви и блага, но социальная среда может сделать его злым. Чтобы восторжествовали добро и справедливость, нужно преобразовать общество. А для этого нужна революция и только революция. Поскольку путь к счастью человека лежит только через революцию, нужно готовить себя к жертвоприношению. Ставка на революцию и самопожертвование вела к тому, что теоретический гуманизм трансформировался в практический терроризм (антигуманизм).

Если декабристы мечтали осчастливить народ, не рассматривая его в качестве силы общественного развития, а революционные демократы обосновывали теорию революции и необходимость персонального терроризма, то *народничество* делало попытку сблизиться с народом, сделав его ударной силой революции. Народ (население) должен следовать за критически мыслящими вождями. *Дмитрий Иванович Писарев* (1840–1869) обосновывает положение о том, что критически мыслящие личности должны помочь массам осознать свои интересы. Если «мыслящие реалисты» не выполняют эту задачу, они никому не нужны. Массы от них отвернутся. Концепцию критически мыслящих личностей с претензией на вождей народа разделяли и *Петр Никитич Ткачев* (1844–1886), и *Петр Лаврович Лавров* (1823–1900). Они отстаивали тезис, что носителями общественного прогресса являются только «критически мыслящие личности». Внесли свою долю в развитие радикализма и теории анархизма. *Михаил Александрович Бакунин* (1824–1876) рассматривал русского человека исключительно как потенциального анархиста. Бакунин вошел в историю как человек-легенда. Участник революций 1848 г. в Европе, дважды был приговорен к смертной казни, сотрудничал с А. И. Герценом, был близко знаком с К. Марксом. По Бакунину, история – это процесс движения человека в «царство свободы» средствами революции. Свободу он рассматривал как отрицание государственности в пользу общественного самоуправления, полагая, что идеал народа основан на убеждении, что:

- земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает;
- право на пользование землей принадлежит не отдельному лицу, а общине;
- община не дополняет, а исключает необходимость государства.

Поскольку обыватель пребывает в мире иллюзий и надежд, то его нужно подготовить к бунту. Свою концепцию анархизма предлагает и *Петр Алексеевич Кропоткин* (1842–1921).

Попытки нести в народ заявленные идеи, как и готовить его к бунту, не оправдались. В обстановке массового разочарования народничеством начал складываться «русский марксизм». С ним связывали надежды на национальное возрождение и выбор демократического пути развития. Первым пропагандистом марксизма в России можно считать *Георгия Валентиновича Плеханова* (1856–1918). Разочаровавшись в народничестве, он обращается к философии марксизма, полагая, что марксизм нашел истину и социализм из утопии превратился в теорию. Остается только теорию воплотить в практику. Но, разделяя тезис К. Маркса об опреде-

ляющей роли способа производства, Г. В. Плеханов ставит материальное производство в зависимость от географической среды и венчает структуру общественных отношений идеологией, которая обусловлена не экономикой (К. Маркс), а состоянием психики «критически мыслящей личности».

Особое место в истории «русского марксизма» занимает *Владимир Ильич Ульянов (Ленин)* (1870–1924). Если с именем Плеханова связана пропаганда марксизма, то с именем Ленина – новый этап в его развитии применительно к России и новой исторической реальности – подготовка к переделу мира.

В 1917 г. с разницей в три дня в Петербург вернулись Плеханов и Ленин. Оба активно включились в политику. Оба приняли тезис о том, что Россия не готова к социализму, но будущее человечества, в том числе и России, за социализмом. Их разногласия вылились во взглядах на тактику. По Плеханову, процесс дальнейшего развития России должен идти по схеме: капитализм – предпосылки социализма – социалистическая революция – социализм. По Ленину: капитализм – социалистическая революция – предпосылки социализма – социализм. Объективности общественного развития В. И. Ленин предпочел субъективный фактор. В октябре 1917 г. массы выбрали тактику Ленина. Последующее время показало, что позиция Г. В. Плеханова имела достаточно весомые основания. Подтвердился и его прогноз о возможностях появления «социалистической элиты», которая, оторвавшись от народа, будет преследовать свои цели, прикрываясь интересами народа.

Жизнь продолжается. Поиск истины не завершен. Но ясно одно: капитализму уготована та же участь, что и феодализму, – быть историей. Будущее за той моделью общества, которая станет «по ту сторону материального производства», стряхнув с себя прах фетишизации товара, денег и капитала, постоянно возрождающей отчуждение человека от всего, от всех и от самого себя.

Революция 1917 г. и последующее формирование Советского Союза 30 декабря 1922 г. – это своеобразное возникновение «социально-онкологической опухоли», предпосылки которой уходят в далекое прошлое становления синкретической культуры: языческой (родовой), византийской (адаптированной), кочевой (привнесенной), а также формирования идеологии обустройства России, которая складывалась в противостояниях нестяжателей и иосифлян, грекофилов и латинствующих, славянофилов и западников; революционных демократов, народничества и «русского марксизма».

Можно критиковать или апологетировать, спорить и дискутировать о достижениях и провалах Советского Союза. Но грош цена тому прогрессу, который насилует душу человека, превращая его в средство сомнительной цели в обстановке нищеты и страха, где актуальным оставался вопрос: «А судьи кто?» Население страны делилось колючей проволокой на тех, кто сидел, и тех, кто мог там оказаться в условиях торжества «неправа», рождавшего правовой максимализм и правовой нигилизм. Реальное несчастье России 1917 г. возникло в силу специфической диалектики объективных условий и субъективного фактора общественного развития. К этой диалектике не имел прямого отношения хлебопашец центральных черноземных областей России. Он скорее пострадал, чем что-либо приобрел от Советского Союза. В первые месяцы переворота и в последующее время вертикаль власти (Совнарком, Военный комиссариат, Наркомат внутренних дел, нарко-

маты финансов и юстиции, центральная печать [газеты и журналы]) в основном была заполнена представителями национальных меньшинств¹. Это были предки тех, кто после развала Советского Союза в 1991 г. возглавил бывшие союзные республики и обеспечил свой суверенитет через дистанцирование от России, используя миф о тождестве России и Советского Союза.

Миф о тождестве России и Советского Союза стал идеологией противостояния России. Он стал проходным баллом в международные центры в условиях глобализации мира, обострения глобальных проблем и ставки на концепцию «золотого миллиарда».

Объективные условия вызывают к жизни субъективный фактор, содержание которого определяется востребованными личностями. Но личности могут быть незаурядными и бездарными, больными и здоровыми, а также заказными. От них зависит судьба объективных условий развития страны, а в конечном итоге и судьба ее населения.

После насильственной смерти брата Александра Владимир Ульянов (Ленин) заявил: «Мы пойдем другим путем». Он адаптировал теорию европейского марксизма, превратив его в идеологию «русского марксизма», где человек – общественная функция, исполнитель сомнительного проекта, но не самоценность. После смерти Ленина троцкизм, ранее технически осуществивший революцию, породил сталинизм с его репрессиями и диктатом авторитаризма. Перефразировав слова Н. А. Бердяева в адрес Виссариона Белинского, можно сказать, что вандализм троцкизма породил вандализм сталинизма и его адептов.

Проверкой на прочность России была Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В условиях эскалации извне население превратилось в народ. Кроме того, следует обратить внимание, что в тяжелые годы войны ставка делалась не только на идеологию коммунизма, но и на культурное наследие прошлого, на историческую память, которая приумножалась организаторскими способностями Александра Невского, Сергея Радонежского, Дмитрия Донского и других героев России. Этому способствовало и возрождение религии, которая заявила о себе в качестве духовных скреп Народа, Отечества.

Все это и заставляет подумать, поразмышлять, от какого наследия должна отказаться Россия, какую культуру она должна возродить, чтобы обрести устойчивую перспективу и осуществить в этом мире свое предназначение в статусе правопреемницы Советского Союза или той синкретической культуры, которая была утрачена после Октябрьского переворота 1917 г., а может, той протокультуры, истоки которой уходят в «ойкумену» России. Это не означает, что наша страна должна подстраиваться под ситуативную политику современного развития мира и международных отношений. Она должна обрести собственные основания, определяющие стратегию и тактику сегодняшнего и завтрашнего дня.

Нынешняя ситуация рождает нестандартные проблемы, которые требуют нестандартных решений формирования новой шкалы ценностных ориентиров. Эти ориентиры должны похоронить миф о тождестве России и Советского Союза, иницирующего образ врага, и открыть новые страницы всемирной истории добрососедских отношений с Европой и Азией. Только в этом случае Россия займет достойное место в мире глобализации и решения глобальных проблем.

¹ Солженицын, А. И. 200 лет вместе. М.: Вагриус.

ОТСТУПЛЕНИЕ «ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ» ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В МИРЕ

С. А. Денисов

Сегодня можно наблюдать признаки того, что сила «третьей волны» демократии ослабла, и начался процесс ее отката назад. Это отступление демократии наблюдается не только в России, но и в других странах мира. Обобщению накопившихся фактов и анализу причин отката «третьей волны» демократии посвящена эта статья. Используя материалистическую методологию, автор показывает, что крах тоталитарных систем, вошедших в историю под названием социализма, был связан с их экономическим кризисом. Значительная часть авторитарных режимов мира опирается на свои вооруженные силы. Отказ от дальнейшего развития демократии в ряде стран вызван не только экономическим усилением бюрократии. Свобода принесла в ряд стран нестабильность, сепаратизм и распространение терроризма. Движение по пути демократии связывается автором с процессами либерализации экономики, и делается вывод, что авторитаризм основан на государственном патернализме и сопровождающей его бедности. Он может быть побежден только с помощью политики социального либерализма, обеспечивающего вовлечение большинства населения в трудовую и предпринимательскую деятельность и поддержку той части населения, которая не может выполнять эти функции.

Ключевые слова: демократия, демократизация, ценности, экономика, экономический кризис, административный, бюрократия, элита, финансы, «третья волна», империя, плюрализм, ислам, мусульманские страны, политическая система, терроризм.

Начиная с апрельской «революции гвоздик» 1974 г. в Португалии ученые начали отсчитывать действие «третьей волны» демократизации в мире (Соариш 2004: 155). Она привела к тому, что в Европе почти не осталось недемократических государств (Игрицкий 2003). Определенные сдвиги в сторону демократии, часто только формальные, произошли в России, некоторых странах Африки (Комар 2002) и Латинской Америки. Но развитие социальных процессов подвержено колебаниям. Революции сменяются контрреволюциями, реформы – контрреформами. Сегодня можно наблюдать признаки того, что сила «третьей волны» демократии ослабла, и начался процесс ее отката назад. Это отступление демократии наблюдается не только в России, но и в других странах мира. Обобщению накопившихся фактов и анализу причин отката «третьей волны» демократии посвящена эта статья.

Используя материалистическую методологию, нетрудно заметить, что крах тоталитарных систем, вошедших в историю под названием «социализм», был связан с их экономическим кризисом. «В начале 1980-х за глобальным спадом экономики последовало резкое снижение цен на нефть», – отмечает К. Сонин (2004: 37). СССР, существовавший последние годы за счет продажи по высокой цене нефти и газа, «обанкротился». Его руководство ради сохранения власти должно было просить финансовой помощи у развитых стран мира, а в обмен проводить хотя бы видимость демократических реформ. Без финансовой подпитки оказались и те страны мира, которые «шли по пути социализма» под опекой руководства СССР.

Экономический кризис, начавшийся в 80-х гг. XX в., в начале XXI в. потихоньку ослабевал, мировая экономика вставала на путь устойчивого развития, что привело к заметному росту стоимости энергоресурсов (в первую очередь нефти и газа) и других полезных ископаемых. Между тем развитые демократические страны и быстро развивающиеся страны Азии (особенно Китай и Индия) в основном исчерпали свои запасы природных ресурсов и нуждаются в импорте нефти, газа и других полезных ископаемых. Сырьевые богатства мира оказались сосредоточенными в странах с традиционным административным общественным строем, где господствует государственная бюрократия. Природная рента, получаемая при продаже полезных ископаемых в этих странах, естественно, присваивается государством. Поскольку эти государства недемократические, то фактически богатства страны используют в своих интересах управленцы, составляющие государственный аппарат, обособленный от общества. Таким образом, рост доходов от продажи своих природных богатств значительно укрепил финансовую основу власти государственной бюрократии стран с административным строем как по отношению к собственному населению, так и в мировой политике. «Леонард Уонтчекон из Нью-Йоркского университета, – пишет К. Сонин, – вывел следующую зависимость: увеличение на один процент показателя, определяющего степень наличия в стране ресурсов (использовалось отношение объема экспорта сырья к ВВП), приводит к 8%-ному росту вероятности установления авторитарного режима» (Сонин 2004: 39).

Богатства, неожиданно свалившиеся на голову российской бюрократии, существенно повлияли на ее поведение и «вскружили ей голову». Если в первые годы XXI в. она еще вынуждена была играть роль демократов, то с увеличением цены нефти до 50–70 долларов за баррель необходимость в этом совершенно отпала. Наоборот, у российской бюрократической элиты стали проявляться «барские замашки» по отношению как к собственному населению, так и к мировой общественности. «Второй срок президента Путина начался в исключительно благоприятных экономических условиях», – отмечает К. Сонин (Там же: 34). Долларовый поток, который полился в государственный бюджет, позволил руководству России вернуться к традиционному для административных государств патерналистскому отношению к населению. Первый президент России полностью зависел от предпринимателей, которые за счет своих налогов формировали государственный бюджет. Сегодня, наоборот, предприниматели зависят от государственной бюрократии, которая решает, с кем из них поделиться своими доходами от продажи сырья за рубеж. Благосостояние массы населения также стало в большей степени зависеть не от собственного производительного труда, а от социальной помощи,

которую оказывает государство. За последние годы руководству страны удалось несколько поднять уровень жизни населения, которое поверило в «доброе царя» и отказалось от самостоятельной защиты своих прав. Оно с радостью передало свой суверенитет (ст. 3 Конституции РФ) главе государства, свалив на него ответственность за свою судьбу. Демократические нормы, закрепленные в Конституции РФ 1993 г., оказались не востребованы населением.

Мировой финансовый кризис 2009 г. заметно смазал эту картину, но принципиально мало что изменил. Особенно сейчас, когда цена за баррель нефти после резкого спада вновь подскочила до 70 долларов.

Рост доходов от продажи нефти привел к власти в ряде стран Латинской Америки людей, опирающихся на поддержку бедноты. В Венесуэле пришел к власти подполковник парашютного спецназа Уго Чавес. В Никарагуа вернулись к власти сандинисты, которые потеряли ее в 1990 г. после того, как исчезла поддержка со стороны СССР. Левые победили на выборах в Боливии, Аргентине, Бразилии, Уругвае (Зыгарь 2006: 6), Эквадоре (Чумакова 2007: 25). Бюрократические элиты, опирающиеся на массу неимущего населения, как правило, свертывают демократические свободы в своих странах. Правители Венесуэлы и Боливии уже поставили для себя цель: оставить в стране только одно «партеобразное» (имеющее вид политической партии) объединение бюрократии, устранив с политической арены настоящие партии (Трифонов 2006: 29). К. Маркс на примере Франции середины XIX в. доказал, что неимущим не нужна демократия. Им нужен опекун в лице сильного правителя и авторитарного государства, которое сможет подавить недовольство частных собственников осуществляемым перераспределением общественного продукта (Маркс, Энгельс 1959: 208).

Рост цен на нефть и газ сделали их добычу рентабельной вне зависимости от производительности труда на промыслах. Государственная бюрократия, которая никогда не умела рационально вести хозяйство, перестала нуждаться в помощи частных предпринимателей. Не только в России, но и в Венесуэле, Боливии начались процессы огосударствления нефтегазового сектора (Любители... 2006: 39). Формируется типичное для азиатского способа производства соединение власти и собственности, которое неизбежно порождает движение к политическому устройству в форме восточной деспотии.

Возвратив себе экономическое господство, государственная бюрократия России постепенно стала уничтожать те демократические ростки, что появились в стране за предыдущие годы. В первую очередь она вернула себе идеологическое господство, установив контроль над большей частью средств массовой информации. На втором этапе было осуществлено объединение расколовшейся на борющиеся между собой группы государственной бюрократии (установление вертикали власти). Институт единственного «партеобразного» объединения наподобие КПСС восстановить не удалось, но большая часть государственной бюрократии была объединена в квазипартию. Было также создано несколько партий-«подсадок», которые должны были изображать оппозицию. Это позволило устранить с политической арены настоящие, но чрезвычайно слабые политические партии. Реальные политики были заменены номенклатурными. Выборы в органы власти стали управляемыми. Представительные органы попали под контроль администрации. Постепенно Конституция РФ 1993 г. превращается в фикцию. Вместо

республики восстанавливается традиционная для России монархическая форма правления, где небольшая группа людей решает вопрос о том, кто будет главой государства (вместо гвардии, как это было в XVIII в., этот вопрос решает группа высших чиновников страны). При этом глава государства получает полномочия монарха. Федерализм подменяется имперскими отношениями между центром и провинцией. Все более отчетливо проступают признаки авторитаризма: преследование оппозиции, закрытие неугодных средств массовой информации и убийства журналистов, полицейские расправы с участниками массовых выступлений. В 2004 г. западные наблюдатели уже не могли не замечать смены курса российского руководства (Бильдт 2004: 65).

Слабое гражданское общество России не смогло выставить эффективных преград против возвращения страны к авторитаризму и гиперцентрализации управления, против монархической формы правления. Большинство населения страны, особенно малоимущие, поддержали возврат России к привычным для нее административным отношениям (Денисов 2005: 6).

Получив финансовую самостоятельность, российское руководство быстро рассчиталось по долгам перед странами Запада и перестало реагировать на их замечания о нарушении демократических стандартов. Были приняты законодательные нормы, направленные на изоляцию страны от вредного демократического влияния извне (законодательство о средствах массовой информации, религиозных и некоммерческих объединениях).

Ликвидация финансовой зависимости административных государств от демократических стран Запада позволяет бюрократии этих стран открыто заявить, что ее не устраивают западные стандарты прав человека. Формой отказа от соблюдения этих стандартов является заявление высшего руководства России о намерении строить свою «суверенную демократию». Тактика такого рода не нова. В СССР уже строили так называемую социалистическую демократию, которая прикрывала тоталитарный режим. Военная хунта Мьянмы, например, объявила о начале движения к «дисциплинированной демократии» (День... 2006: 41).

Антидемократические силы подобных стран используют любой предлог для разжигания ненависти к странам Запада, а через это и к ценностям прав и свобод человека и гражданина. В мусульманских странах в качестве таких предлогов были использованы карикатуры на пророка Мухаммеда, напечатанные в маленькой газете в Дании, выступление папы Бенедикта XVI перед профессурой Католического университета в Регенсбурге (Букалов 2006: 4). В России в качестве повода для антизападных выступлений используют перенос памятника советскому солдату в Эстонии. Наличие врага, как известно, хорошо сплачивает население страны вокруг его правителя. Если даже такого врага нет, то его следует изобрести.

В борьбе с распространением демократии в мире широко используются идеи псевдопатриотизма, великодержавия, противопоставления ценности суверенитета государства ценностям прав и свобод человека. Так, директор Института стратегических исследований Киргизстана доказывает, что странам Центральной Азии с их более древней, чем европейская, культурой нечему учиться у стран Запада, и с презрением отвергает их интеллектуальную помощь (Богатырев 2003: 10).

Противостояние демократических и недемократических стран радикальные исламисты умело представляют как борьбу мусульман с «неверными» (христиа-

нами) (Нечитайло 2007: 63), мобилизуя за счет этого на поддержку тоталитарных правителей и террористов широкие слои населения.

Появление финансовой основы для реванша недемократических государств отчасти обеспечивается укреплением их сплоченности. Рост цен на нефть не в последнюю очередь связан с договоренностью высшей бюрократии стран ОПЕК о синхронном ограничении ее добычи (Савельев 2000: 59). США и Европа, импортирующие нефть, вынуждены искать союзников среди недемократических стран – экспортеров нефти. Никто не собирается, например, экспортировать демократическую революцию в Саудовскую Аравию. Запад вынужден был помириться с диктатором Ливии Муамаром Каддафи.

Руководство России и других газодобывающих стран (Алжир, Туркмения), которые не относятся к группе демократических, пытаются усилить свое финансово-экономическое влияние в мире путем создания газового консорциума (Валетминский 2007: 5; Лашкина 2007: 3). Монопольный сговор между поставщиками газа позволит увеличить цены на него и поднять политический вес бюрократической элиты этих стран в мире.

Не следует забывать, что демократические страны мира – это прежде всего капиталистические страны. Торговля, получение прибыли для них гораздо важнее, нежели экспорт демократии соседям. Не будет капитализма, который обеспечивает своим народам высокий уровень жизни, не будет и демократии. Поэтому пока дружественные отношения с Китаем и Россией позволяют увеличивать прибыли западных корпораций, последние вместе с их правительствами не превратятся в борцов за демократию на чужих территориях. Обозреватели замечают, что «возможность заработать в России заботит Запад гораздо больше, чем судьба российской демократии» (Куяс-Скрижинский 2006: 26).

Необходимо не забывать, что Россия была во главе движения сопротивления распространению демократических ценностей в мире при «первой» и «второй волне» демократизации. Царь Алексей Михайлович повелел изгнать из Московского царства всех английских купцов после того, как в Англии произошла буржуазная революция (Всемирная... 2001: 145). Главной задачей созданного Александром I Священного союза было недопущение распространения демократии в Европе (Протопопов и др. 2006: 71–82). СССР после разгрома фашистской Германии стал главным защитником тоталитаризма в мире. Президент РФ в своем мюнхенском выступлении в феврале 2007 г. прямо заявил, что Россия намерена вернуться к своей исторической роли (Мигранян 2007: 7).

Сегодня, следуя старым традициям, управленческая элита России пытается выставить барьеры распространению демократии в мире. Западные эксперты отмечают, что она «откровенно становится оппонентом ОБСЕ, поддерживающей развитие демократии в Восточной Европе» (Вик 2005: 65). По мере роста экономической силы российские руководители пытаются не допустить проникновения капитализма и демократии в соседние страны, которые традиционно находились под их опекой. Все возможное было предпринято против занятия должности президента Украины прозападным политиком В. Ющенко. Демократия победила, но вполне возможно, что это был последний рубеж, которого достигла «третья волна» демократии. Созданные в Центральной Азии политические объединения (ШОС, ОДКБ) нацелены не только на борьбу с терроризмом, но и на противодей-

ствие распространению в мире демократических движений в форме «цветных революций». Руководство России одобрило расстрел мирных демонстраций в Узбекистане в мае 2005 г. (Зыгарь 2005: 5). Бессменный правитель Узбекистана И. Каримов получил от президента России моральную и политическую поддержку в деле расправы с оппозицией (Владимир Путин оправдал... 2005: 5).

Сегодня в России вспомнили о переживших кое-как демократическую «волну» странах, которые не отказались от советской модели тоталитарного режима. Вновь российские деньги, вырученные от продажи нефти и газа, пошли на Кубу. Кубинский диктатор, естественно, не вернул долги СССР, но получил от российского правительства новую ссуду (Нетреба 2006: 2). Очевидно, эти деньги также не будут возвращены и являются своего рода пожертвованиями на борьбу с западной демократией в странах Латинской Америки.

Дипломатическую и материальную поддержку получает диктатор Северной Кореи Ким Чен Ир. На основе поставок по низким ценам энергоресурсов удалось укрепить режим А. Лукашенко в Белоруссии. Российское руководство налаживает сотрудничество с военной хунтой Мьянмы (ранее Социалистическая Республика Бирманский Союз), которая сумела в последние десятилетия сохранить тоталитарный режим в стране (День... 2006: 41).

Несмотря на то, что Китай является главным конкурентом России на Дальнем Востоке, российское руководство видит в нем родственную душу и вовлекает его в политические союзы, направленные против демократии и демократических стран.

Президент РФ во время визита в ряд арабских стран в феврале 2007 г. верно подчеркнул, что у России много общего с мусульманским миром. Действительно, и там, и у нас одинаково негативно относятся к частной собственности, демократии и идеологическому плюрализму. Мусульманский мир является традиционной моделью административного общества, опирающегося на религию и обычаи. Россия стремится построить модернизированную модель административного общества, имитирующую западную систему. СССР всячески поддерживал мусульманские страны, пытался объединить их на борьбу с общим врагом. Эту политику стремится продолжить руководство России (Владимир Путин провел... 2007: 3).

Значительная часть авторитарных режимов мира опирается на свои вооруженные силы. Сегодня Россия так же, как когда-то СССР, является главным поставщиком оружия не только военной хунте Бирмы, но и Судану, против руководства которого в Международном уголовном трибунале в Гааге возбуждено уголовное дело в связи с этническими чистками в провинции Дарфур, в ходе которых было уничтожено около 200 тыс. человек (Габуев 2007: 6). В 2007 г. российское руководство наладило отношения с ливийским диктатором Муамаром Каддафи, которого обвиняли в организации террористических актов в Европе. Сообщается о том, что готовится подписание договора о поставке этому тоталитарному режиму вооружения (Лантратов, Грицков 2007: 6). Новейшее оружие, произведенное в России, было обнаружено у террористов «Хезболлы» в Южном Ливане в августе 2006 г. (Березинцева 2006: 6; Воронов 2006б: 10–12).

На роль лидера недемократических стран мира претендует экономически усиливающийся коммунистический Китай. Успехи его экономического развития становятся примером построения подобных недемократических моделей общества по всему миру. На протяжении всех последних лет российские коммунисты твердят,

что России нужно было брать пример с Китая и не следовало идти по пути демократизации своей политической системы. Поддержкой Китая пользуется тоталитарный режим Северной Кореи. Между ней и Китаем в 1961 г. был заключен Договор о дружбе, предполагающий военную поддержку Северной Кореи в случае нападения на нее Южной Кореи или США (Ядерная... 2004: 182). Под этой опекой руководство Северной Кореи разрабатывает свои ядерные программы, которые нацелены пока в большей степени не на усиление этого тоталитарного государства в мире, а на демонстрацию преимуществ режимов подобного типа перед странами с демократическим устройством.

Свой блок недемократических стран Латинской Америки левого уклона создает на нефтяные деньги президент Венесуэлы Уго Чавес. Сегодня уже не Москва, а Каракас является основным спонсором кубинского диктатора Фиделя Кастро (Зыгарь 2006: 6).

Движение всех мусульманских стран против западных ценностей демократии пытается возглавить Иран. Откат «второй волны» демократии в немалой степени был обеспечен поддержкой гитлеровской Германии со стороны СССР до начала войны между ними. Сегодня российское руководство открыто называет себя «другом» Ирана (Иранский... 2004: 173), президент которого прямо угрожает развязать войну на Ближнем Востоке. Руководство России, ее дипломаты пытаются спасти Иран от международных санкций, предлагаемых ввести в ответ на нежелание иранского руководства прекратить работы, которые могут привести к созданию ядерного оружия (Зыгарь, Белов 2004: 7; Кузьмин 2006: 3). Некоторые эксперты считают, что мировому сообществу придется смириться с тем, что лидер антизападных акций среди мусульман станет владельцем ядерного оружия и тем самым усилит всю группировку врагов демократии (Иранский... 2004: 177).

Поток нефтедолларов усилил мусульманских фундаменталистов. Если в конце 90-х гг. в Иране произошла небольшая либерализация, то в 2005 г. с приходом к власти президента Ирана Махмуда Ахмади-Нежада с ней было покончено. Антизападные настроения усилились. Из вузов были изгнаны все свободомыслящие профессора (Поварич 2006: 8). «Радикальный исламизм, – пишет политолог С. Караганов, – перешел в открытое политическое и идеологическое наступление» (Караганов 2006: 1). Так называемый «карикатурный скандал» закончился почти полной победой религиозных фанатиков. Страны, являющиеся наиболее недемократическими (Саудовская Аравия, Ливия), уже не защищались от проникновения западных идей, а перешли в наступление. Они закрыли свои посольства в Дании, газета которой первой напечатала карикатуры на пророка Мухаммеда, потребовали от властей Дании принести им извинения. Демонстранты в Иране вышли с лозунгами: «Смерть Америке!», «Смерть Дании!» В некоторых странах произошли погромы посольств тех государств, где были напечатаны карикатуры. Свобода слова была ограничена не только в мусульманских странах, но и в странах Запада (Асадова 2006а: 15–18).

Отступление «второй волны» демократии сопровождалось приходом к власти в ряде стран фашистских диктатур, действующих под нацистскими лозунгами. В этот раз наступление авторитаризма, похоже, будет опираться на религиозный радикализм. Оппозиция ряда недемократических стран с мусульманским населением является не демократической, а радикально религиозной. От авторитарных

порядков с помощью демократических институтов эти страны могут перейти к тоталитаризму, основанному на религии. Эта опасность существует в России на Северном Кавказе, в странах Центральной Азии, в Пакистане и Иордании (Демченко 2007: 43–48). В Палестине в результате демократических выборов в парламент уже пришли к власти представители радикального движения «Хамас».

Получение бюрократическими элитами в свои руки так называемых «плавающих ресурсов» (Каспэ 2001: 45) позволяет им провозгласить имперские планы и объединить вокруг себя всех великодержавников. Логика имперского строительства, естественно, несовместима с наличием таких демократических институтов, как федерализм, местное самоуправление. Империя неизбежно должна стать государством с монархической формой правления. Империи нужен император. «Так, Рим отказался от республиканского правления, решив облачиться в имперскую мантию», – пишет Д. Саймс (2004: 132). Имперская идеология используется для противодействия развитию демократии не только в России, но и в Венесуэле. Уго Чавес, как известно, победил на президентских выборах в Венесуэле под лозунгом построения великой Колумбии, которая должна объединить страны Латинской Америки в первую очередь в борьбе с США (Зыгарь 2006: 6). Иранское руководство набирает авторитет, также пользуясь лозунгом объединения всего мусульманского мира в борьбе с Западом (Мирский 2006: 9).

Часть нефтедолларов из мусульманских стран идет на организацию террористических актов в странах Запада. Террористические акты в США, Франции, Испании, Англии были ударом в сердце демократии. Радикальные исламисты призывают убить папу римского, заявляют, что джихад становится обязанностью для каждого мусульманина. Российские исследователи говорят о появлении культуры «глобального джихада» (Нечитайло 2007: 64–66). На Западе раздаются заявления о том, что их страны оказались в состоянии войны с терроризмом. Военное положение, хотя и не объявленное официально, – плохая среда для развития демократии. Министр внутренних дел Англии после предотвращения очередного теракта дал понять, что правительству, возможно, придется «модифицировать некоторые из гражданских свобод» (Война 2006: 5). Развитые страны Запада вынуждены были ввести у себя элементы полицейского государства: существенно расширить права спецслужб, организовать слежку за собственными гражданами. Усама бен Ладен действительно выполняет ту же функцию, что и Чингисхан. Он мешает развитию мировой культуры, пытается вернуть мир к средневековому состоянию произвола и насилия.

Борьба с терроризмом заставляет демократические страны мира искать союзников среди недемократических стран. США и Европа вынуждены поддерживать фактического диктатора Пакистана Первеза Мушаррафа, без которого невозможно победить талибов в Афганистане (Строкань 2007: 6). Д. Саймс доказывает, что США не нужно ради борьбы за демократию ссориться с такими недемократическими странами, как Китай и Россия. Борьба с терроризмом, которая объединяет эти страны с США, является более важной задачей (Саймс 2004: 136). Сегодня руководство США прислушивается к этим доводам и не намерено ссориться с российской высшей бюрократией из-за нарушений ею политических прав и свобод в своей стране.

Отказ от дальнейшего развития демократии в ряде стран вызван не только экономическим усилением бюрократии. Свобода принесла в ряд стран нестабильность, сепаратизм и распространение терроризма. Это относится не только к России, но и к Индонезии, в которой население отказало в доверии демократическому президенту страны Мегавати Сукарнопутри и поддержало на выборах президента отставного генерала Сусило Бамбанга Юдхойоно (Строкань 2004: 38–44). В Палестине, как уже отмечалось, демократические выборы в парламент привели к победе террористическую организацию «Хамас», которая, естественно, не собирается строить демократическое и мирное государство (Асадова 2006б: 54). Очевидно, что для дальнейшего наступления демократии необходимо, чтобы население научилось мирно, без применения насилия решать свои проблемы. Ослабление авторитарных государств в странах, где нет традиций самоуправления, часто приводит к росту преступности, в том числе организованной. Рядовые граждане и предприниматели требуют наведения порядка и добровольно голосуют за возврат авторитаризма.

Правительства ряда стран, с которыми связывались надежды на движение по пути демократии, оказались неспособными справиться с коррупцией. В частности, находившееся у власти в Палестине движение «Фатх», действующее под демократическими лозунгами, зарекомендовало себя как коррупционное. Это стало еще одной причиной победы в Палестине радикальной группировки «Хамас».

В странах, где еще не преодолены трайболистские устои, не сформировалось единой нации, демократизация отношений приводит к усилению родовой аристократии, элит отдельных регионов. Ослабленный центр и армия не могут сдерживать сепаратизма. Это может привести к гражданской войне, нарастанию терроризма. Так, ослабление центральной власти в Грузии привело к отделению от нее Абхазии и Южной Осетии. После распада СССР гражданская война началась в Таджикистане. Свержение талибов в Афганистане и ослабление центрального правительства привели к автоматическому усилению полевых командиров (Гэннон 2004: 130–142).

Естественно, не могут пойти на демократические преобразования имперски устроенные государства, которые включают в себя нации, стремящиеся к самоопределению. Развитие демократических элементов в России привело к сепаратизму на Северном Кавказе. Ослабление центральной власти вызвало распад Югославии на целую группу самостоятельных национальных государств. Демократическая Индонезия вынуждена была предоставить независимость Восточному Тимору. Демократизация Китая неизбежно обострит конфликт между Пекином, с одной стороны, уйгурскими областями и Тибетом – с другой.

Усиление нестабильности в мире в целом не способствует развитию демократии. Поэтому недемократические силы поддерживают прямо или косвенно создание террористических организаций, раздувание конфликтов в отдельных странах мира (Ливан, Палестина, Афганистан), рост противоречий между разными странами (Востоком и Западом, мусульманами и христианами). В этом контексте не вполне ясно, принесло ли свержение Саддама Хусейна в Ираке пользу демократическому движению или навредило ему (Аксенёнок 2004: 98). Возникновение спорных государств (Косово, Абхазия, Южная Осетия), анклавов типа Приднестровья или территорий, на которых действуют вооруженные сепаратистские группировки

(Чечня, районы Колумбии), не способствует демократизации в мире. Каждое такое образование существует как вооруженный лагерь и не может существовать на демократических началах. Неизбежны ограничения демократии в тех странах, которые ведут борьбу с сепаратизмом. Несомненной победой антидемократических сил в России является разжигание межнациональной ненависти в обществе, появление организаций скинхедов, иных националистических организаций. Опирающиеся на националистические настроения граждан политические силы (например, бывшая партия «Родина») явно носят авторитарный характер (Черкасова 2007).

Создается впечатление, что некоторые народы и их лидеры не способны к мирному диалогу. Они понимают только язык силы. Так, десятки тысяч сторонников «Хамас» в Палестине после опубликования карикатур на пророка Мухаммеда вышли на улицы с лозунгами: «Смерть этим собакам и смерть Бушу!», «Мы не примем ни от кого никаких извинений!», «Оскорбление, нанесенное исламу, будет смыто кровью, и пощады не будет, потому что мы – самые сильные!» (Асадова 2006а: 17). Под угрозу ставится демократия в отношениях между странами на всей планете. Построение мира на основе силы, навязывания порядка со стороны одной или нескольких империй приобретает множество сторонников.

Движение по пути демократии, конечно, связывается с процессами либерализации экономики. Последнее в свою очередь требует от населения роста производительности труда, его интенсификации, повышения квалификации, профессиональной и территориальной мобильности, отказа от привычного неспешного образа жизни. Чем больше нарастают эти требования, тем большая часть населения развивающихся стран выступает с протестом против резкого изменения традиционных порядков. Неквалифицированные рабочие в развитой экономике превращаются в лишних людей. Идеология консерватизма начинает доминировать над идеологией прогресса и модернизации, особенно среди необразованной, неквалифицированной части трудящихся. Запад с его либеральными ценностями рассматривается как мировое зло. Подобные настроения свойственны для части населения России, стран Азии и Латинской Америки (Визгунова 2007: 16; Шереметьев 2007: 4–5).

Соединенные Штаты, которые взяли на себя миссию распространения демократических порядков в мире, не могут удержаться от злоупотребления получаемой властью. Они используют ее для реализации своих эгоистических политических и экономических интересов. Последнее вызывает законное недовольство во многих странах мира. «Преобладающая часть мирового сообщества видит в Америке зарождающуюся империю», – пишет Д. Саймс (2004: 130). «Не так важно, – отмечает он, – видит ли себя в данный момент Америка империей или нет, – многие государства все больше рассматривают ее именно в этом качестве и соответственно реагируют на действия Вашингтона» (Там же: 132). Этим успешно пользуются противники демократии, доказывая, что сторонники свободы являются агентами влияния зарубежного государства. Антиамериканизм противников демократии обеспечивает им поддержку больших масс населения во всех странах мира, в том числе и в России. Антиамериканскую риторику в борьбе за президентский пост использовал претендующий на диктаторские полномочия Уго Чавес в Венесуэле (Зыгарь 2006: 6). Под лозунгами борьбы с «большим сатаной» выступают радикальные исламисты.

«Третья волна» демократии не смогла охватить весь мир и преобразовать его. Выяснилось, что многие страны мира пока не готовы к восприятию демократических ценностей. Они должны пройти какой-то подготовительный период для того, чтобы попасть под действие «четвертой волны» демократии. Пока нет сомнения, что эта «волна» придет. Вопрос в том, насколько глубоким будет отступление «третьей волны», сколько лет оно займет. Откат «второй волны» демократизации в мире был довольно значительным. В ряде стран Запада установился либо фашистский, либо авторитарный режим. На месте Российской империи возникло тоталитарное государство. Пока не видно никаких предпосылок для подобного отката «третьей волны».

Необходимо отметить, что наряду с солидарностью в защите административного строя и готовностью вести совместную борьбу с демократией между правителями административных государств всегда имеет место конфликт по поводу того, кто будет занимать более высокое место в мировой иерархии правящих элит. Именно этот конфликт привел к длительному периоду вражды между правителями СССР и Китая в 60–70-е гг. XX в. Этого рода конфликт за лидерство и дальше будет иметь место между управленческими элитами России, Китая, Ирана, других стран, которые не желают вписываться в иерархическую пирамиду объединения административных стран. До сих пор в Иране Россия определялась как «малый сатана», наряду с «большим сатаной», которым, конечно, являются США (Воронов 2006а: 28). Даже А. Лукашенко, который полностью экономически зависит от российской бюрократии, не желает быть молчаливым холопом и критикует хозяина за его имперские амбиции (Шелин 2006: 8). В интервью немецкой газете он заявил: «Политика России все больше и больше напоминает американскую, которую в Москве не устают критиковать. Есть какой-то имперский стиль в их поведении» (Зыгарь и др. 2007: 1).

Как отмечалось выше, российское руководство сегодня претендует на лидерство в борьбе с демократическими странами. История показала, что Россия проиграла две кампании по сопротивлению распространению демократических ценностей в мире. Без сомнения, проиграет и третью. Руководство как России, так и коммунистического Китая уже не в состоянии остановить развитие гражданского общества в своих странах. «Четвертая волна» демократии должна превратить Россию в реально демократическую страну, а в Китае окончательно расшатать основы тоталитаризма. Очевидно, что как только там закончится фаза индустриального развития и страна перейдет к решению научно-технических задач, ей придется произвести свою «перестройку». Как и в странах Европы, развитие капитализма неизбежно приведет к демократизации политической сферы жизни страны.

Замедление темпов экономического развития стран мира, связанное с циклическим развитием мирового рынка, приведет к прекращению роста цен на сырьевые товары или даже к падению этих цен. Экономика административных недемократических стран, полностью основанная на получении природной ренты, неизбежно рухнет при уменьшении ее поступления. Население этих стран опять встанет перед выбором: поддерживать ли свою бюрократию или пойти на рыночные и демократические реформы. Экономика административных стран, основанная на государственной собственности на средства производства и государственном распределении общественных благ, всегда проигрывала экономике капитализма. Рост

цен на природные богатства – это очередная отсрочка краха административных систем, но крах этот неминуемо наступит. Национализация нефтяного сектора в Венесуэле уже привела к двойному падению ее добычи (Прибытков 2007: 20). Проблемы начались у национализированного нефтегазового комплекса Боливии (Трифонов 2006). Вмешательство государства в рыночные отношения, отмечают экономисты, приведет к финансовой дестабилизации, оттоку капитала из страны и другим негативным последствиям. Бюрократия сама доведет свои страны до кризиса, за которым последует новый виток буржуазно-демократических реформ.

Безусловно, демократические страны мира должны сделать вывод из неудач «третьей волны» демократизации. Время «кавалерийских атак» закончилось. Необходимо длительная и кропотливая работа по формированию идеологических и экономических основ для распространения толерантности в мире, способности людей решать проблемы общественной жизни без указки со стороны вождей.

Представители капитала не должны забывать о своей социальной ответственности перед населением. Авторитаризм основан на государственном патернализме и сопровождающей его бедности. Он может быть побежден только с помощью политики социального либерализма, обеспечивающего вовлечение большинства населения в трудовую и предпринимательскую деятельность и поддержку той части населения, которая не может выполнять эти функции.

Более трудным является вопрос о том, смогут ли США умерить свои имперские амбиции и не превращать развитие демократии в распространение своего гегемонизма в мире.

С одной стороны, исторический процесс гуманизации и демократизации мира не может быть остановлен, а с другой – нуждается в поддержке тех сил, которые в нем заинтересованы. Темпы его осуществления зависят и от нас с вами.

Литература

Аксенёнок, А. 2004. Принуждение к демократии: есть ли предел? *Россия в глобальной политике* 2(3).

Асадова, Н.

2006а. Задетые за святое. *Коммерсантъ-Власть* 6: 15–18.

2006б. «Хамас» идет дорогой Шарона. *Коммерсантъ-Власть* 13.

Березинцева, О. 2006. Ракеты попали в Интернет. *Коммерсантъ* 28 сентября.

Бильдт, К. 2004. Европа задает вопросы. *Россия в глобальной политике* 2(1).

Богатырев, В. 2003. Демократия по-азиатски. *Российская газета* 2 апреля.

Букалов, А. 2006. Две правды. *Новое время* 39.

Валетминский, И. 2007. Под газовой ОПЕКой. *Российская газета* 16 февраля.

Визгунова, Ю. И. 2007. Мексика: метаморфозы демократии. *Латинская Америка* 2: 13–24.

Вик, Х.-Г. 2005. Стремление России к доминированию: судьба Украины, Молдавии и Беларуси. *Мир перемен* 2.

Владимир Путин оправдал доверие Ислама Каримова. 2005. *Коммерсантъ* 30 июня.

Владимир Путин провел картельную операцию на Ближнем Востоке. 2007. *Коммерсантъ* 13 февраля.

- Война, В.** 2006. Отложенное жертвоприношение. *Новое время* 33: 4–5.
- Воронов, В.**
2006а. Военные игры мулл. *Новое время* 45.
2006б. Ракетный Маркетинг. *Новое время* 35: 10–12.
- Всемирная история:** в 24 т. 2001. Т. 13. Эпоха английской революции. М.: АСТ; Минск: Харвест.
- Габусев, А.** 2007. Иранская проблема объединилась с дарфурской. *Коммерсантъ* 1 марта.
- Гэннон, К.** 2004. Афганистан «освобожденный». *Россия в глобальной политике* 2(3): 130–142.
- Демченко, А.** 2007. Иордания: королевская власть и исламистская оппозиция. *Азия и Африка сегодня* 2: 43–48.
- Денисов, С. А.** 2005. Реставрация административной социальной системы в России. *Россия и современный мир* 4(49): 106–116.
- День дисциплинированной демократии.** 2006. *Коммерсантъ-Власть* 13.
- Зыгарь, М.**
2005. Третью среди равных. *Коммерсантъ* 3 июня.
2006. Венесуэла выбрала Великую Колумбию. *Коммерсантъ* 5 декабря.
- Зыгарь, М., Белов, П.** 2004. Владимир Путин готов спасти Иран от США. *Коммерсантъ* 12 октября.
- Зыгарь, М., Ямбаева, М., Сафронов, И.** 2007. Александр Лукашенко поставил Европу себе на вид. *Коммерсантъ* 8 февраля.
- Игрицкий, Ю. И. (отв. ред.)** 2003. Демократизация и парламентаризм в Восточной Европе. М.: ИНИОН РАН.
- Иранский тест для великих держав.** 2004. *Россия в глобальной политике* 2(1): 168–179.
- Караганов, С.** 2006. Фарс на фоне драмы. *Российская газета* 13 октября.
- Каспэ, С.** 2001. *Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика.* М.: Рос. полит. энциклопедия.
- Комар, Ю. И. (ред.)** 2002. Африка на пороге XXI в.: реферат. сб. М.: ИНИОН РАН.
- Кузьмин, В.** 2006. Политинформация от первого лица. *Российская газета* 6 июня.
- Куяс-Скрижинский, К.** 2006. Деловая этика. *Новое время* 42.
- Лантратов, К., Грицков, А.** 2007. У Муамара Каддафи разыгралось вооружение. *Коммерсантъ* 4 мая.
- Лашкина, Е.** 2007. Газовый портфель. *Российская газета* 16 февраля.
- Любители коки национализируют нефть и газ.** 2006. *Коммерсантъ-Власть* 17–18.
- Маркс, К., Энгельс, Ф.** 1959. *Соч.* 2-е изд. Т. 8. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Мигранян, А.** 2007. Реквием по однополярному миру. *Российская газета* 22 февраля.
- Мирский, Г.** 2006. Жизнь на скважине. *Коммерсантъ* 21 сентября.
- Нетреба, П.** 2006. Последний долг команданте. *Коммерсантъ* 30 сентября.
- Нечитайло, Д.** 2007. Радикальные исламисты аплодируют Папе Римскому. *Азия и Африка сегодня* 3: 63–66.

Поварич, П. 2006. Президент Ирана выгоняет либералов. *Российская газета* 7 сентября.

Прибытков, А. 2007. О причинах прихода к власти левых в Венесуэле и характерных чертах их политики. В: Ильченко, М. С., Москвин, Д. Е. (общ. ред.), *Левые в политическом пространстве современности*. Екатеринбург.

Протопопов, А. С., Козьменко, В. М., Елманова, Н. С. 2006. *История международных отношений и внешней политики России (1648–2005)*: учеб. для студентов вузов. М.: Аспект-Пресс.

Савельев, Н. 2000. Удар по союзникам. *Эксперт* 12.

Саймс, Д. 2004. Имперская дилемма Америки. *Россия в глобальной политике* 2(1): 130–142.

Соариш, М. 2004. Переходный возраст демократии. *Россия в глобальной политике* 2(3): 154–161.

Сонин, К. 2004. Невыносимая легкость реформ. *Россия в глобальной политике* 2(3).

Строкань, С.

2004. Сусильная рука. *Коммерсантъ-Власть* 39: 38–44.

2007. Первез Мушарраф проехался по терроризму. *Коммерсантъ* 4 мая.

Трифонов, Е. 2006. Чужие среди своих. *Новое время* 41.

Черкасова, Н. 2007. Лево-консервативный идеологический синтез в современной России. В: Ильченко, М. С., Москвин, Д. Е. (общ. ред.), *Левые в политическом пространстве современности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции* (с. 116–120). Екатеринбург.

Чумакова, М. Л. 2007. Эквадор: перемены на политической арене. *Латинская Америка* 2: 25–41.

Шелин, С. 2006. Смятение сидящих на трубе. *Новое время* 42.

Шереметьев, И. К. 2007. «Левый поворот» в Латинской Америке глазами экономиста. *Латинская Америка* 2: 4–12.

Ядерная программа КНДР: перспективы развития. 2004. *Россия в глобальной политике* 2(1).

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

А. И. Андреев

Под таким названием 20–22 мая 2010 г. в Москве состоялась международная конференция, организованная по инициативе факультета глобальных процессов МГУ (ФГП МГУ), который является первым в мире учебным заведением, осуществляющим подготовку специалистов в сфере глобалистики и исследования глобальных процессов. Конференция была посвящена **5-летию образования факультета** и приурочена ко Всемирному дню культурного разнообразия во имя диалога и развития (21 мая). В ее работе участвовало более 200 человек из России, Великобритании, Германии, Швейцарии, Нидерландов, Австрии, Финляндии, Венгрии, Индии, Монголии, Украины, Белоруссии, Азербайджана и Киргизии. Среди них ученые, философы, дипломаты, общественные деятели, аспиранты, студенты.

Участников конференции приветствовал председатель ее оргкомитета ректор МГУ академик В. А. Садовничий. Затем выступили: научный руководитель ФГП профессор И. И. Абылгазиев; декан ФГП доцент И. В. Ильин; член-корреспондент РАН, депутат Государственной Думы, специальный представитель Президента РФ по международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике А. Н. Чилингаров; профессор Университета Абердина (Великобритания) Р. Робертсон; старейший член Ученого совета МГУ академик Г. В. Добровольский; президент РАЕН О. Л. Кузнецов; иностранный член РАН А. Акаев; президент Федерации мира и согласия В. И. Камышанов; первый вице-президент Российского философского общества профессор А. Н. Чумаков; академик АН Молдовы А. Д. Урсул и другие видные ученые и специалисты. Свои приветствия участникам конференции и коллективу факультета глобальных процессов направили полномочный представитель Президента РФ в Центральном федеральном округе Г. С. Полтавченко, мэр Москвы Ю. М. Лужков, главный ученый секретарь РАН академик В. В. Костюк, президент Фонда культуры мира Ф. Майор и др.

Участники конференции с большим удовлетворением восприняли решение Общего собрания РАН от 18 мая 2010 г. о создании нового отделения РАН – глобальных проблем и международных отношений.

Дальнейшая работа конференции проходила в двух секциях: «Глобальные исследования: философско-методологические аспекты» (руководители: профессор А. Н. Чумаков, профессор А. Д. Урсул) и «Глобальные исследования: естественно-

научные и математические аспекты» (руководители: профессор С. Ю. Малков, доцент А. В. Иванов). Там всесторонне обсуждались философско-методологические, гуманитарные, естественно-научные и математические аспекты глобалистики, вопросы подготовки специалистов в сфере глобальных процессов, а также глобальные вызовы и проблемы, порожденные глобализацией.

На заседании Ученого совета факультета академик В. А. Садовничий поставил перед факультетом задачу разработки системы образования в сфере глобальных процессов и, учитывая интегративный характер глобального знания, выявления роли различных наук в формировании содержания этого типа образования. Это означает, что предстоит решить двуединую задачу: выяснить, что представляют собой глобальное знание и глобальное образование.

На пути к решению этой задачи 22 мая в рамках конференции состоялся круглый стол «Социально-гуманитарная компонента образовательного процесса в подготовке специалистов в сфере глобальных процессов» (ведущие: А. Д. Урсул и А. Н. Чумаков). Участники круглого стола подчеркнули тот факт, что создание ФГП оказалось адекватным научно-образовательным ответом на глобальные вызовы XXI в. Факультет постепенно превращается в ведущий центр развития того нового типа образования, который еще в 70-е гг. прошлого века получил наименование глобального образования. Но в это название сейчас на факультете вкладывается качественно новое современное содержание, определяемое степенью познания ныне происходящих глобальных процессов и предвидением их будущей эволюции. Модель глобального образования, реализуемая руководством факультета, оказывается не просто современной, но и устремленной в общепланетарное и устойчивое будущее всего человечества, ориентируя формируемую глобальную деятельность на выживание цивилизации и ее коэволюцию с природой.

В связи с обсуждением вышедших на ФГП книг позитивную оценку получила высказанная в книге И. В. Ильина и А. Д. Урсула «Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов)» (М.: МГУ, 2009) идея эволюционного подхода к исследованию перспектив мирового образования.

В ходе работы другого круглого стола – «Моделирование глобальных процессов в научной и образовательной работе» (модераторы: С. Ю. Малков, А. В. Иванов) – были высказаны следующие предложения: считать приоритетным направлением учебной работы ФГП подготовку аналитиков и экспертов международного профиля, способных проводить комплексный анализ и количественный прогноз динамики глобальных процессов; усилить специализированную математическую подготовку студентов в рамках сквозного курса математических дисциплин, нацеленных на формирование навыков количественного анализа, моделирования и прогноза глобальных процессов; подготовить и издать учебно-методические материалы для обучения математическому моделированию и прогнозированию глобальных процессов; в рамках студенческой научной работы поощрять создание междисциплинарных научных коллективов, объединяющих студентов различных факультетов МГУ для комплексного исследования глобальных процессов. Подготовка экспертов и аналитиков, умеющих обосновывать свои выводы количественными оценками с использованием междисциплинарных подходов, является, по мнению участников круглого стола, естественной нишей ФГП, которую в настоящее время не могут занять ведущие научно-образовательные центры, готовящие

специалистов в сфере международных отношений. Участники круглого стола отметили как несомненный успех факультета коллективную монографию «Моделирование нелинейной динамики глобальных процессов» (под ред. И. В. Ильина и Д. И. Трубецкова), подготовленную совместно сотрудниками ФГП МГУ и факультета нелинейных процессов Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Предисловие к книге написал академик В. А. Садовничий. В недалеком будущем на основе разделов монографии будут подготовлены отдельные учебные пособия, которые составят основу подготовки по моделированию глобальных и региональных социоприродных процессов.

В заключительный день конференции состоялась презентация научных журналов «Век глобализации» и «Journal of Globalization Studies», а затем ее участники провели учредительное собрание Международной ассоциации глобальных исследований (International Global Research Association). Среди учредителей Ассоциации – один из пионеров исследования глобализации, всемирно известный ученый Р. Робертсон, научный руководитель факультета глобальных процессов И. И. Абылгазиев, декан И. В. Ильин, первый вице-президент Российского философского общества А. Н. Чумаков, президент НИК «Интеллектуальные системы» И. И. Мазур, вице-президент Академии геополитических проблем И. Ф. Кефели, крупный венгерский философ Э. Киш, ученые и специалисты из Индии, Нидерландов, Монголии и других стран.

Участники конференции приняли декларацию о создании в ближайшей перспективе нового международного научно-экспертного объединения «Московский клуб», который будет готовить ежегодные доклады, посвященные различным аспектам глобальных проблем и путям их решения.

НАШИ АВТОРЫ

АНДРЕЕВ Алексей Игоревич – кандидат биологических наук, доцент, заместитель декана факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова. molsovet-msu@yandex.ru

БЕСТУЖЕВ-ЛАДА Игорь Васильевич – доктор исторических наук, профессор, футуролог, почетный Президент Международной академии прогнозирования. iphs@iph.ras.ru

ВАСИЛЕСКУ Григоре – доктор философии, профессор кафедры международных отношений Кишиневского Госуниверситета, Республика Молдова. vasillescugr@yahoo.com

ГАДЖИЕВА Васила – кандидат политических наук, доцент Университета «Азербайджан». vasila_haciyeva@yahoo.com

ГРУБЕЦ Марек – директор Центра глобальных исследований института Филологии Академии наук Чешской Республики. hrubec@ff.cuni.cz

ДЕНИСОВ Сергей Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права Гуманитарного университета г. Екатеринбург. sadenisov@yandex.ru

ИЛЬИН Илья Вячеславович – кандидат геолого-минералогических наук, доцент, член-корреспондент РАЕН, декан факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова. molsovet-msu@yandex.ru

КАЛЬНОЙ Игорь Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (Крым). kalnoy@crimea.edu

КАРЯКИН Юрий Федорович – философ, литературовед, публицист. prodolnova@yandex.ru

МАРКОВ Сергей Александрович – кандидат политических наук, профессор МГИМО(У), заместитель председателя комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы Федерального Собрания РФ. дума.gov@gmail.com

РОБЕРТСОН Роланд – доктор философии, профессор Эссекского университета (Великобритания), почетный профессор университета Чинхуа (Китай). r.robertson@abdn.ac.uk

РОКМОР Том – профессор, бывший председатель факультета философии Университета Дюкен (Питтсбург, Пенсильвания), заслуженный профессор Колледжа Мак-Анулти. rockmore@duq.edu

СМИТИЕНКО Борис Михайлович – доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой «Мировая экономика и международный бизнес» Финансовой академии при Правительстве РФ. eharkova@fa.ru

ТАРАН Патрик – старший специалист по вопросам миграции Международной организации труда (МОТ), Женева. taran@ilo.org

ТЫНЯНОВА Ольга Николаевна – кандидат политических наук, эксперт по проблемам народонаселения Академии гуманитарных исследований, член Российского философского общества и Российской ассоциации политической науки, ученый секретарь Московского областного отделения РФО, действительный член Международной академии информатизации (по отделению погранологии), почетный профессор Европейской Академии естественных наук. ucg.ltd@list.ru, pro_gnosis@mail.ru

УРСУЛ Аркадий Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, академик АН Молдавии. ursul-ad@mail.ru

ЭСКИНДАРОВ Михаил Абдурахманович – доктор экономических наук, профессор, ректор Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации. EFayantseva@fa.ru

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Ilyin I. V., Ursul A. D. Evolutionary Approach to Global Studies and Education: Theoretical and Methodological Problems (pp. 3–17).

Vasilesku G. Methodological Aspects of Globalistics (pp. 18–29).

Processes of Globalization

Robertson R. The ‘Return’ of Religion and the Conflicted Condition of World Order (pp. 30–38).

Intellectual Capital as the Most Important Factor of the Economic Development: Interview with M. A. Eskindarov (pp. 39–44).

Future is Unpredictable but Foreseeable: Interview with I. V. Bestuzhev-Lada (pp. 45–52).

Global Problems

Rockmore T. Social Contradictions, Globalization and 9/11 (pp. 53–65).

Taran P. Globalization and Labour Migration: The Necessity of Politics Based on Human Rights (pp. 66–88).

Tynyanova O. N. National Sovereignty and State Boundary in the Epoch of Globalization (pp. 89–105).

World Crisis

Gadzhieva V. Global Crisis: Causes, Directions and Solutions (pp. 106–110).

Nature, Society and Human Being

Koryakin Yu. F. Not to be Late! (One Premise Gives an Infinity of Consequences) (pp. 111–125).

Hrubec M. The Presuppositions of an Intercultural Dialogue on Human Rights (pp. 126–144).

Russia in the Global World

Smitienko B. M. Russia and the Ideas of the United Europe (pp. 145–156).

Markov S. A. A New Stage of Russia's Strategy at the Caucasus as Response to the Terror Attacks (pp. 157–162).

Kalnoy I. I. What Heritage do we Refuse from as a Result of the Historical Memory loss? (pp. 163–172).

Denisov S. A. The Retreat of ‘the Third Wave’ of Democratization in the World (pp. 173–186).

Events and Comments

Andreev A. I. International Scientific Conference ‘Urgent Problems of Global Studies’ (pp. 187–189).

The Authors of the Issue (p. 190).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: (Селигман и др. 2009; Домострой... 2008). При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: (Ганнушкин 1964: 28). Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен, И. Г. 1997. *История эллинизма*: в 3 т. Т. 1. СПб.: Наука; Ювента.

Воронов, А. М. 1992. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным. *Водные ресурсы* 4: 97–105.

Шишков, Ю. В. 2003. Мирхозяйственный механизм: движение к глобализации. В: Королев, И. С. (ред.), *Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет*. М.: Экономистъ, с. 25–47.

Кузищин, В. И. (ред.) 1988. *История Древнего Востока*. М.: Высшая школа.

U.S. Bureau of the Census. World Population Information. Режим доступа: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html>. Дата доступа: 24.02.2008.

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации».

1(5), 2010. – 192 с.

Ответственная за выпуск *Е. В. Еманова*
Технический редактор *Е. А. Никифорова*
Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*
Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г.

© Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: uchitel@avtlg.ru

Подписано в печать 15.07.2010. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10